

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный научный журнал

Издается с 1997 года
Выходит 4 раза в год
Саратов (Россия)

2026 Том 21 № 2 (50)

Speech Genres

International Journal

Published from 1997
4 issues per year
Saratov (Russia)

- Журнал «Жанры речи» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76706 от 02.09.2019 г.
- Подписной индекс издания 70771. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (zhanry-rechi.sgu.ru)
- Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория K1, специальности: 5.9.1, 5.9.3, 5.9.5, 5.9.8)
- Журнал входит в ЕГПНИ (Белый список), SCOPUS, RSCI, DOAJ, ERIH PLUS

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

© Саратовский университет, 2026

Редакционная коллегия

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Кощеева, кандидат филол. наук, доц. (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

В. М. Алпатов, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)

Е. Ю. Викторова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

М. Еленевская, Ph.D., проф. (Хайфа, Израиль)

Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)

И. Э. Клюканов, Ph.D., проф. (Вашингтон, США)

Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)

Э. Лассан, Ph.D., проф. (Каунас, Литва)

М. Макуховска, Ph.D., проф. (Ополе, Польша)

В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Витебск, Белоруссия)

А. Мустайоки, Ph.D., проф. (Хельсинки, Финляндия)

Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Минск, Белоруссия)

Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Омск, Россия)

В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Р. Ратмайр, Ph.D., проф. (Вена, Австрия)

В. А. Салимовский, доктор филол. наук, проф. (Пермь, Россия)

М. Сифиану, Ph.D., проф. (Афины, Греция)

Т. И. Стексова, доктор филол. наук, проф. (Новосибирск, Россия)

З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Павлодар, Казахстан)

Р. Г. Тирандо, Ph.D., проф. (Гранада, Испания)

Хуан Мэй, Ph.D., проф. (Пекин, КНР)

Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Великий Новгород, Россия)

Editorial Board

Editor-in-Chief

Vadim V. Dementyev (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Deputy Editor-in-Chief

Lubov' V. Balashova (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>

Executive Secretary

Olga V. Koshcheeva (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-8506-0867>

Members of the Editorial Board:

- Vladimir M. Alpatov* (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>
Elena G. Elina (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>
Vladimir I. Karasik (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>
Igor E. Klyukanov (Washington, USA), <https://orcid.org/0000-0003-2240-0980>
Tat'yana V. Larina (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>
Eleonora Lassan (Kaunas, Lithuania), <https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>
Marzena Makuchowska (Opole, Poland), <https://orcid.org/0000-0003-1357-2211>
Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8717-9231>
Mei Huang (Beijing, China), <https://orcid.org/0000-0003-3580-0107>
Arto Mustajoki (Helsinki, Finland), <https://orcid.org/0000-0002-6609-7090>
Boris Y. Norman (Minsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>
Natalia V. Orlova (Omsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>
Valery V. Prozorov (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>
Renate Rathmayr (Vienna, Austria), <https://orcid.org/0000-0003-3038-2276>
Vladimir A. Salimovsky (Perm, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-4925-2490>
Tat'yana V. Shmelyova (Velikiy Novgorod, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3360-0518>
Maria Sifianou (Athens, Greece), <https://orcid.org/0000-0002-3231-937X>
Tat'yana I. Steksova (Novosibirsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>
Zifa K. Temirgazina (Pavlodar, Kazakhstan), <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>
Rafael Guzman Tirado (Granada, Spain), <https://orcid.org/0000-0002-4615-6436>
Elena Yu. Viktorova (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3989-1897>
Maria Yelenevskaya (Haifa, Israel), <https://orcid.org/0000-0001-7155-8755>

СОДЕРЖАНИЕ

Общие проблемы теории речевых жанров

- Тюкаева Н. И.** Барнаул, Россия,
Бринев К. И. Кайфын, Китай
- Методология жанроведения:
функционально-прагматическая модель
как ответ на актуальные вызовы 130

Исследования отдельных жанров

- Громыко С. А.** Вологда, Россия
- Официальное поздравление с Днем народного
единства: жанровые и прагматические особенности 145
- Байкулова А. Н.,**
Дегальцева А. В. Саратов, Россия
- Жанр уличного объявления в коммуникации соседей 156
- Крючкова О. Ю.** Саратов, Россия
- Рассказы носителей традиционной
народной культуры о войне как жанровая
разновидность автобиографического рассказа
(на материале корпуса диалектных текстов) 169
- Маслова В. А.** Витебск, Беларусь,
Немыка А. А. Краснодар, Россия,
Синячкин В. П. Москва, Россия
- Притча православных старцев как жанр.
Специфика лингвокультурного подхода 177

Жанры в художественном творчестве

- Прозоров В. В.** Саратов, Россия
- Речежанровая реальность в комедии Н. В. Гоголя
«Ревизор» 184
- Зейферт Е. И.** Москва, Россия
- Переход locus amoenus в хронотоп в лирике
высокого бидермейера как признак жанра идиллии
(Аннетте фон Дросте-Хюльсхофф) 197

Интернет-жанры

- Баженова Е. А.,**
Ширинкина М. А. Пермь, Россия
- Жанры цифрового дискурса исполнительной власти 206
- Говорухина Ю. А.** Калининград, Россия
- Мультимодальность литературно-критических отзывов
в Сети: новые требования жанра 218
- Дементьев В. В.** Саратов, Россия
- Речежанровая структура психологических эссе
Анны Кирьяновой: аксиология, поучительность,
директивность 227

Жанры в фило- и онтогенезе

- Гашарова А. Р.** Махачкала, Россия
- Особенности детских считалок как речевого жанра
в фольклоре лезгин 239

CONTENTS

General Problems of the Speech Genres Theory

- Tyukaeva N. I.**
Barnaul, Russia,
Brinev K. I.
Kaifeng, China
- On methodology of modern genre studies:
A functional and pragmatic model as a response
to current challenges 130

Studies of Individual Genres

- Gromyko S. A.**
Vologda, Russia
- Official congratulations on National Unity Day:
Genre and pragmatic features 145
- Baikulova A. N.,
Degaltseva A. V.**
Saratov, Russia
- The genre of street announcements in neighborhood
communication 156
- Kryuchkova O. Yu.**
Saratov, Russia
- War stories of traditional folk culture bearers
as a genre variety of the autobiographical story
(based on dialect corpus) 169
- Maslova V. A.**
Vitebsk, Belarus,
Nemyka A. A.
Krasnodar, Russia,
Sinyachkin V. P.
Moscow, Russia
- The parable of Orthodox elders as the genre.
The specifics of the cultural linguistics approach 177

Genres in Art

- Prozorov V. V.**
Saratov, Russia
- Speech genre reality in N. V. Gogol's comedy
"The Government Inspector" 184
- Seifert E. I.**
Moscow, Russia
- The transition of locus amoenus into chronotope
in high biedermeier lyrics as a sign of the idyll genre
(Annette von Droste-Hülshoff) 197

Internet Genres

- Bazhenova E. A.,
Shirinkina M. A.**
Perm, Russia
- Genres of digital discourse of the executive power 206
- Govorukhina Yu. A.**
Kaliningrad, Russia
- Multimodality of literary critical reviews on the Internet:
New requirements of the genre 218
- Dementyev V. V.**
Saratov, Russia
- The linguistic structure of Anna Kiryanova's
psychological essays: Axiology, didacticism, directiveness 227

Genres in Philo- and Ontogenesis

- Gasharova A. R.**
Makhachkala, Russia
- Features of children's counting rhymes as a speech genre
in Lezghin folklore 239

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 2 (50). С. 130–144

Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 2 (50), pp. 130–144

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-130-144>, EDN: ATQEDI

Научная статья

УДК 81'38'42

**Методология жанроведения: функционально-прагматическая модель
как ответ на актуальные вызовы**

Н. И. Тюкаева[✉], К. И. Бринев

Алтайский государственный педагогический университет, Россия, 656031, г. Барнаул,

ул. Молодежная, д. 55

Хэнаньский университет, Китай, г. Кайфын, провинция Хэнань, № 58, ул. Реньмин, Хайков

Тюкаева Надежда Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания и методики преподавания русского языка как иностранного, tukaewa1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3415-0405>

Бринев Константин Иванович, доктор филологических наук, профессор, brinevk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3415-0405>

Аннотация. В статье исследуется проблема современного жанроведения, связанная с методологическим кризисом, обусловленным несоответствием классических подходов вызовам естественной и цифровой коммуникации. Авторы выделяют ключевые проблемы: терминологическую нестабильность (использование псевдотерминов типа «флирт», «молитва» как научных понятий, междисциплинарную эклектику (разные трактовки жанра в лингвистике, литературоведении, журналистике)) и методологическую ригидность, унаследованную от эссенциалистской парадигмы.

Основной тезис предлагаемой концепции – необходимость перехода от статической модели (жанр как формально-структурная категория) к динамической, в рамках которой жанр трактуется как процесс, формируемый социальными, технологическими и когнитивными контекстами. В качестве альтернативы предложен подход методологического номинализма, отвергающий реификацию терминов и предполагающий функциональный анализ (поиск ответа на вопрос: «Как функционирует жанр?», вместо актуального: «Что такое жанр?»). На примерах показано, как традиционные критерии «жанровости» теряют актуальность, порождая концепт «не-жанра» – моделей текстов, не вписывающихся в классические рамки теории речевых жанров, но воспринимаемых адресатами как жанры. Авторы предлагают пути преодоления кризиса: развитие терминологии (исключение разговорных выражений) и разработку глоссариев; интеграцию методов (корпусный анализ, эксперимент); создание объяснительной теории, фокусирующейся на причинах трансформации жанров.

В заключении обоснована континуальная концепция жанроведения, сочетающая систематизацию данных, анализ вариативности и прогностическое моделирование. Подчеркивается, что прогресс дисциплины возможен лишь через отказ от догм и переход к проблемно-ориентированным исследованиям, отвечающим реалиям современной естественной коммуникации, в том числе с приходом цифровой эпохи.

Ключевые слова: жанр речи, теория речевых жанров, речевое жанроведение, интернет-жанр, терминосистема, научный термин, методология жанроведения, методологический номинализм

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта РНФ в рамках проекта № 25-28-02810 (<https://rscf.ru/project/25-28-02810/>).

Для цитирования: Тюкаева Н. И., Бринев К. И. Методология жанроведения: функционально-прагматическая модель как ответ на актуальные вызовы // Жанры речи. 2026. Т. 21, № 2 (50). С. 130–144. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-130-144>, EDN: ATQEDI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On methodology of modern genre studies: A functional and pragmatic model as a response to current challenges

N. I. Tyukaeva[✉], K. I. Brinev

Altai State Pedagogical University, 55 Molodezhnaya St., Barnaul 656031, Russia

Hainan University, Kaifeng, No. 58 Renmin Avenue, Hainan province, China

Nadezhda I. Tyukaeva, tukaewa1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3415-0405>

Konstantin I. Brinev, brinevk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8824-594X>

Abstract. The article examines the problem of modern genre studies related to the methodological crisis caused by the discrepancy between classical approaches to the challenges of natural and digital communication. The authors identify a number of key problems: terminological instability (the use of pseudo-terms such as “flirting”, “prayer” as scientific concepts, interdisciplinary eclecticism (different interpretations of the genre in linguistics, literary studies, journalism) and methodological rigidity inherited from the essentialist paradigm.

The main thesis of the proposed concept is the need to move from a static model (genre as a formal structural category) to a dynamic one, in which genre is interpreted as a process shaped by social, technological and cognitive contexts. As an alternative, the authors propose an approach of methodological nominalism, rejecting the reification of terms and assuming a functional analysis (searching for an answer to the question: “How does a genre function?” instead of the actual one: “What is a genre?”). The examples show how the traditional criteria of “genre” are losing relevance, giving rise to the concept of “non-genre” – models of texts which do not fit into the classical framework of the theory of speech genres, but are perceived by addressees as genres. The authors propose some ways to overcome the crisis: the development of terminology (the exclusion of colloquial expressions) and the development of glossaries; the integration of methods (corpus analysis, experiment); the creation of an explanatory theory focusing on the causes of genre transformation.

In conclusion, the authors substantiate a continuum concept of genre studies, combining data systematization, variability analysis, and predictive modeling. It is emphasized that the progress of the discipline is possible only through the rejection of dogmas and the transition to problem-oriented research that meets the realities of modern natural communication, among other issues connected with the advent of the digital age.

Keywords: genre of speech, theory of speech genres, speech genre studies, Internet genre, terminology system, scientific term, methodology of genre studies, methodological nominalism

Acknowledgments. The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation (RSF), project No. 25-28-02810 (<https://rscf.ru/project/25-28-02810/>).

For citation: Tyukaeva N. I., Brinev K. I. On methodology of modern genre studies: A functional and pragmatic model as a response to current challenges. *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 2 (50), pp. 130–144 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-130-144>, EDN: ATQEDI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Настоящая статья развивает дискуссию о необходимости возвращения жанроведения в число ключевых направлений речеведения. Проблему трансформации теории речевых жанров (ТРЖ) удачно формулирует В. В. Деметьев, чьи слова послужат основой для наших дальнейших рассуждений: «Как часто бывает в период становления новых научных парадигм, развитие теории опережало развитие методов. Принципиально новые идеи, как правило, не получали (и нередко не получили до сих пор) адекватные методы для их подтверждения» [1: 187]. Этот тезис формулирует ключевой вопрос современной ТРЖ: как сохранить баланс между классическими критериями жанра и необходимостью

адаптации теории к новым коммуникативным реалиям?

Активное взаимодействие жанроведения с методологиями смежных дисциплин (теорий): речевой деятельности, речевых актов, функциональной стилистики, когнитивистики, коммуникативистики и дискурсологии, действительно, привело к смещению исследовательского фокуса. Так, в исследованиях при анализе речевого жанра как автономной единицы с присущими ей структурно-семантическими характеристиками, внимание концентрируется на внешних функциях: влиянии когнитивных процессов на выбор жанра, роли жанров в формировании дискурса, социальных эффектах коммуникации. Такой подход отражает тенденцию к интеграции жанроведения с когнитивистикой, социолингвистикой,

теорией дискурса, функциональной стилистикой, однако порождает дискуссии о рисках «растворения» жанра в смежных категориях. Этот сдвиг, хотя и обогатил эмпирическую базу, но ослабил внутреннюю системность дисциплины, породив ключевые противоречия. Первое из них – «подмена», уход от изучения жанра как лингвистического объекта (структура, стиль, композиция) к анализу его контекстуальных функций, вследствие чего выявление жанровых инвариантов (формы и содержания) сводится к исследованию прагматических условий при его реализации или к выявлению социальных статусов через проведение социологических опросов на окололингвистические темы, что нерелевантно специфике жанра. К размыванию собственно жанровых критериев (второй аспект проблемы) ведет некритичное заимствование категориального аппарата из других наук, когда жанр начинают описывать через «фреймы», «сценарии», «когнитивные типы», «концепты» (когнитивистика), «медиаформаты» «коммуникативные сферы», «установки», «повествования», «сюжеты», «композиции» (коммуникативистика) или «аналитические жанры», «информационные жанры» (журналистика), при этом его сущность подменяется понятием коммуникативного паттерна вообще. Это нивелирует уникальность бахтинского подхода [2], согласно которому жанр был прежде всего формой (устойчивой, но речевой) типовидного высказывания, но не абстрактной моделью.

Следствием описанных тенденций возникает методологический вызов, с которым сталкивается современное жанроведение: дисциплина балансирует между статусом автономной лингвистической области и инструментальной «надстройкой» для смежных наук, поскольку результаты жанроведческих исследований часто сформулированы как второстепенные для фундаментальной науки, что снижает воспринимаемую теоретическую ценность ТРЖ. Учитывая научную значимость ТРЖ, её внутренняя противоречивость, например, расхождения в определении базовых терминов – требует систематизации методологических подходов и унификации понятийного аппарата. Ключевая методологическая проблема, как продемонстрировано в наших исследованиях [3, 4], связана со смешением

уровней анализа в жанроведческих описаниях. Методологическая уязвимость некоторых исследований¹ связана с упрощением понятия жанр, при котором сложный теоретический конструкт (жанр) подменяется списком лексем (формальная характеристика). Такие лексические маркеры отражают лишь поверхностный уровень явления и не могут считаться полноценными эмпирическими референтами. Например, термин «научная статья» определяется через частотные понятия («актуальность», «методология», «результаты» [5, 6], публикация на субстратах, имеющих отношение к науке) при игнорировании его коммуникативной архитектуры (цель → обоснование открытия, адресат → научное сообщество, автор → исследователь-«первопроходец») и систематизацию с другими терминами-понятиями: шаблон, формула, форма повествования, сфера и др. Такая подмена создает иллюзию объективности: субъективные исследовательские интуиции (подбор лексем как «жанрообразующих», фиксация подобранных признаков, уникальная для каждого жанра интерпретация) маскируются под анализ данных, тогда как ключевые параметры жанра – интенциональность, стилевая вариативность, культурная обусловленность, социальная функция, дискурсивный смысл – остаются за рамками изучения. Противоречие возникает между декларируемым подходом (анализ жанра в его динамике) и реальной практикой, где жанр редуцируется до списка формальных критериев. К примеру, такие обозначения, как флирт или молитва, в научном контексте зачастую некорректно функционируют в качестве терминов, выполняющих роль ярлыка вместо аналитического конструкта при ошибочном приписывании значения онтологической реальности, что ведёт к методологическим коллизиям: разночтения в трактовках порождают противоречивые табуляции; выводы становятся субъективными ввиду отсутствия чётких критериев верификации; жанр «объясняется» через его же наименование («X» является жанром, потому что мы называем его (X) жанром).

Решение видится в последовательном разграничении терминов и псевдотерминов: обычных понятий, лексем. Термин должен выполнять роль аналитического инструмента,

¹Методология исследования основана на комплексном подходе, включающем, с одной стороны, критический анализ релевантной, научной литературы (систематически проанализировано свыше 200 научных публикаций в области теории жанроведения) и опубликованных описаний конкретных жанров в рамках ключевых концепций. С другой, корпусное исследование текстов: проведен анализ более 500 текстов, представляющих разнообразные типы письменной коммуникации («естественные» тексты: спонтанные надписи, созданные в повседневной среде; «искусственные» тексты: преднамеренно созданные произведения (статья, книга, сообщение и т. д.)). Анализ произведен с учетом материального носителя (субстрата), их физического воплощения на различных носителях (традиционные (реальные) носители: бумага, дерево, стол, парта, дверь, камень, металл (плита), бетон (стена, забор) и другие поверхности материального мира; цифровые (виртуальные) носители: экраны электронных устройств (смартфон, компьютер, планшет, телефон)).

нейтрального к контекстуальным интерпретациям, например, «коммуникативный паттерн» (универсальная схема взаимодействия). В отличие от них, псевдотермины – это заимствованные из обиходной речи слова («флирт», «комплимент»), лишённые точного дефинитивного значения. Мы утверждаем, что в современной лингвистике под эту категорию нередко попадает и так называемый паттерн «научная статья», поскольку его определение часто носит расплывчатый и интуитивный характер. Псевдотермины сохраняют бытовые коннотации и не поддаются точной научной операционализации из-за расплывчатости границ. Итогом предлагаемой научной «ревизии» станет переход от эссенциалистской парадигмы («жанр как сущность») к функциональной («жанр как процесс»), что позволит преодолеть кризис редукционизма в жанроведении.

Противоречия терминосистемы жанроведения по признаку научности

Фундаментальный парадокс жанроведения видится в многомерности понятия (жанр), которое предполагает несколько взаимосовместимых теоретических аспектов, но их эмпирическое воплощение порождает противоречивые исследовательские модели. ТРЖ оперирует тремя онтологическими проекциями жанра: 1) статическая проекция (жанр как инвариантная модель высказывания² (формально-содержательный каркас)), отображающая жанр через устойчивое текстовое единство (композиция, стиль, языковые средства); 2) процессуальная проекция рассматривает речевой жанр как интенциональный коммуникативный акт, нацеленный на достижение конкретного результата (например, убеждение, информирование или поздравление), в рамках этой проекции жанр изучается как инструмент речевого воздействия, то есть через ту функцию, которую он выполняет в коммуникации; 3) нормативная проекция акцентирует социальную природу жанра, трактуя его как институционализированный регулятор коммуникации, с этих позиций жанр представляет собой устойчивый паттерн культурного кода, который реализуется через систему конвенциональных маркеров (например, речевых формул, композиционных схем), которые фик-

сируют не только правила поведения, но и лежащие в их основе культурные нормы, традиции и социальные отношения, обеспечивая предсказуемость и эффективность коммуникации. Рассмотрим примеры противоречий: статичность // динамика (деловой договор сохраняет структурную чёткость, но его прагматические функции (распределение прав, интерпретация условий) варьируются в зависимости от правовой системы); эволюция // трансформация (поздравление эволюционирует от материальных носителей (открытка) к цифровым форматам (TikTok-ролик), демонстрируя цепочку трансформаций: открытка → e-mail → голосовое сообщение → видеоконтент); структура // синергия (статика // динамика: структурная устойчивость жанра (договор, письмо) противоречит его функциональной гибкости (ср. варианты договоров: договор купли-продажи, брачный договор, устный договор, договор поставки, кредитный договор, как варианты договора: обещание, клятва; варианты писем: письмо-договор, письмо-заявление, письмо-поздравление, письмо-извещение, письмо-сообщение, письмо-признание)), – что ставит под сомнение универсальность классических определений жанра и приводит к конфликту критериев его выделения.

Междисциплинарный характер исследований дополнительно усугубляет терминологическую проблематику жанроведения. Лингвисты, литературоведы и медиаэксперты, выступая в едином научном дискурсе (например, исследования, объединённые в рамках одного международного научного журнала «Жанры речи» (СГУ, Саратов) (2018–2025)), оперируют принципиально разными трактовками ключевого понятия: лингвистика представляет жанр как тип речевого взаимодействия с акцентом на структуру и прагматику; литературоведение – как исторически сложившуюся художественную форму; медиаведение – как платформенно обусловленный формат контента. Это создаёт методологическую разобщённость: отсутствие единой схемы анализа закрепляет противоречивые трактовки одного термина «жанр», где каждый аспект (структурный, функциональный, контекстуальный; лингвистический, литературный, медийный) рассматривается как самостоятельный «пред-

²Для современного жанроведения характерны попытки разработки инвариантных моделей отдельных жанров (Т. Г. Рабенко, Н. И. Тюкаева). Специфика этих попыток заключается в том, что моделирование инварианта осуществляется через интерпретативные практики описания, что предполагает включение субъективных исследовательских оценок в процесс выявления объективной жанровой основы, когда жанр предстает не более чем линейный абстрагированный набор признаков. Такие модели сводятся к шаблонам типа: «граффити чаще имеет признаки а, б, с» или «большинству девичьих альбомов свойственно Y», что принципиально отличается от классических инвариантных моделей. Традиционно для вычисления лингвистических инвариантов применяются: оппозитивный анализ (выделение инварианта через минимальные различия), пропозициональное моделирование (инвариант как абстрактная семантическая схема), синтагматические критерии (инвариант как элемент линейной сочетаемости). Проблемным полем остаётся применение данных методологий в жанроведении: нам не известны соответствующие исследования.

мет», но не как часть комплексного феномена. Отсутствие концептуального единства превращает термин «жанр» в условный ярлык, что ставит под вопрос эффективность междисциплинарного диалога³.

В основе предлагаемой концепции лежит трактовка терминосистемы современного жанроведения как имитационной терминосферы – системы вторичных семиотических подмен, где методологически обоснованные дефиниции вытесняются терминоидами, реплицирующими форму без содержательного наполнения⁴. Терминоиды, как показано в нашей работе [3], возникают в результате механистического заимствования лексики из смежных дисциплин. Эти проблемы мы склонны связывать с эссенциалистским подходом, доминирующим в жанроведении: проникновение в научный дискурс «псевдотерминов», т. е. языковых ярлыков, которые лишь имитируют научную терминологию, например, флирт, письмо, статья, молитва, инстаграм⁵ (как самостоятельный жанр). Выявлены следующие нарушения норм терминообразования в жанроведении: контекстная зависимость (значение меняется в зависимости от ситуации (например, статья «письмо в редакцию» – какой жанр: письмо, статья или письмо-статья?); эмоциональная нагрузка (термины становятся субъективно и коннотативно обусловленными); многозначность (отсутствует четкое определение границ: тезисы vs статья vs доклад как прочитанная статья). В результате применения традиционного для жанроведения принципа терминообразования возникает методологический конфликт: используемые в научных исследованиях «термины» (без кавычек не обойтись), становясь частью научного дискурса, организованного противоречивым образом, подрывают методологическую системность ТРЖ. Их использование приводит к эклектике – смешению бытовых и научных категорий⁶.

Проблемы жанровой терминосистемы

Изучение концептов, объединенных под термином «жанр», включая теоретические работы В. В. Дементьева, В. Е. Гольдина, М. Ю. Федосюка, Т. В. Шмелевой и др. [1, 7–12] и прикладные исследования, опубликованные в последние десятилетия, становится проблематичным уже на этапе операционализации предмета [13–78]. Проиллюстрируем это на примере ключевого понятия «жанр», точнее, его разнонаправленных интерпретаций в научной литературе: если в рамках структуралистского подхода (М. М. Бахтин, Ф. Кристи, В. Коуп, М. Каланцис, Дж. Р. Мартин, Д. Роуз, Т. Г. Рабенко, А. Фридман [2, 13–16, 39, 40]) жанр трактуется как устойчивая модель с фиксированными параметрами (композиция, стиль, интенция), то в пределах динамической парадигмы⁷ (исследования рекламы [41], студенческих граффити [3, 4, 17, 18], девичьих альбомов [19], тетрадей рецептов [19] и цифровых жанров [20–22]) акцентируется комплексность, разнообразие (существование в разных формах и модификациях) и адаптивность (изменчивость) жанров в естественной коммуникации, в которой подчеркивается «двойная системность⁸» (коммуникативно-функциональная), организованная в процессе речетворчества [42: 47–49; 44]. Парадокс интерпретационизма в ТРЖ проявляется при структурно-субстанциональном подходе [23–25], который сводит жанр к набору формальных признаков (например, шаблоны, формулы научной статьи), но содержательно-функциональный взгляд [7, 26–29] – рассматривает жанр как единство формы и прагматики, концентрируясь на значениях, правилах (например, студенческое граффити как культурный, социальный код, а не только текстовая структура при ее функциональной нестабильности). Иллюстрацией коллапса аспектирующего подхода к жанру в рамках лингвистической дисциплины служит концепция, согласно которой определение его как знаковой системы и интерпретация

³Характерным примером подобной проблемы стала необходимость обоснования методологической принадлежности к лингвистике, а не литературоведению статьи «Обоснование принципов системного моделирования жанра: на примере текстов естественной письменной речи», перед редакционной коллегией научного журнала.

⁴Доказательная база гипотезы аргументируется конституированием имитационной терминосферы в современном жанроведении как среды эпистемической субституции – систематического вытеснения корректной терминологии квазинаучными номинациями с нестабильной денотацией, операция замещения методологически обоснованных терминов псевдонаучными десигнатами с нефиксированным денотативным полем (терминоидами, псевдотерминами, термо-симулякрами).

⁵Instagram, запрещенная в России социальная сеть, принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской организацией и запрещена на территории России.

⁶Ср.: жанр «письмо» и речевое произведение – письмо.

⁷Последняя пока не сложилась методологически, поскольку, на наш взгляд, не выработаны надежные научные инструменты жанрового описания. Рассматриваемые работы являются переходными: это попытки интеграции структурного подхода с деятельностным, в которых основа все еще «структурна» (единицы, организация), а процессуальная природа деятельности не установлена как центральный объект анализа.

⁸Речь идет о речевой системности.

как маркера культурных, социальных или когнитивных паттернов в одних работах [28–30, 48–52], что противоречит истолкованию этого понятия через дискурсивные действия [29, 32–34, 37], когда трактовка фокусируется на процессуальности и интерактивности. При этом нормативная трактовка (например, исследования научных жанров [6, 27, 35–38]) определяет жанр через институциональные рамки (правила, стандарты «искусственной речи» – термин Н. Б. Лебедевой [38]), тогда как «эмерджентный» подход [17–19, 28, 29, 39, 40] рассматривает жанры естественной речи (девичий альбом, сплетня, мем) как спонтанные, самоорганизующиеся практики. Указанные дихотомии порождают терминологический полицентризм – ситуацию, когда один термин («жанр») обозначает разные научные феномены. Преодоление противоречий требует разработки интегративной модели описания⁹, синтезирующей структурные, прагматические и динамические аспекты жанра, что позволит сохранить его эвристический потенциал в условиях коммуникативной турбулентности XXI века.

Противоречивость концепции жанроведения: методологическая антиномичность

Практика выбора произвольных дефиниций в обход глубокого критического анализа лишь углубляет методологический кризис, проявлением которого становится не синтез научных взглядов, а нагромождение иногда взаимоисключающих точек зрения. Наш анализ подтверждает вывод И. А. Стернина о распространении формализма и снижении качества научных работ [44: 14–16]: как демонстрируют материалы диссертаций и статей, взаимоисключающие трактовки жанровых характеристик (например, определение научной статьи через формальный или функциональный подход) парализуют возможность сравнительного анализа и дискуссии.

Ключевой предпосылкой для пересмотра ТРЖ стало появление концепта «не-жанр» [8], который бросил вызов эссенциалистской парадигме, господствовавшей в дисциплине. Эссенциализм, основанный на жёстких конвенциональных критериях, подвергает сомнению возможность анализа гибридных (например, гипержанр К. Ф. Седова) или маргинальных речевых форм (последняя страница тетради, записи на полях), что и актуализиру-

ет концепцию «не-жанра». Данный термин формируется в контексте попыток теоретического осмысления имен жанров в работах А. Вежбицкой, В. Е. Гольдина, В. В. Дементьева, Е. В. Падучевой, М. Ю. Федосюка, Т. В. Шмелёвой, эти труды объединяет методологический принцип, согласно которому жанр трактуется как устойчивая категория с чёткими границами, заданными социальным контекстом. М. Ю. Федосюк указывает, что «осознанное оформление некоторого высказывания как речевого произведения» [10: 112] не может служить основой для номинации речевых жанров, если речь идёт о речевых актах, соответствующих концепту иллюкутивного самоубийства¹⁰. Развитие этой мысли видится при введении В. В. Дементьевым оппозиции «жанр // не-жанр» [8: 11]. О. Б. Сиротинина отмечает, что «жанры существуют не только в порождении, но и в интерпретации – с точки зрения слушающего» [46: 27], следовательно, актуализируются противоречия эмпирическим данным: тексты, не соответствующие формальным критериям, но воспринимаемые адресатами (исследователями) как жанры (например, гибридные цифровые форматы), оказываются за пределами классификации. Введение концепта «не-жанр» приобретает ключевое значение для построения иной теории, поскольку анализ речевых произведений, маркируемых как «не-жанры», требует пересмотра методологических оснований ТРЖ – разработки новых критериев, метаданных и принципов классификации. Однако эта тенденция противоречит «классическому» пониманию тезиса М. М. Бахтина: «каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [47: 237]. Следовательно, исходная концепция М. М. Бахтина о речевых жанрах как устойчивых типах высказываний эволюционировала. Современное жанроведение исходит из презумпции о «жанровой обязательности», согласно которой любой текст принадлежит к какому-либо жанру, даже если его признаки не очевидны (например, гибридные форматы в соцсетях), что не противоречит идее М. М. Бахтина, но инициирует ее «реконструкцию», переосмысление. Разрешение этой методологической дискуссии между сторонниками выделения «не-жанров», приверженцами классической парадигмы и сторонниками иного понимания (где

⁹Несмотря на эффективность интегративной модели в преодолении терминологического полицентризма (значит, и методологического разнобоя), она в настоящем не решает ключевых вопросов жанроведения, отчасти потому, что сама дисциплина их ещё не эксплицировала. Полагаем, выявление жанровых паттернов предполагает их функциональное моделирование путем экспериментального исследования.

¹⁰Этот термин, введённый З. Вендлером [45], описывает ситуации, где коммуникативные действия «характеризуются не с точки зрения говорящего или вопреки его интересам» [Там же].

жанр трактуется не как жесткий шаблон, а как континуум форм, возникающих в процессе коммуникации) может привести к смене научной парадигмы. Более того, существуют теоретические предпосылки для такого сдвига, разработанные в рамках исследований вариативности жанров (В. А. Салимовский [41], В. В. Дементьев [75]). Такой переход аналогичен переходу от ньютоновской механики к теории относительности: в классической теории жанр понимается как устойчивая система с четкими критериями (аналогия – абсолютное пространство-время Ньютона), в новой концепции жанр представлен как динамическая категория, зависящая от контекста и интерпретации (аналогия – относительность в физике).

В контексте данного исследования мы опираемся на идеи К. Поппера [57] и А. Тарского [58] при обосновании непродуктивности теорий, фокусирующихся исключительно на анализе терминологических номинаций («имён») исследовательских объектов и их произвольной теоретизации. Опыт практических дисциплин, в частности, теоретической методологии судебной лингвистической экспертизы [60], где категориальный аппарат должен быть операционализирован, позволяет критически взглянуть на современную жанрологию. В рамках последней, как мы полагаем, наблюдается крен в сторону дефиниционных споров, которые в отрыве от эмпирической базы рискуют стать малопродуктивными и спуститься к околоспекулятивным спекуляциям – дискуссиям о словах, а не о фактах, законах, что особенно актуально для жанроведения, где терминологическая запутанность зачастую отвлекает от решения реальных проблем. Ключевая методологическая антиномия в жанроведении – противопоставление трактовки жанра как знаковой системы (сущностный подход [61]) и как коммуникативного действия/дискурсивного феномена [31–37, 48].

Методологическая антиномия коренится в онтологически несовместимых трактовках жанра. Так, в жанроведческих практиках «нормативистский подход» (институциональная материя жанра) редуцирует жанр к институциональной матрице с жесткими правилами (например, научная статья [5, 6, 61, 62]), тогда как эмпирическая реальность демонстрирует спонтанные жанры естественной речи [3, 4, 7, 8, 18, 19, 28, 29, 38–40, 52–55, 69], цифровые гибриды (твиттер-тред: публицистика // меметика), существующие вне установленных (институциональных) рамок, к описанию которых неприменима методология институциональности.

Противоречивость концепции: методологическая эклектика как результат разноаспектного подхода

Методологическая эклектика современного жанроведения, вытекающая из его междисциплинарной природы, коренится в принципиально разных способах концептуализации объекта. Эти способы задаются базовыми категориальными парами, такими как статика и динамика, форма и содержание, институциональность и спонтанность. Суть методологического парадокса – отсутствие общей методологии на предметную область. Так, литературоведение опирается на герменевтику и исторический анализ, лингвистика – на корпусные методы и прагматику, медиаисследования – на цифровую этнографию и анализ Big Data. Наблюдаемое проникновение методов герменевтики в лингвистику, ставшее следствием указанных влияний, обнажает методологическое противоречие: предмет исследования (тип речевого взаимодействия) и избранная методология анализа (герменевтика, ориентированная на глубину понимания текста) находятся в разных исследовательских плоскостях. Данное несоответствие – яркое проявление эклектики в методологии описания жанра.

Критические замечания И. А. Стернина о формализме и низком качестве научных работ [44: 14–16] согласуются с нашими выводами. Противоречивые трактовки жанровых особенностей (например, применение формального вместо функционального подхода к научной статье), регулярно встречающиеся в диссертациях и публикациях, действительно снижают уровень исследований. Причину кризиса жанра научной статьи мы видим в отходе от содержательных жанровых признаков в сторону их формального соблюдения. Ключевые компоненты научного текста – такие как «проблема», «гипотеза», «методология» – зачастую описываются шаблонно, а не содержательно. В результате текст утрачивает внутреннюю логику: проблема лишь обозначена, но не содержит реального противоречия; актуальность работы не подкреплена доказательствами нерешённости вопроса; методология не соотнесена с конкретной исследовательской задачей. Например, гипотезы нередко формулируются клишированно: «У X возможно выделить признаки жанра Y». Проблема же сводится к утверждению: «исследование актуально, поскольку явление X не описано в литературе или не изучено под определённым углом». Подобный формализм ставит под сомнение не только научную новизну и актуальность таких работ, но и сам факт наличия исследовательской проблемы – возникает вопрос, является ли она резуль-

татом глубокого анализа или лишь данью формальным требованиям. В результате многократно повторяющихся исследовательских алгоритмов жанроведение рискует превратиться в собрание разрозненных кейсов, когда каждый новый объект (диалоги в мессенджерах; сторителлинг в TikTok) механистически подгоняется под шаблон «*X как жанр*», что приводит к потере научной репутации, когда отсутствие чётких критериев позволяет объявлять жанром любой текстовый феномен и вызывает скепсис со стороны смежных дисциплин.

Альтернативная методология жанроведения

Приведённая строгость оценки в данном контексте не случайна: она призвана четко артикулировать системные пробелы в современном жанроведении, чтобы сформировать прочную теоретическую базу для преодоления методологических противоречий. Решение видится в последовательном пересмотре терминологического аппарата (разработке глоссария, фиксирующего значения ключевых терминов в рамках конкретного исследования), установлении научных понятий (например, термины уровня абстракции (жанр, гипержанр, жанровая форма, субжанр), термины, обозначающие типы жанров (детский журнал; флирт; пацанская лирика и проч.) как названия речевых произведений, внедрении критериев верификации – отказ от ритуального цитирования авторитетов (например, механических отсылок к М. М. Бахтину, А. Вежбицкой, В. В. Дементьеву, К. Ф. Седову, Т. В. Шмелевой и др.) в пользу прикладного применения их методологии. Такая трансформация способна сместить акцент с метафизического вопроса: «*Является ли “X” жанром?*» – на функциональный анализ: «*Как “X” реализуется в коммуникативной практике?*», что соответствует современным трендам гуманитарного знания. Наша гипотеза состоит в предложении альтернативной концепции, согласно которой жанр рассматривается не как сущность, а как процесс, формируемый социальными и коммуникативными практиками, законами. Такой подход позволяет преодолеть ограничения эссенциализма, сместив фокус с поиска «истинной природы» жанра на анализ его функциональной роли в конкретных контекстах. Данная позиция опирается на корреспондентскую теорию истины (И. Лакатоса, К. Поппера, Б. Рассела, А. Тарского [57–59, 65]), согласно которой истинность утверждений определяется их соответствием фактам. На наш взгляд, понимание траектории развития теории жанроведения необходимо основывать на принципе К. Поппера (прогресс

науки через критику и фальсификацию) [57] и на концепции критики как фундамента теоретического построения, разрабатываемой В. А. Звегинцевым [66], Е. С. Кубряковой [64] и И. Лакатосом [59] и направленной на приближение к истине. Ключевые положения представленной концепции, переосмысливающие природу жанра, таковы: функциональный подход: отказ от априорных сущностных определений в пользу выведения паттернов жанра из его функций в дискурсе (информативной, перформативной и др.); процессуальность: понимание жанра как динамической, ситуативно формируемой практики (отказ от представления о статичной форме и неизменной структуре); контекстуальная первичность: смещение фокуса на анализ социальных, культурных, технологических условий возникновения и эволюции жанра (отказ от формальных конструкторов).

Принятие новых постулатов определяет суть «неожанроведения», центральным принципом которого является условность жанровых ярлыков. Данная концепция подразумевает вариативность жанровых структур: например, поздравление (на открытке, плакате, в книге) реализует единый жанр через разные медийные формы, а не конституирует отдельные жанры (открытка; поздравительный плакат; инскрипт). В рамках нового подхода выдвигается предположение о том, что жанровые ярлыки условны и контекстно ограничены, при этом жанр как явление конституируется коммуникативным контекстом (когда, например, решается вопрос: *поздравление в устной речи // в мессенджере – один жанр?/разные жанры?*) и социальными практиками (выработке понятий коммуникации – ситуативная норма, «авто-адресная» норма (целевая аудитория), культурная норма. Ярлык «флирт», к примеру, релевантен термину жанр лишь в контекстах, соответствующих его игровой и эмоциональной природе. Новый подход базируется на признании коммуникативно-социального подхода К. Ф. Седова [28–30, 56, 67]. Несмотря на активную поддержку В. В. Дементьевым [68: 12–33; 62: 257–260 и др.], коммуникативно-социальный подход К. Ф. Седова, при всей масштабности заложенных в него идей, не получил достаточной теоретической и методической разработки. Это привело к тому, что потенциал подхода не был реализован в полной мере ни на концептуальном уровне, ни в практике конкретных исследований. Важнейшей основой ТРЖ становится концепция «семейного сходства» (Л. Витгенштейн [71]). Она предлагает альтернативу жёсткой таксономии жанров: вместо единого набора необходимых и достаточных признаков, предлагается определять сходство

жанров по разным, частично пересекающимся характеристикам с образованием ассоциативной сети родственных форм. Данная модель была, в частности, апробирована при анализе жанра «надписи на поверхностях» (граффити) [7, 70, 72]. Однако ее применение сопряжено с риском размывания границ жанра до полной неопределённости, что создает трудности при классификации конкретных текстов, например, жанр «мем» может обладать «семейным сходством» с анекдотом, визуальным искусством (современной пиктографией), граффити и рекламой, но не сводиться ни к одному из них или жанр надписи на поверхности (стена, парта, гора, дверь, плита и проч.) может формально совпадать с жанрами: граффити, петроглиф, объявление, реклама, поздравление, наказ, – но не совпадать с ними по «жанровой содержательности»¹¹.

Пути решения методологических проблем жанроведения

Создание принципиально новой методологии жанроведения, которая учитывает фактическую или когерентную природу жанровых категорий, возможно только через реализацию концепции методологического номинализма. Данная концепция получила объективное описание в рамках лингвистического направления [60: 45], когда, опираясь на методологию науки К. Поппера и А. Тарского, а также на теорию юридической лингвистики [60], концепция предлагает принципиально иной подход к терминологии, методологии и теории. Его (подхода) ключевой принцип: «термины – это не названия групп объектов, объединенных общей сущностью, а сокращенные обозначения эмпирических данных. Общие слова (например, жанр) – гипотезы о реальности, которые могут быть опровергнуты через проверку фактическими высказываниями» [Там же: 45]. Согласно нашей позиции, ядром ТРЖ должно стать не описание формальных признаков коммуникативных практик, а объяснение эмпирических фактов через призму методологического номинализма.

Мы придерживаемся следующей позиции: «теория должна решать проблемы, имеющие фактический характер, то есть объяснять утверждения о реальной действительности» [60: 78]. Жанроведческие исследования нередко носят сугубо описательный характер. Так, работы по цифровым жанрам (сторителлинг в TikTok) сводятся к перечню их формальных черт [74], а модели институциональных жанров [5, 6] демонстрируют ту же ограниченность. Эта тенденция, однако, не объясняет

генезиса жанров в конкретном коммуникативном контексте.

Таким образом, необходимо сформулировать проблемное ядро: четко определить, какие факты требуют объяснения (например, *почему одни жанры эволюционируют, а другие исчезают или почему в подобных ситуациях используются разные жанры?*); разработать фальсифицируемые гипотезы, интегрировать междисциплинарные методы, например, использовать методы когнитивной лингвистики для анализа ментальных репрезентаций жанров, привлекать социологические методы для изучения их социальных функций. В поисках такой методологии мы поддерживаем теоретическую идею В. В. Дементьева об интеграции междисциплинарных методик [75], включая: социокоммуникативный анализ [67] – изучение связи жанров с социальными процессами (например, влияние экономических кризисов на структуру жалоб в деловой и бытовой коммуникации), корпусные методы – выявление статистических закономерностей в больших массивах текстов [41, 75], вариантологию [61, 76] – исследование речевой системности [43], стилистической абстракции до инвариативности [77, 78] и вариативности жанровых моделей [41] в зависимости от контекста. В противовес чисто дескриптивным подходам, предлагаемая в качестве перспективной функционально-прагматическая модель требует конвергентной методологии: корпусные техники обеспечивают объективную базу для анализа жанровых инвариантов, а контролируемые эксперименты (дискурсивные, психолингвистические) доказывают их функциональную значимость в конкретных коммуникативных практиках.

Заключение

Анализ методологического фундамента современного жанроведения обнаружил глубинные противоречия между устоявшимися теоретическими парадигмами и новыми подходами к коммуникативным практикам. Это порождает проблему терминологической нестабильности: имена жанров не обладают необходимой научной строгостью, а их контекстная вариативность и эмоциональная коннотация редуцируют жанровые категории до статуса условных обозначений. Конфликт дисциплинарных онтологий – лингвистической, литературоведческой и медиалогической – детерминирует радикальную полисемию термина «жанр». Результатом становятся несовместимые методологические рамки и неконтролируемый терминологический плюрализм, блокирующий формирование единой теории.

¹¹ Термин введен нами для обозначения содержательной стороны жанра [8].

Предлагается решение проблем через разработку методологии, исключающей споры о терминах, их употреблении и постулирующей формулирование проблемного поля ТРЖ и функциональное описание жанра в рамках

разрабатываемой функционально-прагматической модели как закреплённой в речевом произведении динамической закономерности ситуативно обусловленного коммуникативного поведения в социуме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Что дало жанроведение современной лингвистике? // *Жанры речи*. 2020. № 3 (27). С. 172–194 <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194>, EDN: NNNJXG
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе Проблема речевых жанров. Проблема текста // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 5 т. М. : Языки русской культуры, 1996. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. С. 159–206.
3. Тюкаева Н. И. Теория виртуального жанроведения: проблема методологии // *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2025. Т. 4, № 2 (14). С. 172–184. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-2-172-184>, EDN: DSUPHD
4. Тюкаева Н. И. Обоснование принципов системного моделирования жанра (на примере текстов естественной письменной речи) // *Культура и текст*. 2019. № 3 (38). С. 206–225. EDN: GPKJHY
5. Девяткин Д. А., Каджая Л. А., Салимовский В. А. Жанры речи как объект компьютерного анализа (на материале научных текстов) // *Жанры речи*. 2019. № 2 (22). С. 86–104. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-86-104>, EDN: FYYMBX
6. Котурова М. П. Русский научный текст: с чего начать статью? // *Жанры речи*. 2017. № 2 (16). С. 210–215. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-210-215>, EDN: YRRLEH
7. Тюкаева Н. И., Лебедева Н. Б. Методология определения ситуативной содержательности жанрового источника // *Мир науки, культуры, образования*. 2023. № 6 (103). С. 447–448. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-6103-447-448>, EDN: SVXPUR
8. Дементьев В. В., Фенина В. В. Когнитивная генеристика: внутрикультурные речевые ценности // *Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 5–34. EDN: VNKEOJ*
9. Гольдин В. Е. Проблемы жанроведения // *Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 4–6. EDN: YNQGOT*
10. Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // *Вопросы языкознания*. 1997. № 5. С. 102–120.
11. Шмелёва Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // *Russistik. Русистика*. Berlin, 1990. № 2. С. 24–41.
12. Шмелёва Т. В. Речеведение в современной русистике // *Русский язык: исторические судьбы и современность: труды и материалы II Международного конгресса исследователей русского языка*. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, филол. фак., 2004. С. 559–561.
13. Christie F. Classroom Discourse Analysis: A Functional Perspective. London : Continuum, 2002. 189 p.
14. The Powers of Literacy: A genre Approach to Teaching writing / eds. B. Cope, M. Kalantzis. London : Falmer Press, 1993. P. 116–132.
15. Martin J. B., Rose D. Genre Relations: Mapping Culture. London : Equinox Publishing Ltd., 2008. URL: <http://linguistlist.org/get-book.html?BookID=37439> (дата обращения: 20.01.2025).
16. Freedman A. Anyone for tennis? // *Genre and the new rhetoric* / eds. A. Freedman, P. Medway. London : Taylor & Francis, 1994. P. 43–66.
17. Тюкаева Н. И. Проблема включенности фактора коммуникативной ситуации в модель жанрового источника // *Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика*. 2024. Т. 13, № 1. С. 15–24. <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2024-13-1-15-24>, EDN: JBXPEN
18. Лебедева Н. Б., Зырянова Е. Г., Максимова Н. Ю., Тюкаева Н. И. Жанры естественной письменной речи: Студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка. М. : КРАСАНД, 2021. 256 с. EDN: ZXZJMB
19. Рабенко Т. Г., Горовая Я. О. Типы диалогичности в жанровой структуре девичьего альбома // *Культура и текст*. 2021. № 1 (44). С. 262–275. <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2021-1-262-275>, EDN: ESAYYN
20. Bazerman Ch. Ch. 11. Speech Acts, Genres, and Activity Systems: How Texts Organize Activity and People. (Santa Barbara, University of California) // *What Writing Does and How It Does It: An introduction to analyzing texts and textual practices* / eds. Ch. Bazerman, P. Prior. Mahwah, New Jersey, London : Lawrence Erlbaum Associates Publ., 2004. P. 309–339.
21. Bawarshi A. S., Reiff M. J. Genre: An Introduction to History, Theory, Research, and Pedagogy. West Lafayette, Indiana, 2010. URL: https://wac.colostate.edu/books/bawarshi_reiff/genre.pdf (дата обращения: 14.10.2024).
22. Чуханова А. В. Динамика жанров публицистического стиля в русском языке (на материале рекламных очерков и рекламных интервью) : автореф. дис. канд. филол. наук. Минск, 2006. 23 с.
23. Кочеткова М. О. Жанровая динамика дискурса блогосферы: социолингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2016. 252 с. EDN: ZDCTYB
24. Мкртычян С. В. Речевой жанр: о единицах структурирования продукта речевой деятельности // *Жанры речи*. 2015. № 1 (11). С. 15–22. EDN: UAWNZZ
25. Стаценко А. С. Структура жанра как важного критерия дифференциации функциональных стилей // *Национальная идентичность сквозь призму диалога культур : сб. науч. ст. IV Международного конгресса (Ростов-на-Дону, 06–08 окт. 2022 г.)*. Ростов-на-Дону ; Таганрог : Южный федеральный университет, 2023. С. 170–175.
26. Кунцевич С. Е. Основные направления исследования проблемы жанра в лингвистике // *Актуальные проблемы современной прикладной лингвистики : сб. науч. ст. / отв. ред. И. В. Совпель*. Минск : МГЛУ, 2017. С. 46–52.
27. Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2002. 236 с. EDN: NMQQZH

28. Седов К. Ф. Анатомия жанров бытового общения // Вопросы стилистики : сб. науч. ст. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1998. Вып. 27. С. 9–20.
29. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2007. С. 7–38.
30. Седов К. Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2009. Вып. 6. Жанр и язык. С. 23–40. EDN: VMVLUU
31. Bawarshi A. Genre and the Invention of the Writer. Lognan : Utah State University Press, 2003. 222 p.
32. Devitt A. Genre as Language Standard // Genre and Writing: Issues, Arguments, Alternatives / eds. W. Bishop, H. Ostrom. Portsmouth, New York : Boynton / Cook, 1997. P. 45–55.
33. Freedman A., Medway P. Locating genre studies: Antecedents and prospects // Genre and the New Rhetoric / eds. A. Freedman, P. Medway. London : Taylor & Francis, 1994. P. 1–20.
34. Miller C. R. Genre as Social Action // Quarterly Journal of Speech. 1984. Vol. 70, iss. 2. P. 151–167.
35. Russell D. R. Rethinking genre in school and society : An activity theory analysis // Written Communication. 1997. Vol. 14, iss. 4. P. 504–554. <https://doi.org/10.1177/0741088397014004004>, EDN: JQMRDH
36. Schryer C. F. The Lab vs. the Clinic: Sites of competing genres // Genre and the New Rhetoric / eds. A. Freedman, P. Medway. London : Taylor & Francis, 1994. P. 105–124.
37. Силантьев И. В. Дискурс и жанр // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. 2010. Т. 9, № 6. С. 78–83. EDN: MUUYUWV
38. Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект исследования // Вестник Барнауль. гос. пед. ун-та. Гуманитарные науки. 2001. Вып. 1. С. 4–10. EDN: PYEOMF
39. Рабенко Т. Г. Русский речевой жанр в парадигме лингвистической вариантологии (на материале речевого жанра *личный дневник*) : монография. Кемерово : КемГУ, 2018. 171 с. EDN: XRUCJV
40. Рабенко Т. Г. Инвариантные и варианты признаки жанров естественной письменной речи (на материале жанров «личный дневник», «личное письмо», «личная записка») // Жанры речи. 2020. № 1 (25). С. 6–14. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-6-14>, EDN: YUQFVY
41. Салимовский В. А., Яруллин Д. В. О тождестве речевого жанра // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 151–159. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-151-159>, EDN: YRRLCO
42. Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь : [Кн. изд-во], 1968. 251 с.
43. Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь : Перм. гос. ун-т, 1972. 396 с.
44. Стернин И. А. Как уважать себя заставить? Ученый-филолог размышляет о наболевшем // Поиск. 2017. № 8. URL: <http://www.poisknews.ru/theme/publications/22732/> (дата обращения: 14.02.2025).
45. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М. : Прогресс, 1985. 500 с.
46. Сиротинина О. Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 26–31. EDN: SKFRYT
47. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 237–280.
48. Miller C. R. Where do genres come from? // Emerging Genre in new Media Environment / eds. C. R. Miller, A. R. Kelly. London : Springer, 2017. P. 1–34.
49. Christie F. Classroom Discourse Analysis: A Functional Perspective. London : Continuum, 2002. 189 p.
50. Cope W., Kalantzis M. The Powers of Literacy: A Genre Approach to Teaching Literacy. London : University of Pittsburgh Press, 1993. 528 p.
51. Martin J. R., Rose D. Genre Relations: Mapping Culture. London : Equino, 2008. 300 p.
52. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 39 с. EDN: NJRQDL
53. Кутайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М. : Русские словари, 1999. 396 с.
54. Гайда Ст. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 103–112. EDN: YNQGSD
55. Фенина В. В. Речевые жанры small talk и светская беседа в англо-американской и русской культурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. 22 с. EDN: NIMEOX
56. Седов К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности. Психо- и социолингвистический аспекты. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1999. 197 с.
57. Понпер К. Логика научного исследования. М. : Республика, 2004. 447 с.
58. Тарский А. Семантическая концепция истины и основания семантики // Philosophy and Phenomenological Research. 1944. Vol. 4, № 3. P. 341–375. Перевод выполнен А. Л. Никифоровым. URL: <https://katrechko.narod.ru/library/analytic/antologia98/tarsky.html> (дата обращения: 23.02.2025).
59. Лакатос И. И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М. : Академический проект, 1995. 423 с.
60. Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза (методология и методика). М. : Флинта, 2014. 146 с. EDN: TYNGDT
61. Стеклова Т. И. Изъяснительные конструкции в научном дискурсе: жанровые предпочтения // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 278–286. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-278-286>, EDN: VYLBWP
62. Дементьев В. В. «Анкета речевого жанра» Т. В. Шмелёвой: прошлое, настоящее, будущее (к 30-летию жанроведческой модели) // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 252–262. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262>, EDN: PZKKSM
63. Гольдин В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 23–34. EDN: YKWBDX
64. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки

зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянских культур, 2013. 560 с. EDN: RAZLVP

65. Рассел Б. Человеческое познание его сфера и границы. Киев : Ника-центр, 1997. 555 с.

66. Зеегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. Изд. 3-е. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 246 с. EDN: QTOCDF

67. Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М. : Издательский дом ЯСК, 2016. 440 с.

68. Дементьев В. В. Статья по жанрам речи в журнале «Жанры речи» как... жанр речи? // Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 12–33. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-12-33>, EDN: KDOOHP

69. Никонова Е. А. Характеристики аналитической статьи как вида публикаций англоязычного масс-медиа дискурса // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 283–293. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-283-293>, EDN: AJZUJR

70. Тюкаева Н. И., Бринев К. И. Системное моделирование образа автора в текстах одного речевого жанра // Научный диалог. 2021. № 10. С. 153–174. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-153-174>, EDN: UWXUEV

71. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат: пер. с нем. Л. Добросельского. М. : АСТ, 2018. 159 с.

72. Тюкаева Н. И. Студенческое граффити как жанр естественной письменной русской речи : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005. 214 с. EDN: PNYBLR

73. Тюкаева Н. И. Проблема достоверности жанрового источника // Культура и текст. 2024. № 2 (57). С. 192–202. <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2024-2-192-202>, EDN: QGBXCH

74. Рогожина Е. И. Моделирование речевого поведения персонажей в драматургическом тексте: комплексный подход // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 385–391. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-385-391>, EDN: SULHQY

75. Дементьев В. В. К проблеме интегрального описания речевых жанров // Жанры речи. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 6–22. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-6-22>, EDN: SEOJBY

76. Голев Н. Д., Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста (к вопросу о расширении границ лингвистической вариантологии) // Вестник Челяб. гос. ун-та. Серия Филология. Искусствоведение. 2009. № 27 (165). Вып. 34. С. 12–21. EDN: KWCTDX

77. Васильева А. Н. О формах существования функционально-стилистической системы // Структура лингвостилистики и ее основные категории : межвуз. сб. науч. тр. / гл. ред. М. Н. Кожина. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1983. С. 25–38.

78. Васильева А. Н. Уровни стилистической абстракции и основные уровневые разделы функциональной стилистики // Основные понятия и категории лингвостилистики : межвуз. сб. науч. тр. / гл. ред. М. Н. Кожина. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1982. С. 34–42.

REFERENCES

1. Dementyev V. V. What has genre studies given to modern linguistics? *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 172–194 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194>, EDN: NHNJXG

2. Bakhtin M. M. The problem of speech genres. From archival recordings to work on the problem of speech genres. The problem with the text. *Bakhtin M. M. Sobr. soch.: v 5 t. T. 5. Raboty 1940-h – nachala 1960-h godov* [Collected works: in 7 vols. Vol. 5. Works from the 1940s to the early 1960s]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury, 1996, pp. 159–206 (in Russian).

3. Tyukaeva N. I. Theory of virtual genre studies: The problem of methodology. *Virtual Communication and Social Networks*, 2025, vol. 4, no. 2 (14), pp. 172–184 (in Russian). <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-2-172-184>, EDN: DSUPHD

4. Tyukaeva N. I. Substantiation of the principles of genre system modeling (using the example of natural written texts). *Culture and Text*, 2019, no. 3 (38), pp. 206–225 (in Russian). EDN: GPKJHY

5. Devyatkin D. A., Kadzhaya L. A., Salimovskij V. A. Genres of speech as an object of computer analysis (based on scientific texts). *Speech Genres*, 2019, no. 2 (22), pp. 86–104 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-86-104>, EDN: FYYMBX

6. Kotyurova M. P. Russian scientific text: Where to start an article? *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 210–215 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-210-215>, EDN: YRRLEH

7. Tyukaeva N. I., Lebedeva N. B. Methodology for determining the situational content of a genre source. *The World of Science, Culture, and Education*, 2023, no. 6 (103), pp. 447–448 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-6103-447-448>, EDN: SVXPUR

8. Dementyev V. V., Fenina V. V. Cognitive genistics: Intra-cultural speech-genre values. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Vyp. 5. Zhanr i kul'tura* [Speech Genres: Coll. of sci. arts. Iss. 5. Genre and Culture]. Saratov, ITs “Nauka”, 2007, pp. 5–34 (in Russian). EDN: VNKEOJ

9. Gol'din V. E. Problems of genre studies. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts.]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1999, iss. 2, pp. 4–6 (in Russian). EDN: YNQGOT

10. Fedosyuk M. Yu. Unresolved issues in the theory of speech genres. *Questions of linguistics*, 1997, no. 5, pp. 102–120 (in Russian).

11. Shmelyova T. V. Speech genre. Possibilities of description and use in language teaching. *Russistik. Rusistika*. Berlin, 1990, no. 2, pp. 24–41 (in Russian).

12. Shmelyova T. V. Speech education in modern Russian studies. *Russkij yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': trudy i materialy II Mezhdunarodnogo kongressa issledovatelej russkogo yazyka* [Russian Language: Historical Destinies and Modernity: Proceedings and Materials of the II International Congress of Researchers of the Russian Language]. Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology Publ., 2004, pp. 559–561 (in Russian).

13. Christie F. *Classroom Discourse Analysis: A Functional Perspective*. London, Continuum, 2002. 189 p.

14. Cope B., Kalantzis M., eds. *The Powers of Literacy: A genre Approach to Teaching writing*. London, Falmer Press, 1993, pp. 116–132.

15. Martin J. B., Rose D. *Genre Relations: Mapping Culture*. London, Equinox Publishing Ltd., 2008. Available at: <http://linguistlist.org/get-book.html?BookID=37439> (accessed January 20, 2025).

16. Freedman A. Anyone for tennis? In: Freedman A., Medway P., eds. *Genre and the new rhetoric*. London, Taylor & Francis, 1994, pp. 43–66.

17. Tyukaeva N. I. The problem of the inclusion of the communicative situation factor in the genre source model. *Scientific Research and Development. Modern Communication Studies*, 2024, vol. 13, no. 1, pp. 15–24 (in Russian). <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2024-13-1-15-24>, EDN: JBXPEN
18. Lebedeva N. B., Zyryanova E. G., Maksimova N. Yu., Tyukaeva N. I. *Zhanry estestvennoi pis'mennoi rechi: Studencheskoe graffiti, marginal'nye stranitsy tetradiei, chastnaya zapiska* [Genres of natural writing: Student graffiti, marginal notebook pages, private note]. Moscow, KRASAND, 2021. 256 p. (in Russian). EDN: ZXZJMB
19. Rabenko T. G., Gorovaya Ya. O. Types of dialogics in the genre structure of a girl's album. *Culture and Text*, 2021, no. 1 (44), pp. 262–275 (in Russian). <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2021-1-262-275>, EDN: ESAYYH
20. Bazerman Ch. Ch. 11. Speech Acts, Genres, and Activity Systems: How Texts Organize Activity and People. (Santa Barbara, University of California). In: Bazerman Ch., Prior P., eds. *What Writing Does and How It Does It: An introduction to analyzing texts and textual practices*. Mahwah, New Jersey, London, Lawrence Erlbaum Associates Publ., 2004, pp. 309–339.
21. Bawarshi A. S., Reiff M. J. *Genre: An Introduction to History, Theory, Research, and Pedagogy*. West Lafayette, Indiana, 2010. Available at: https://wac.colostate.edu/books/bawarshi_reiff/genre.pdf (accessed October 14, 2024).
22. Chukhanova A. V. *The Dynamics of Genres of Journalistic Style in the Russian Language (based on the material of advertising essays and advertising interviews)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Minsk, 2006. 23 p. (in Russian).
23. Kochetkova M. O. *Genre Dynamics of Blogosphere Discourse: Sociolinguistic Aspect: Specialty*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Tomsk, 2016. 252 p. (in Russian). EDN: ZDCTYB
24. Mkrtchyan S. V. Speech genre: About the units of structuring the product of speech activity. *Speech Genres*, 2015, no. 1 (11), pp. 15–22 (in Russian). EDN: UAWHZZ
25. Statsenko A. S. Genre structure as an important criterion for differentiating functional styles. *Natsional'naya identichnost' skvoz' prizmu dialoga kul'tur: sb. nauch. st. IV Mezhdunarodnogo congressa (Rostov-na-Donu, 06–08 okt. 2022 g.)* [National Identity Through the Prism of the Dialogue of Cultures: Coll. of sci. arts IV International Congress (Rostov-on-Don, October 6–8, 2022)]. Rostov-on-Don, Taganrog, Southern Federal University Publ., 2023, pp. 170–175 (in Russian).
26. Kuntsevich S. E. The main research directions of the genre problem in linguistics. In: *Aktual'nye problemy sovremennoi prikladnoi lingvistiki: sb. nauch. st. Otv. red. I. V. Sovpel'* [Sovpel' I. V., ed. Current problems of modern applied linguistics: Coll. of sci. arts]. Minsk, Minsk State Linguistic University Publ., 2017, pp. 46–52 (in Russian).
27. Salimovskij V. A. *Zhanry rechi v funktsional'no-stilisticheskom osveshchenii (nauchnyi akademicheskii tekst)* [Genres of speech in functional and stylistic coverage (scientific academic text)]. Perm', Perm State University Publ., 2002. 236 p. (in Russian). EDN: NMQQZH
28. Sedov K. F. Anatomy of genres of everyday communication. *Stylistic Issues: Coll. of sci. arts*. Saratov, Saratov State University Publ., 1998, iss. 27, pp. 9–20 (in Russian).
29. Sedov K. F. A person in the genre space of everyday communication. In: *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of Speech genres: Everyday communication]. Moscow, Labirint, 2007, pp. 7–38 (in Russian).
30. Sedov K. F. Linguistics. Speech guidance. Genristics. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Vyp. 6. Zhanr i yazyk*. [Speech Genres: Coll. of sci. arts. Vol. 6. Genre and Language]. Saratov, ITS "Nauka", 2009, pp. 23–40 (in Russian). EDN: VMVLUU
31. Bawarshi A. *Genre and the Invention of the Writer*. Lognan, Utah State University Press, 2003. 222 p.
32. Devitt A. Genre as language standard. In: Bishop W., Ostrom H., eds. *Genre and Writing: Issues, Arguments, Alternatives*. Portsmouth, New York, Boynton / Cook, 1997, pp. 45–55.
33. Freedman A., Medway P. Locating genre studies: Antecedents and prospects. In: Freedman A., Medway P., eds. *Genre and the New Rhetoric*. London, Taylor & Francis, 1994, pp. 1–20.
34. Miller C. R. Genre as social action. *Quarterly Journal of Speech*, 1984, vol. 70, iss. 2, pp. 151–167.
35. Russell D. R. Rethinking genre in school and society: An activity theory analysis. *Written Communication*, 1997, vol. 14, iss. 4, pp. 504–554. <https://doi.org/10.1177/0741088397014004004>, EDN: JQMRDH
36. Schryer C. F. The Lab vs the Clinic: Sites of competing genres. In: Freedman A., Medway P., eds. *Genre and the New Rhetoric*. London, Taylor & Francis, 1994, pp. 105–124.
37. Silant'ev I. V. Discourse and genre. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 2010, vol. 9, no. 6, pp. 78–83 (in Russian). EDN: MUYUWV
38. Lebedeva N. B. Natural written Russian speech as an object of research. *Bulletin of Barnaul State Pedagogical University. Humanities*, 2001, iss. 1, pp. 4–10 (in Russian). EDN: PYEOMF
39. Rabenko T. G. *Russkij rechevoj zhanr v paradigme lingvisticheskoy variantologii (na materiale rechevogo zhanra lichnyj dnevnik): monografiya* [The Russian speech genre in the paradigm of linguistic variantology (based on the material of the speech genre personal diary): Monograph]. Kemerovo, KemGU Publ., 2018. 171 p. (in Russian). EDN: XRUCJV
40. Rabenko T. G. Invariant and variant features of natural writing genres (based on the material of the genres "personal diary", "personal letter", "personal note"). *Speech Genres*, 2020, no. 1 (25), pp. 6–14 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-6-14>, EDN: YUQFVY
41. Salimovskij V. A., Yarullin D. V. On the identity of the speech genre. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 151–159 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-151-159>, EDN: YRRLCO
42. Kozhina M. N. *K osnovaniyam funktsional'noj stilistiki* [Towards the foundations of functional stylistics]. Perm', Kn. izd-vo, 1968, 251 p. (in Russian).
43. Kozhina M. N. *O rechevoj sistemnosti nauchnogo stilya sravnitel'no s nekotorymi drugimi* [On the speech consistency of the scientific style in comparison with some others]. Perm', Perm State University Publ., 1972. 396 p. (in Russian).
44. Sternin I. A. How to make yourself respected? A philologist reflects on a sore point. *Poisk* [Search], 2017, no. 8 (in Russian). Available at: <http://www.poisknews.ru>

ru/theme/publications/22732/ (accessed February 14, 2025) (in Russian).

45. Vendler Z. Illocutionary suicide. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike: sb. st. Vyp. 16. Lingvisticheskaya pragmatika* [New in Foreign Linguistics: Coll. of sci arts. Iss. 16. Linguistic pragmatics]. Moscow, Progress, 1985. 500 p. (in Russian).

46. Sirotinina O. B. Some thoughts on the terms “speech genre” and “rhetorical genre”. *Zhany rech: sb. nauch. st. Vyp. 2* [Speech Genres: Coll. of sci. arts. Iss. 2], Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1999, pp. 26–31 (in Russian). EDN: SKFRYT

47. Bakhtin M. M. The problem of text in linguistics, philology and other humanities. The experience of philosophical analysis. In: *Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskustvo, 1979, pp. 237–280 (in Russian).

48. Miller C. R. Where do genres come from? In: Miller C. R., Kelly A. R., eds. *Emerging Genre in New Media Environment*. London, Springer, 2017, pp. 1–34.

49. Christie F. *Classroom Discourse Analysis: A Functional Perspective*. London, Continuum, 2002. 189 p.

50. Cope W., Kalantzis M. *The Powers of Literacy: A Genre Approach to Teaching Literacy*. London, University of Pittsburgh Press, 1993. 528 p.

51. Martin J. R., Rose D. *Genre Relations: Mapping Culture*. London, Equino, 2008. 300 p.

52. Slyshkin G. G. *Linguistic and Cultural Concepts and Meta-concepts*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Volgograd, 2004. 39 p. (in Russian). EDN: NJRQDL

53. Kitajgorodskaya M. V., Rozanova N. N. *Rech' moskvicej. Kommunikativno-kul'turologicheskij aspekt* [The speech of Muscovites. The communicative and cultural aspect]. Moscow, Russkie slovari, 1999. 396 p. (in Russian).

54. Gajda St. Genres of spoken utterances. *Zhany rech: sb. nauch. st. Vyp. 2* [Speech Genres: Coll. of sci. arts. Iss. 2]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1999, pp. 103–112 (in Russian). EDN: YNQGSD

55. Fenina V. V. *Speech Genres Small Talk and Small Talk in Anglo-American and Russian Cultures*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2005. 20 p. (in Russian). EDN: NIMEOX

56. Sedov K. F. *Stanovlenie diskursivnogo myshleniya yazykovoj lichnosti. Psiho- i sotsiolingvisticheskie aspekty* [The formation of discursive thinking of a linguistic personality. Psycho- and sociolinguistic aspects]. Saratov, Saratov State University Publ., 1999. 197 p. (in Russian).

57. Popper K. *Logika nauchnogo issledovaniya* [The logic of scientific research]. Moscow, Respublika, 2004. 447 p. (in Russian).

58. Tarskii A. The semantic concept of truth and the foundations of semantics. *Philosophy and Phenomenological Research*, 1944, vol. 4, no. 3, pp. 341–375 (Nikiforovym A. L., trans.). Available at: <https://katrechko.narod.ru/library/analitic/antologia98/tarsky.html> (accessed February 23, 2025) (in Russian).

59. Lakatos I. I. *Falsifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh program* [Falsification and methodology of scientific research programs]. Moscow, Akademicheskij proekt, 1995. 423 p. (in Russian).

60. Brinev K. I. *Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza (metodologiya i metodika)* [Forensic linguistic expertise (methodology and methodology)]. Moscow, Flinta, 2014. 146 p. (in Russian). EDN: TYNGDT

61. Steksova T. I. Explanatory constructions in scientific discourse: Genre preferences. *Speech Genres*, 2020, no. 4 (28), pp. 278–286 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-278-286>, EDN: VYLPBW

62. Dementyev V. V. “Questionnaire of the speech genre” by T. V. Shmeleva: Past, present, future (dedicated to the 30th anniversary of the genre model). *Speech Genres*, 2020, no. 4 (28), pp. 252–262 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262>, EDN: PZKKSM

63. Gol'din V. E. Names of speech events, actions, and genres of Russian speech. *Zhany rech: sb. nauch. st. Vyp. 1* [Speech Genres: Coll. of sci. arts. Iss. 1], Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, pp. 23–34 (in Russian). EDN: YKWBDX

64. Kubryakova E. S. *Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke. Chasti rech: s kognitivnoj tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge. On the way to gain knowledge about the language. Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2013. 560 p. (in Russian). EDN: RAZLVP

65. Rassel B. *Chelovecheskoe poznanie ego sfera i granicy* [Human cognition is its sphere and boundaries]. Kiev, Nika-tsentr, 1997. 555 p. (in Russian).

66. Zvegincev V. A. *Yazyk i lingvisticheskaya teoriya. Izd. 3-e* [Language and linguistic theory. 3rd ed.]. Moscow, Izd-vo LKI, 2008. 246 p. (in Russian). EDN: QTOCDF

67. Sedov K. F. *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* [General and anthropocentric linguistics]. Moscow, LRC Publishing House, 2016. 440 p. (in Russian).

68. Dementyev V. V. An article on genres of speech in the journal “Genres of Speech” as... the genre of speech? *Speech Genres*, 2021, no. 1 (29), pp. 12–33 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-12-33>, EDN: KDOOHP

69. Nikonova E. A. Characteristics of an analytical article as a type of publication of English-language mass media discourse. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 283–293 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-283-293>, EDN: AJZUJR

70. Tyukaeva N. I., Brinev K. I. System modeling of the author's image in texts of the same speech genre. *Scientific Dialogue*, 2021, no. 10, pp. 153–174 (in Russian). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-153-174>, EDN: UWXUEV

71. Vitgenshtejn L. *Logiko-filosofskij traktat: per. s nem. L. Dobrosel'skogo* [Dobrosel'skii L., trans. A logical and philosophical treatise]. Moscow, AST, 2018. 159 p. (in Russian).

72. Tyukaeva N. I. *Student Graffiti as a Genre of Natural Written Russian Speech: Specialty*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Barnaul, 2005. 214 p. (in Russian). EDN: PNYBLR

73. Tyukaeva N. I. The problem of the authenticity of a genre source. *Culture and Text*, 2024, no. 2 (57), pp. 192–202 (in Russian). <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2024-2-192-202>, EDN: QGBXCH

74. Rogozhina E. I. Modeling the speech behavior of characters in a dramatic text: An integrated approach. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 385–391 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-385-391>, EDN: SULHQY

75. Dementyev V. V. On the problem of integral description of speech genres. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 6–22 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-6-22>, EDN: SEOJBY

76. Golev N. D., Kim L. G. Variative-interpretative functioning of the text (on the issue of expanding the boundaries of linguistic variantology). *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology series. Art history*, 2009, vol. 27 (165). iss. 34, pp. 12–21 (in Russian). EDN: KWCTDX

77. Vasil'eva A. N. On the forms of existence of a functional-stylistic system. In: *Struktura lingvostilistiki*

i ee osnovnye kategorii: mezhvuz. sb. nauch. tr. Gl. red. M. N. Kozhina [Kozhina M. N., ed. The Structure of linguistic stylistics and its main categories: Interuniv. coll. of sci. arts]. Perm', Perm State University Pub., 1983, pp. 25–38 (in Russian).

78. Vasil'eva A. N. Levels of stylistic abstraction and the main level sections of functional stylistics. In: *Osnovnye ponyatiya i kategorii lingvostilistiki: mezhvuz. sb. nauch. tr. Gl. red. M. N. Kozhina* [Kozhina M. N., ed. [Basic concepts and categories of linguistics: Interuniv. coll. of sci. arts]. Perm', Perm State University Pub., 1982, pp. 34–42 (in Russian).

Поступила в редакцию 14.01.2026; одобрена после рецензирования 03.03.2026; принята к публикации 03.03.2026; опубликована 01.06.2026

The article was submitted 14.01.2026; approved after reviewing 03.03.2026; accepted for publication 03.03.2026; published 01.06.2026

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 2 (50). С. 145–155

Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 2 (50), pp. 145–155

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-145-155>, EDN: BLRNYS

Научная статья

УДК 323.215(470+571):811.161.1'38'42

**Официальное поздравление с Днем народного единства:
жанровые и прагматические особенности**

С. А. Громыко

Вологодский государственный университет, Россия, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15

Громыко Сергей Александрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации, ling2007@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4256-9815>

Аннотация. Статья посвящена проблеме жанрового своеобразия официального поздравления с Днем народного единства. В качестве материала исследования были использованы официальные поздравления с Днем народного единства, размещенные на официальных аккаунтах органов государственной власти и должностных лиц в социальной сети и мессенджере. Целью работы было установление жанровой специфики, а также особенностей вербализации идеи интегративности в официальном поздравлении с Днем народного единства. В исследовании принят риторико-прагматический подход. Анализировались структура текста поздравления, особенности содержания и функционирования структурных элементов, маркеры интегративности адресанта и адресата, специфика аргументации. Автор приходит к выводу о том, что для достижения пафоса единства адресанты поздравлений используют специфические аргументы (обращение к истории, к авторитету президента, к событиям специальной военной операции) и активно используют инклюзивное «мы». Установлено, что большая роль в поздравлении с Днем народного единства отводится декларации – разъяснению роли, места праздника в современной общественно-политической и повседневной жизни граждан России. В то же время можно с уверенностью говорить о том, что большинство адресантов рассматривают поздравительную коммуникацию в социальных сетях и мессенджерах как продолжение вертикально-иерархической системы отношений в системе государственной службы, поэтому используют в качестве основы для поздравления коммуникативные шаблоны. Сделан вывод о том, что поздравление с Днем народного единства – одна из реализаций жанра официального поздравления, обладающая некоторыми специфическими чертами.

Ключевые слова: жанр официального поздравления, непрямая коммуникация, интегративность, эпидейк-сис, День народного единства, аргументация

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 23-28-00854, <https://rscf.ru/project/23-28-00854/>).

Для цитирования: Громыко С. А. Официальное поздравление с Днем народного единства: жанровые и прагматические особенности // *Жанры речи*. 2026. Т. 21, № 2 (50). С. 145–155. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-145-155>, EDN: BLRNYS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Official congratulations on National Unity Day: Genre and pragmatic features

S. A. Gromyko

Vologda State University, 15 Lenina St., Vologda 160000, Russia

Sergey A. Gromyko, ling2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4256-9815>

Abstract. The article deals with the problem of the genre originality of official congratulations on National Unity Day. The research is based on official congratulations on National Unity Day, posted on the official

accounts of government bodies and officials on the social network and messengers. The purpose of the paper was to establish the genre specifics, as well as the features of verbalization of the idea of integrativeness in the official congratulations on National Unity Day. The study adopted a rhetorical-pragmatic approach. The author analyzed the structure of the text of congratulations, the features of the content and functioning of the structural elements, markers of integrativeness of the addresser and the addressee, and the specifics of the argumentation. The author concludes that in order to achieve the pathos of unity, recipients of congratulations use specific arguments (appealing to history, to the authority of the president, to the events of the Special Military Operation) and actively use the inclusive “we”. It has been established that a major role in congratulations on National Unity Day is given to the declaration – explaining the role and place of the holiday in the modern socio-political and everyday life of Russian citizens. At the same time, we can say with confidence that the majority of addressees consider congratulatory communication on social networks and instant messengers as a continuation of the vertical-hierarchical system of relations in the public service system, and, therefore, use communication templates as the basis for congratulations. It is concluded that congratulations on National Unity Day realize the genre of official congratulations and demonstrate a number of specific features.

Keywords: genre of official congratulations, indirect communication, integrativeness, epideixis, National Unity Day, argumentation

Acknowledgments. The study was carried out with financial support from the Russian Science Foundation (grant No. 23-28-00854), <https://rscf.ru/project/23-28-00854/>.

For citation: Gromyko S. A. Official congratulations on National Unity Day: Genre and pragmatic features. *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 2 (50), pp. 145–155 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-145-155>, EDN: BLRNYS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Официальное обращение к нации/населению – важнейшая составляющая институционального политического дискурса, регулирующая статусы и социальные роли участников коммуникации. Различные жанры официальных обращений обладают признаком ритуальности [1: 17] и выполняют интегративную функцию, то есть подчеркивают единство народа, основанное на общих ценностях и идеях [2: 17]. Официальное (статусное) поздравление с государственным праздником – один из таких жанров, призванных продемонстрировать единство государства и общества в связи с торжественной датой, памятными историческими событиями национального масштаба. Для должностных лиц разного уровня такое поздравление – это возможность выстроить или откорректировать коммуникацию с гражданами и в конечном счете семиотически продемонстрировать или подтвердить свою легитимность как субъекта государственного дискурса.

День народного единства – относительно новый государственный праздник, поздравление с которым в адрес граждан считается обязательным для политиков и государственных служащих высокого уровня. Функция интегративности, присущая всем статусным обращениям, применительно к этому празднику существенно усиливается, так как она заложена уже в самом названии, а ее проявления существенно отличаются от других знаменательных дат. Действительно, мотивы

объединения общества, например, в День Победы или в День защитника Отечества совершенно иные по сравнению с Днем народного единства. В связи с этим возникает ряд вопросов: при помощи каких средств адресанты поздравлений вербализуют идею народного единства? насколько вариативны/клишированы эти средства и способы вербализации? каковы жанровые особенности текстов поздравлений с Днем народного единства? Все это позволяет говорить о том, что подобные поздравления являются материалом для решения ряда научных проблем современной коммуникации вообще и генерики в частности.

Актуальность этой проблемы обусловлена усилением коммуникации между государством и гражданами в последние годы посредством новых медиа, а также необходимостью выработки средств и способов реализации так называемого «понятного» языка с целью повышения эффективности такого общения [3]. В то же время при обилии работ, посвященных обращению к нации в президентском дискурсе [4–7 и др.], исследований официальных поздравлений с праздниками в других подвидах политического дискурса крайне мало, а работ, посвященных поздравлению с Днем народного единства, на сегодняшний день вообще нет. Между тем поздравления с этим праздником пронизывают все уровни государственной коммуникации, от федерального до местного.

В государственно-политическом дискурсе официальное поздравление с Днем народного единства направлено не столько на прямое информирование адресата, сколько в первую очередь на формирование отношений с ним. Безусловно, использование глагола *поздравляю* сразу настраивает адресата на определенный тип речевого акта и в первом приближении воспринимается как прямое речевое действие. Однако публичный политический текст, особенно в ритуальных жанрах, как правило, содержит семиотические «пароли», по которым адресат должен «распознать» отношение власти к себе, состояние власти, ее планы и т. д. (См., например, работу Л. В. Балашовой «Жанр обращения Президента России к ее гражданам в период первой волны пандемии КОВИД-19 в зеркале концептуальной метафоры», в которой метафора рассматривается как важный фактор в репрезентации и транслировании гражданам России представления главы государства об эпидемиологической и социально-экономической ситуации в России и мире в период первой волны эпидемии КОВИД-19 [8]). Ниже будет рассмотрена паролевость таких составляющих текста поздравления, как репрезентации адресата и адресанта, местоимения, прецедентные феномены. Мы исходим из того, что «принципиально важным при анализе речевого материала в аспекте категорий прямой и не прямой коммуникации является представление об осложненной интерпретативной деятельности адресата речи, необходимой при коммуникативном использовании неконвенциональных единиц, поскольку итоговый смысл высказывания выводится именно адресатом» [9: 15]. Действительно, поздравление должно быть составлено таким образом, чтобы адресат «считал», почувствовал пафос единения государства, общества и граждан. Прямые вербальные средства выражения идеи этнической и социальной интегративности используются в других жанрах, например, нормативно-правовых актах («Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»), и неэффективны в поздравлении.

Материалом для исследования послужили 58 текстов официальных поздравлений с Днем народного единства, размещенных на страницах органов государственной власти и официальных лиц в социальной сети «В Контакте» и мессенджере «Telegram» 4 ноября 2023 г. В выборку вошли поздравления от федеральных министерств и министров (12), членов Совета Федерации Федерального Собрания (2), послов Российской Федерации (4), федеральных государственных учреждений (5), государственных

корпораций (3), глав субъектов Российской Федерации (33). Все страницы и телеграм-каналы содержали соответствующие маркеры, подтверждающие официальный характер источника.

Большинство поздравлений представляет собой пост и имеет конвергентный характер, то есть содержит не только текст, но и изображение и видео. Однако анализировался исключительно текст поздравления, отделенный от иных составляющих, так как изображение и видеоряд чаще всего носят вспомогательный характер (открытка, фото, видеоклип), а просмотр видео требует от пользователя дополнительного углубления в пост. Поздравление рассматривается как политический текст, представляющий собой часть политического дискурса в традиционном его понимании, отраженном в первую очередь в работах [10–13]. Оно также рассматривается как часть институционального дискурса [13: 190–191], так как представляет собой реализацию статусно-ролевых возможностей в рамках сложившихся общественных институтов. Торжественная политическая речь традиционно анализируется в стилистическом аспекте [5], с точки зрения речевых репрезентаций идеологием [14], в аспекте прагматики [15], жанрового своеобразия [2], лингвокультурных особенностей [16], дискурсивных и риторических характеристик [4].

Целью нашей работы было установление жанровой специфики официального поздравления с Днем народного единства, а также способов вербализации идеи интегративности. Под интегративностью мы понимаем семантическое поле различных смыслов, объединенных общими семами сплоченности, цельности, единства. Применительно к Дню народного единства речь идет также о социальном, политическом, этническом единении страны. Вербализации идеи интегративности на разном материале исследованы в ряде работ [17–27], однако официальное поздравление в таком аспекте анализируется впервые.

Исходя из цели исследования был выбран риторико-прагматический подход, который позволяет рассматривать структуру текста, выразительные средства, аргументацию как средства речевого воздействия на адресата, а в нашем случае – как средства создания пафоса единства.

В процессе анализа для обозначения человека или организации, от лица которых составлено и распространено поздравление, мы использовали дефиницию «адресант», а не «автор», учитывая положение о мнимом авторстве спичрайтерского текста [22].

Особенности структуры поздравления

Исследование продемонстрировало, что для большинства проанализированных текстов характерно наличие следующих структурных компонентов: вокатив (или значимое его отсутствие), декларация, аргументация, пожелание (образ будущего). Рассмотрим их подробнее.

Обращение

Специалисты по политическому дискурсу предполагают, что «обращение в системе массовой политической коммуникации является механизмом экспрессивности и образует экспрессивную рамку текста» [15: 95], следовательно, обращение – важное средство создания определенного пафоса. В исследуемом материале были обнаружены следующие вокативы (таблица).

В таблицу не вошли два единичных вокатива: «Россия!» и «Уважаемые коллеги!» В первую очередь обращает на себя внимание и требует комментария доминирование нулевого вокатива. Действительно, отсутствие какого бы то ни было обращения к адресату – самый распространенный выбор начала поздравления. Интересно и то, что эти данные не коррелируют с результатами исследования Е. Ю. Нестеренко, изучавшей вокативы в поздравительных речах первых лиц России. Согласно ее данным нулевые обращения вместе со статусными и метонимическими не превышают 15% [15: 100], в то время как влияние президентского эпидейксиса на речь государственных служащих и глав субъектов России представляется существенным.

В нашем материале предпочтение нулевого вокатива имеет несколько причин. Во-первых, официальный адресант поздравления в социальных сетях и мессенджерах может быть как лицом (министр, губернатор, член Совета Федерации), так и органом власти либо государственным учреждением (Минэкономразвития России, ФГБУ «Дом народов России», «Росатом» и т. д.). Во втором случае нулевой вокатив более распространен. Логику автора поздравления, видимо, следует понимать так: производится текст от лица не руководителя, а всей органи-

зации, а раз адресант представляет собой обезличенный институт власти, то и адресат является неопределенным кругом лиц, называть который не обязательно.

Во-вторых, поздравление с Днем народного единства в социальных сетях носит конвергентный характер и может представлять собой комбинацию текста и видеоизображения, причем смысловая нагрузка между текстом и видеороликом может быть распределена по-разному. Например, текст может содержать тему поста или его анонс, а снятый специально по случаю праздника видеоролик – компоненты поздравления, в том числе вокатив. Были найдены четыре случая такого обращения, «спрятанного» в видеоролике и отсутствующего в тексте поста, все они использовались для размещения видеопоздравления должностного лица.

Однако в половине всех случаев нулевого вокатива мы имеем дело именно с поздравлениями должностных лиц федерального и регионального уровней на их личных страницах в социальных сетях и мессенджерах, которые не употребили обращение к аудитории ни в одном из компонентов текста. На этом основании можно предположить наличие и еще одной, субъективной причины: авторы поздравлений затрудняются подобрать вокатив, соответствующий идее праздника. С другой стороны, нельзя не заметить и определенную специализацию обращения в зависимости от статуса адресанта: министры используют традиционный президентский [15: 100] вокатив «(дорогие) друзья», руководители субъектов Российской Федерации – этнохоронимы или «(дорогие) земляки», послы и консулы – «дорогие/уважаемые соотечественники». В то же время должностные лица, не входящие в эту систему, например, депутаты Государственной Думы, члены Совета Федерации, руководители силовых министерств и специальных служб предпочитают нулевой вокатив. В результате такие тексты зачастую не воспринимаются как поздравительные и выглядят либо как набор официальных штампов, либо как рекламный слоган: *Каким бы разными мы ни были, объединившись – можем достигнуть большего! 4 ноября – День народного единства! Поздравляем!*¹.

Показатель	Вокатив				
	Нулевой вокатив	«(дорогие) друзья»	«(дорогие) земляки»	Этнохороним	«дорогие / уважаемые соотечественники»
Количество	22	13	8	8	6
%	38	22	14	14	10

¹URL: https://vk.com/wall-37706009_124532

Декларация

Элемент, который мы условно обозначили как «декларация», встретился в 80% всех проанализированных поздравлений. Он представляет собой разъяснение в том или ином виде сути, роли, места праздника в современной общественно-политической и повседневной жизни граждан России: *Поздравляю вас с Днем народного единства! Этот праздник символизирует идею национально-го согласия. У всех нас одно историческое прошлое и будущее. Именно сплоченность всегда помогала россиянам сохранить свободу, независимость и многогранную культурную идентичность*². По-видимому, высокая распространенность разъяснения как отдельного структурного элемента текста связана по крайней мере с двумя факторами. Во-первых, с относительной молодостью Дня народного единства – праздник отмечается как государственный с 2005 г. и до сих пор ассоциируется у многих граждан с другой праздничной датой – 7 ноября (годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции, а позднее – Днем согласия и примирения). По данным ВЦИОМ, хотя понимание важности этой праздничной даты в последние два года резко выросло, около четверти опрошенных россиян не считают День народного единства важным праздником, а уровень информированности о происхождении праздника не превышает 24% [23]. Во-вторых, декларативность поздравлений связана с важностью праздника в контексте современных политических событий.

Декларация вводится в текст и реализуется посредством нескольких лексем, самой частотной из которых является лексема «символизирует»/«служит символом». Высокая частотность декларатива «символизирует» связана со стремлением адресанта ввести День народного единства в систему публичных государственных знаков, в парадигму государственных праздников с четко закрепившимся означаемым, таких как День Победы или День защитника Отечества. Означаемое при этом в тексте поздравления репрезентировано большим количеством разнообразных коллокантов с семантикой этнической и социальной интегративности, аксиологичности, патриотичности. Этническая интегративность в тех или иных репрезентациях лидирует, особенно в текстах поздравлений глав субъектов Российской Федерации.

Обращают на себя внимание и ментальные декларативы «пробуждает» и «напоминает».

Если «пробуждает» праздник высокие эмоции, связанные с пафосом государственности, то «напоминает» он о важности гражданской позиции. Сопровождаясь инклюзивным «мы», эти лексемы способствуют выстраиванию особой модальности, которую можно определить как скрытую директивность. Высказывание *День народного единства пробуждает в каждом из нас гордость за общие победы*³ по своей модальности приближается к **В День народного единства вы должны чувствовать гордость за общие победы*.

В некоторых случаях, когда рефлексия о самом празднике была развернутой и подробной, в текстах использовались прилагательные «важный» и «особенный»: *Сегодня особенный для каждого жителя нашей страны праздник*⁴. Эти конкретизаторы призваны подчеркнуть статус праздника, а также используются как маркер привлечения внимания аудитории.

Аргументация

Основная часть текста поздравления обусловлена в первую очередь двумя факторами: адресатом и риторической аргументацией. Иными словами, автор, реальный или мнимый, как в случае со спичрайтерским текстом, должен четко представлять себе, кого он поздравляет и что он хочет этим поздравлением сказать. Однако для коммуникации государства с гражданами важен еще один параметр – фактор адресанта. Как обозначает себя автор поздравительного текста? От этого во многом зависит и представление об адресате. Анализируемый материал демонстрирует, что на этом этапе наблюдается определенный разброс в выражении адресанта, прогнозировании адресата и, как следствие, в способах создания пафоса. Адресанты, поздравляя народ Российской Федерации с Днем народного единства, понимают этот народ очень по-разному, порой не всегда четко представляя себе, кто будет читать, слушать, смотреть это поздравление.

Например, в официальной группе Министерства по чрезвычайным ситуациям России в сети «В Контакте» (более 267 000 подписчиков на январь 2024 г.) опубликовано поздравление главы МЧС, в котором он обращается к аудитории посредством вокатива «Уважаемые коллеги!» и поздравляет с праздником исключительно сотрудников МЧС, упоминая о гражданах России в третьем лице и употребляя словосочетания типа «наши граждане»: *Как показывает история, трудности толь-*

²URL: https://vk.com/wall-70034991_703360

³URL: https://vk.com/wall-197082343_2476

⁴URL: https://vk.com/wall-30558759_418988

ко сплачивают наших граждан, объединяют людей разных национальностей и вероисповеданий⁵. Такая странная организация текста приводит к ощущению сегрегации сотрудников ведомства, ведь в контексте поздравления они не отнесены ни к гражданам, ни к народу.

В целом же в проанализированных поздравлениях адресат конструируется не корпоративно, достаточно широко, но в связи со сферой государственной службы или с субъектом Российской Федерации. Основным и самым частотным способом выражения семантики единства является инклюзивное «мы». В этот день **мы** вспоминаем подвиги **наших** предков, которые сохранили нашу страну – красивую, великую. Единую⁶. Сегодня **мы** отмечаем День народного единства. Эта дата обращает **нас** к драматическим страницам истории...⁷. Живя в разнообразии культур, традиций и вероисповеданий, **мы** понимаем, что **наше** единство – это наша сила. Именно это позволяет **нам** всегда двигаться вперед, развиваться и оставаться непобедимыми⁸.

Однако в ряде текстов инклюзивное «мы» переходит в эксклюзивное, а в отдельных случаях начинает образовывать дихотомию с «вы». Такую ситуацию можно наблюдать в поздравлении одного из федеральных министерств. Вместо ожидаемой интегративности с адресатом в тексте можно увидеть черты оппозиции «мы – вы»: Во всех уголках страны живут невероятные и потрясающие люди – **вы!** В День народного единства желаем вам здоровья, энергии и сил на воплощение самых амбициозных планов. А **мы** сделаем все, чтобы **наша** экономика процветала и объединяла как можно больше людей...⁹. Конечно, адресантом поздравления здесь является не руководитель, а орган власти, однако такое резкое противопоставление государства адресату (не люди сделают процветающей экономику, а Минэкономразвития) и употребление эксклюзивного «мы» не способствуют конвенциональности высказывания.

Сильной позицией для поздравительной коммуникации должностного лица необходимо считать употребление не столько глаголов-перформативов в первом лице единственном числе (*поздравляю, желаю*), сколько местоимения «я» в начале поздравления с переходом на инклюзивное «мы»: С Днем народного

единства»! Я благодарен всем жителям Челябинской области: за успешный труд, за мужество на фронте, за любовь к родной земле... Все вместе – каждый в своем деле – мы развиваем страну и регион, создаем сильную Россию¹⁰. В данном случае создается впечатление действительно личного, искреннего, а не формального чиновничьего поздравления. Однако во всем массиве проанализированных материалов обозначение адресанта через местоимение «я» встречается всего в двух текстах.

Рис. 1

Fig. 1

Поскольку дело эпидейксиса – похвала или хула [24: 25], основной пафос поздравительной речи – восхищение, благоговение, почтение и тому подобные высокие эмоции. Риторическая аргументация при этом носит характер не убеждающий, а констатирующий, так как оратор и аудитория имеют дело с ритуалом, соответствующим реальному торжественному мероприятию. В классической

⁵URL: https://vk.com/wall-32123991_125617

⁶URL: <https://t.me/radiyhabirov/5797>

⁷URL: <https://t.me/melikov05/1569>

⁸URL: <https://t.me/yvzaitsev/1390>

⁹URL: https://vk.com/wall-65825881_14484

¹⁰URL: https://vk.com/wall548020729_188698

риторике при этом обосновывается даже допустимость значительного преувеличения похвалы объекта по сравнению с его реальными характеристиками [24: 25].

Поздравления с Днем народного единства содержат аргументы, как правило, однотипные или повторяющиеся, цель которых – формирование у аудитории пафоса народного единства и величия России. Эти аргументы разнородны с точки зрения логико-смысловой структуры и механизма воздействия на реципиента. В проанализированном материале выделяются в первую очередь прецедентные события и имена, связанные с историей, апеллирование к авторитетному мнению, примеры из современности, образ будущего.

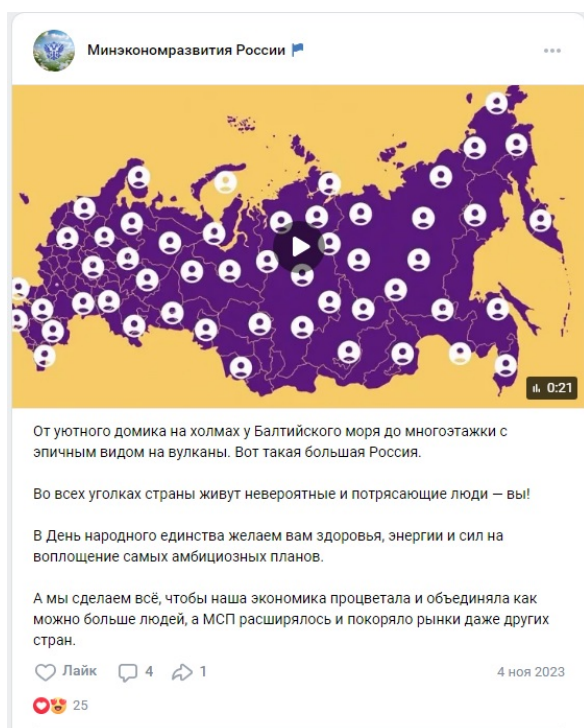

Рис. 2

Fig. 2

Один из самых распространенных и продуктивных типов аргумента – обращение к истории. Адресанты практически в каждом третьем поздравлении с Днем народного единства используют те или иные прецедентные события и имена, связанные с отечественной историей. Обращение к истории как риторический аргумент в политическом дискурсе необходимо рассматривать как знак ориентации: агенты дискурса, выбирая в качестве персуазивного ориентира исторический факт или известную личность, демонстрируют

самим фактом обращения близость к определенной политической линии или, наоборот, удаленность от методов решения ряда политических проблем [25: 340]. Поэтому в процессе анализа политических текстов, содержащих подобные знаки, важно проанализировать, к каким периодам, событиям, личностям обращаются авторы.

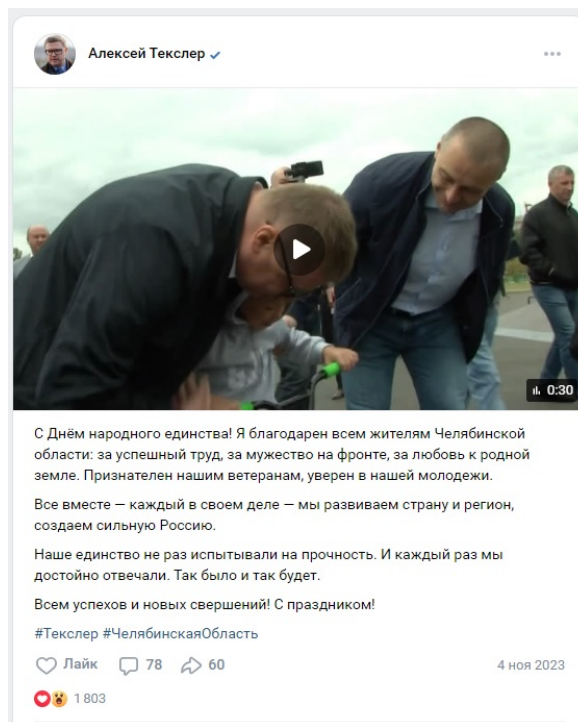

Рис. 3

Fig. 3

Все исторические аргументы в анализируемом материале так или иначе связаны с одним событием – с освобождением Москвы от польских интервентов в 1612 г. Это событие рассматривается адресантами как идеал сплочения, единства страны перед внешней угрозой. Способ предъявления данного аргумента типичен: после краткого нарратива о победе единого народа в 1612 г. адресант переходит к современным вызовам и угрозам, требующим такого же единения. *В этот день мы вспоминаем события, произошедшие в 1612 году, когда наши предки объединились под началом Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, чтобы защитить Россию от иностранных интервентов. Тогда люди разного происхождения и положения, разных сословий, национальностей и веры вышли вместе плечом к плечу с одной целью – защитить свою общую Родину. Сегодня, в эпоху стремительных пе-*

¹¹URL: https://vk.com/wall-70034991_703343

ремен, наша страна сталкивается с новыми вызовами и возможностями...¹¹. По замыслу авторов, интегративность в этом случае не просто наглядна и убедительна, но и служит образцом для подражания в современных условиях. В то же время следует отметить, что освобождение Москвы от интервентов – неоднозначное прецедентное событие для текста поздравления. Косвенным подтверждением этому является тот факт, что из 12 случаев обращения к 1612 г. только один встречается в поздравлении государственного служащего федерального уровня, все остальные – в текстах региональных чиновников.

Все-таки актанты исторического события 1612 г. слабо соотносятся с используемой в нормативно-правовых актах дефиницией «многонациональный народ России». По большому счету, на сегодняшний день глубоко исследована важная роль в освобождении Москвы от польских интервентов только одного народа, помимо великороссов, – служилых татар [см., например, 26, 27]. Естественно, к данному историческому периоду некорректно применять слово «нация» с производными от него, а также словосочетание «российский народ». Тем не менее, авторы некоторых текстов поздравлений их используют: *Историю возникновения этой даты мы все помим – она приурочена к событиям далекого 1612 года, когда победой в противостоянии с польскими интервентами в России завершилось Смутное время. И только сплотившись, российский народ сумел отстоять родную землю, ее независимость!*¹².

Сложности в адаптации современного политического языка к событиям Смутного времени порождают в поздравлениях нарративы, в которых исторические события не названы, а «политкорректно» обозначены намеком. *Эта дата обращает нас к драматическим страницам истории, когда по зову сердца люди разных сословий, вероисповеданий, политических убеждений сумели объединиться перед лицом общей опасности, подняться против вероломства внутренних врагов, коварства захватчиков, установить мир, открыть путь становлению великой державы*¹³. Такое умолчание не формирует интегративный пафос, а сигнализирует о мучительной этнической самоидентификации в пространстве чуждого праздника. И эти случаи не единичны. Возникает закономерный вопрос: зачем адресантам, которые во всех

случаях являются руководителями национальных республик, необходимо было в тексте поздравления обращаться именно к истории? Ведь, как уже было сказано выше, федеральные чиновники в своих аккаунтах такой аргумент в 2023 г. практически не использовали. Думается, ответ на этот вопрос кроется в клишированности генерируемых текстов поздравлений на региональном уровне, в формальном подходе авторов к общению с аудиторией социальных сетей и мессенджеров.

Помимо исторической прецедентности, в функции сильного аргумента авторы поздравлений активно используют и разнообразные отсылки к действующему главе государства. Смысловой и функциональный водораздел в применении данного аргумента снова проходит по линии, отделяющей федерального государственного служащего от регионального руководителя. Министры в своих поздравлениях лишь упоминают Путина, причем всегда в одном и том же контексте – как инициатора мероприятий или реформ, как источник государственной политики: *В последние годы, благодаря объявленному президентом России Владимиру Владимировичу Путиным десятилетию науки и технологий, свое место в ряду объединяющих ценностей по праву заняло и научное знание*¹⁴. Для региональных же руководителей сама фигура Путина – мощнейший инструмент единства России, особенно в национальных республиках: *Мы гордимся нашей страной, нашим Президентом и едины в стремлении создать процветающую и справедливую Россию. Мы – одна семья, а значит мы – вместе!*¹⁵.

Выводы

Тексты официальных поздравлений с Днем народного единства в структурном и коммуникативном отношении относятся к сложившемуся жанру официального поздравления с государственным праздником, который можно имеет черты не прямой коммуникации. Важную роль при этом играют имплицитность, прецедентность, скрытая директивность. В большинстве текстов четко выделяются обращение, декларация и аргументация, пожелание факультативно. Однако в смысловом и прагматическом планах анализируемые поздравления имеют ярко выраженную специфику.

1. Основная цель поздравления с этим праздником – создание пафоса единства,

¹²URL: <https://t.me/sergeymeniaylo/2128>

¹³URL: <https://t.me/melikov05/1569>

¹⁴URL: https://vk.com/wall-167915299_42474

¹⁵URL: https://t.me/s/rashid_temrezov

в первую очередь этнического и социального. Для достижения этой цели используются специфические аргументы: обращение к истории (в первую очередь к одному событию – освобождению Москвы от польских интервентов в 1612 г.), к авторитету президента, к событиям специальной военной операции. При этом исторический аргумент не всегда помогает созданию такого пафоса, так как к нему предъявляются жесткие требования: он должен быть точным и корректным. В то же время в проанализированных текстах встречаются ошибки и неточности.

2. Большая роль в поздравлении с Днем народного единства отводится декларации – разъяснению роли, места праздника в современной общественно-политической и повседневной жизни граждан России. Декларация встречается и в поздравлениях с другими государственными праздниками, например, с Днем Победы или Днем защитника Отечества. Однако в нашем случае она имеет информативную функцию, поэтому является главным элементом поздравления. Выбор декларирующих глаголов (*символизирует, пробуждает, напоминает* и др.) отражает желание государства означить праздник, ввести его в семиотическую систему официальных государственных праздников, сделать узнаваемым для граждан.

3. Адресанты поздравлений зачастую не могут четко выразить свое отношение к аудитории. Проблемой является как представление об адресате текста, так и обо-

значение самого адресанта поздравления. В первом случае это выражается в поиске вокатива, так как исследование показало, что более чем в трети случаев обращения нет. Во втором случае инклюзивное «мы», призванное продемонстрировать единство с адресатом, может в одном тексте соседствовать с «мы» эксклюзивным, то есть отделяющим автора от аудитории. Модальность текстов также неоднородна, нередко случаи демонстрации патерналистского отношения к аудитории (конструкции типа «мы ценим ваши усилия»), использования официально-деловых штампов и конструкций («преемственность наших духовных ценностей обеспечивается в первую очередь внутри семьи»). В целом можно с уверенностью говорить о том, что большинство адресантов рассматривают поздравительную коммуникацию в социальных сетях и мессенджерах как продолжение вертикально-иерархической системы отношений, сложившихся в государственной службе.

4. Поздравление с Днем народного единства – одна из реализаций жанра официального поздравления. При этом структурным и коммуникативным ядром необходимо считать поздравления от лица государственных служащих федерального уровня, так как именно эти тексты в основе своей инвариантны: они имеют четкую структуру, ограниченный набор аргументов и не прямых форм воздействия на адресата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кондратенко Н. В. Новогоднее обращение как ритуальный жанр политического дискурса: макроструктурные компоненты и средства их выражения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г.) / под ред. Л. Л. Иомдина, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М. : ИЦ РГГУ, 2007. С. 302–306.

2. Варавакина В. Ю. Новогоднее обращение главы государства: жанровая специфика и лингвокогнитивное моделирование образа : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2011. 33 с. EDN: ZOIGZL

3. Андреева Ю. Министерство доверия. Как государству общаться с гражданами. М. : Фонтэграфика, 2023. 240 с.

4. Гаврилова М. В. Некоторые тенденции развития российской президентской риторики // Политические коммуникации в изменяющейся России : сб. науч. ст. / под ред. Л. Н. Тимофеевой. М. : РАПН, 2013. С. 33.

5. Ильичева В. В. Жанрообразующие признаки торжественной президентской риторики в системе российского политического дискурса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 2. С. 376–379. EDN: TLNYWZ

6. Патюкова Р. В. Образ как конституирующий компонент дискурса публичной коммуникации: синхроническая и диахроническая системность (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2015. 22 с. EDN: ZPPBAX

7. Эмер Ю. А., Акентьева К. А. Жанровая трансформация «поздравления» в политическом дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 61. С. 135–148. <https://doi.org/10.17223/19986645/61/8>, EDN: CVRQVQ

8. Балашова Л. В. Жанр обращения Президента России к ее гражданам в период первой волны пандемии КОВИД-19 в зеркале концептуальной метафоры // Жанры речи. 2022. Т. 17. № 2 (34). С. 115–132. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-115-132>, EDN: JXTSZB

9. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М. : Гнозис, 2006. 375 с. EDN: REHCGN

10. Dijk T. A. van. Discourse and Context: A sociocognitive approach. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 267 p.

11. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М. : Знание, 1991. 64 с. EDN: PWFJSZ

12. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004. 326 с.

13. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты : сб. науч. тр. / отв. ред. В. И. Карасик. Волгоград ; Саратов : Перемена, 1998. С. 185–197. EDN: VWLYAV

14. Пинелли Э. Представления прошлого и будущего в новогодних обращениях: на материале поздравлений В. В. Путина // Rhema. Рема. 2018. № 2. С. 62–83. EDN: XSUVJR

15. Нестеренко Е. Ю. Прагматика обращений в рождественских и новогодних поздравительных речах первых лиц России и США // Политическая лингвистика. 2023. № 3 (99). С. 94–102. EDN: DTCBER

16. Спиридовский О. В. Лингвокультурные характеристики американской президентской риторики как вида политического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 23 с. EDN: NKBRVR

17. Громыко С. А. Речевые репрезентации идеи единства в русском парламентском дискурсе начала XX века (на примере лексем единство и единение) // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 5. С. 39–54. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-5-39-54>, EDN: KENVPC

18. Джисоева В. П. Реализация концептов единство / иудизма в югоосетинском политическом дискурсе в ситуации русско-осетинского двуязычия // Политическая лингвистика. 2017. № 4. С. 53–59. EDN: ZEGYRD

19. Лики единения в языке и дискурсе / под ред. Т. В. Леонтьевой. Екатеринбург : Ажур, 2022. 292 с.

20. Руженцева Н. Б., Антонова Ю. А. Межнациональный дискурс: модель в контексте эпохи. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 292 с.

21. Щетинина А. В., Семёхина А. С. Языковая репрезентация идеи национального единения в медийном дискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. Вып. 1 (213). С. 18–27. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2021-1-18-27>, EDN: NSEYWL

22. Кривоносов А. Д. Актуальные проблемы современной теории PR-текстов // Актуальные вопросы речевого взаимодействия : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. юбилею профессора Л. А. Месеняшиной (Челябинск, 24 окт. 2019 г.) : сб. науч. ст. / отв. ред. С. А. Панкратова. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2019. С. 156–161. EDN: WKOIKK

23. ВЦИОМ. Народное единство — 2023 : аналитический обзор. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narodnoe-edinstvo-2023> (дата обращения: 20.11.2023).

24. Аристотель. Риторика // Античные риторики / под ред. А. А. Тахо-Годи. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 15–166.

25. Громыко С. А. Обращение к истории как риторический аргумент в русской парламентской речи (на материале выступлений депутатов-националистов в дореволюционной Государственной Думе) // Медиа-риторика и современная культура общения: наука — практика — обучение : сб. ст. XXII Междунар. науч. конф. (Москва, 30 января — 1 февраля 2019 г.) / отв. ред. В. И. Аннушкин. М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2019. С. 339–345. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.61.031> EDN: ZILGTR

26. Черновская В. В. Романовские татары в Смуту и Междоусобие (1605–1613) // Средневековые тюрко-татарские государства. 2020. № 12. С. 98–108. EDN: FMXDYJ

27. Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г. Русские мусульмане в поле российской идентичности // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 7. М. : Ин-т социологии РАН, 2008. С. 289–303. EDN: PBVCHN

REFERENCES

1. Kondratenko N. V. The New Year's address as a ritual genre of political discourse: The mean macrostructural component and its representation. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii : trudy mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog 2007"* (Bekasovo, 30 maya — 3 iyunya 2007 g.). Pod red. L. L. Iomdina, N. I. Laufer, A. S. Narin'yan, V. P. Selegeya [Iomdin L. L., Laufer N. I., Narinyan A. S., Selegey V. P., eds. Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proc. of the Inter. conf 'Dialog 2007' (Bekasovo, May 30 — June 3, 2007). Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2007, pp. 302–306 (in Russian).

2. Varavkina V. Yu. *New Year's Address of the Head of State: Genre Specifics and Linguocognitive Modeling of the Image*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Omsk, 2011. 33 p. (in Russian). EDN: ZOIGZL

3. Andreeva Yu. *Ministerstvo doveriya. Kak gosudarstvu obshchat'sya s grazhdanami* [Ministry of Trust: How the State Should Communicate with Citizens]. Moscow, Fontegrafika, 2023. 240 p. (in Russian).

4. Gavrilova M. V. Some trends in the development of Russian presidential rhetoric. In: *Politicheskie kommunikatsii v izmenyayushchejsja Rossii: sb. nauch. st. Pod red. L. N. Timofeevoj* [Timofeeva L. N., ed. Political Communications in a Changing Russia: Coll. of sci. arts]. Moscow, Russian Association of Political Science Publ., 2013, pp. 33 (in Russian).

5. Il'icheva V. V. Genre-forming features of solemn presidential rhetoric in the system of Russian political discourse. *Humanities, Socio-economic, and Social Sciences*, 2015, no. 2, pp. 376–379 (in Russian). EDN: TLNYWZ

6. Patjukova R. V. *The Image as a Constitutive Component of Public Communication Discourse: Synchronic and Diachronic Systematicity (based on English and Russian languages)*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Rostov-on-Don, 2015. 22 p. (in Russian). EDN: ZPPBAX

7. Emer Yu. A., Akent'eva K. A. Genre transformation of “congratulations” in political discourse. *Tomsk State University Journal. Philology*, 2019, no. 61, pp. 135–148 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/19986645/61/8>, EDN: CVRQVQ

8. Balashova L. V. The genre of the Russian President's address to citizens during the first wave of the COVID-19 pandemic in the mirror of conceptual metaphor. *Speech Genes*, 2022, vol. 17, no. 2 (34), pp. 115–132 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-115-132>, EDN: JXTSZB

9. Demytyev V. V. *Neprijamaja komunikatsiya* [Indirect communication]. Moscow, Gnozis, 2006. 375 p. (in Russian). EDN: REHCGN

10. Dijk van T. *Discourse and Context: A sociocognitive approach*. Cambridge, Cambridge University Press, 2008. 267 p.

11. Baranov A. N., Kazakevich E. G. *Parlamentskie debaty: traditsii i novacii* [Parliamentary debates: Traditions and innovations]. Moscow, Znanie, 1991. 64 p. (in Russian). EDN: PWFJSZ

12. Shejgal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow, Gnozis, 2024. 326 p. (in Russian).
13. Karasik V. I. On discourse categories. In: *Jazykovaia lichnost': sotsiolingvisticheskie i emotivnye aspekty: sb. nauch. tr. Otv. red. V. I. Karasik* [Karasik V. I., ed. Linguistic Personality: Sociolinguistic and emotive aspects: Coll. of sci. arts]. Volgograd, Saratov, Peremena, 1998, pp. 185–197 (in Russian). EDN: VWLYAV
14. Pinelli Je. Representations of the past and future in New Year's addresses: Based on V. V. Putin's greetings. *Rhema. Rema*, 2018, no. 2, pp. 62–83 (in Russian). EDN: XSUVJR
15. Nesterenko E. Yu. Pragmatics of addresses in Christmas and New Year's congratulatory speeches by the leaders of Russia and the USA. *Political Linguistics*, 2023, no. 3 (99), pp. 94–102 (in Russian). EDN: DTCBER
16. Spiridovskij O. V. *Linguocultural Characteristics of American Presidential Rhetoric as a Type of Political Discourse*. Thesis. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Voronezh, 2006. 23 p. (in Russian). EDN: NKBRVR
17. Gromyko S. A. Speech representations of the idea of unity in Russian parliamentary discourse of the early 20th century (based on the lexemes *edinstvo* and *edinenie*). *Scientific Dialogue*, 2023, vol. 12, no. 5, pp. 39–54 (in Russian). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-5-39-54>, EDN: KEHVPC
18. Dzhiyeva V. P. The realization of the concepts *edinstvo* / *iudzinad* in South Ossetian political discourse in the context of Russian-Ossetian bilingualism. *Political Linguistics*, 2017, no. 4, pp. 53–59 (in Russian). EDN: ZEGYRD
19. *Liki edinenija v jazyke i diskurse. Pod red. T. V. Leont'evoi* [Leont'eva T. V., ed. Faces of unity in language and discourse]. Ekaterinburg, Azhur, 2022. 292 p. (in Russian).
20. Ruzhentseva N. B., Antonova Yu. A. *Mezhnatsional'nyj diskurs: model' v kontekste jepohi* [Interethnic discourse: A model in the context of the era]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2013. 292 p. (in Russian).
21. Shchetinina A. V., Semjohina A. S. Linguistic representation of the idea of national unity in media discourse. *Tomsk State University Bulletin*, 2021, no. 1 (213), pp. 18–27 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2021-1-18-27>, EDN: NSEYWL
22. Krivososov A. D. Current problems of modern PR-text theory. In: *Aktual'nye voprosy rechevogo vzaimodejstviya : materialy Vseros. nauch. konf., posvyashch. yubileyu professora L. A. Mesenyashinoi* (Chelyabinsk, 24 okt. 2019 g.): sb. nauch. st. Otv. red. S. A. Pankratova [Pankratova S. A., ed. Current Issues in Speech Interaction: Proceeding of the All-Russian sci. conf. dedicated to the anniversary of prof. L. A. Mesenyashina (Chelyabinsk, October 24, 2019): Coll. of sci. arts]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Publ., 2019, pp. 156–161 (in Russian). EDN: WKOIKK
23. VCIOM. Narodnoe edinstvo – 2023 [National Unity – 2023]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narodnoe-edinstvo-2023?ysclid=lrhezy907n568988147> (accessed November 20, 2023) (in Russian).
24. Aristotel'. Rhetoric. In: *Antichnye ritoriki. Pod red. A. A. Taho-Godi* [Taho-Godi A. A., ed. Antiquity's Rhetoricians]. Moscow, Moscow University Press, 1978, pp. 15–166 (in Russian).
25. Gromyko S. A. Appeal to history as a rhetorical argument in Russian parliamentary speech (based on the speeches of nationalist deputies in the pre-revolutionary State Duma). *Mediaritorika i sovremennaja kul'tura obshhenija: nauka – praktika – obuchenie: sb. st. XXII Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 30 janvarja – 1 fevralja 2019 g.). Otv. red. V. I. Annushkin* [Annushkin V. I., ed. Media Rhetoric and Modern Communication Culture: Science – Practice – Training: Coll. arts XXII Inter. sci. conf. (Moscow, January 30 – February 1, 2019)]. Moscow, A. S. Pushkin State Institute of Russian Language Publ., 2019, pp. 339–345 (in Russian). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.61.031> EDN: ZILGTR
26. Chernovskaja V. V. Romanov Tatars in the Time of Troubles and the Interregnum (1605–1613). *Medieval Turkic-Tatar States*, 2020, № 12, pp. 98–108 (in Russian). EDN: FMXDYJ
27. Gavrilov Yu. A., Shevchenko A. G. Russian Muslims in the field of Russian identity. In: *Rossija reformirujushchajasja. Ezhegodnik. Otv. red. M. K. Gorshkov. Vyp. 7* [Gorshkov M. K., ed. Russia in Reforming. Yearbook. Iss. 7]. Moscow, Institute of Sociology of RAS Publ., 2008, pp. 289–303 (in Russian). EDN: PBVCHN

Поступила в редакцию 28.06.2024; одобрена после рецензирования 10.08.2024; принята к публикации 10.08.2024; опубликована 01.06.2026

The article was submitted 28.06.2024; approved after reviewing 10.08.2024; accepted for publication 10.08.2024; published 01.06.2026

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 2 (50). С. 156–168

Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 2 (50), pp. 156–168

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-156-168>, EDN: KJTWTI

Научная статья

УДК 811.161.1'27'38'42

Жанр уличного объявления в коммуникации соседей

А. Н. Байкулова[✉], А. В. Дегальцева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Байкулова Алла Николаевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского
языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, allabay15@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0595-0163>

Дегальцева Анна Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского
языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, deganna@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

Аннотация. В разных речевых ситуациях человек проявляет себя как носитель различных социальных ролей. Люди, проживающие в многоквартирных домах, приобретают статус соседей и исполняют соответствующие этому статусу роли. Коммуникация соседей целеориентированна: направлена на решение бытовых проблем, укрепление взаимоотношений и удовлетворение потребностей в общении. В современном цифровом мире общение соседей всё чаще переходит в виртуальную среду, тем не менее, традиционные способы коммуникативного взаимодействия не утрачивают своей актуальности. Одним из таких способов является размещение объявлений в местах общего пользования. Объявления жильцов домов, соседей, имеющие целью привлечение внимания к частным вопросам или к негативным бытовым ситуациям для улучшения условий совместного проживания, в работе рассматриваются как разновидность уличных объявлений. Тексты таких объявлений, в отличие от иных уличных, лишены рекламного характера. Соседские объявления могут быть официальными, неофициальными, а также гибридными, сохраняющими черты официальности и неофициальности. Такие объявления можно рассматривать как гипержанр, включающий различные речевые субжанры (обращения, просьбы, угрозы, предостережения, прогнозы и др.). Современные объявления соседей, как правило, имеют печатно-клавиатурную форму (выполнены на компьютере) и содержат графические приметы интернет-коммуникации, фотографии, рисунки. Монологические по своей природе и замыслу, такие объявления иногда, если есть ручные приписки к тексту, приобретают форму диалога. В отличие от официальных (например, объявлений правления товарищества собственников жилья), личные неофициальные объявления обычно сохраняют анонимность, позволяющую адресанту более свободно выражать своё мнение, и представляют собой реализацию разговорной речи с возможными включениями сниженной разговорной и нелитературной лексики. В текстах таких объявлений часто звучат назидательность, юмор и ирония. Отступление от официального шаблона способствует использованию риторических приёмов, позволяющих усилить экспрессивную и эмоциональную составляющие текста, и заставляет авторов проявлять лингвокреативность. В целом соседские объявления личного характера отражают состояние современного городского быта и свидетельствуют о равнодушии граждан к общественной жизни и к жизни своего дома.

Ключевые слова: неформальная коммуникация, разговорная речь, речевой жанр «объявление», общение в социальной группе

Для цитирования: Байкулова А. Н., Дегальцева А. В. Жанр уличного объявления в коммуникации соседей // *Жанры речи*. 2026. Т. 21, № 2 (50). С. 156–168. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-156-168>, EDN: KJTWTI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The genre of street announcements in neighborhood communication

A. N. Baikulova[✉], A. V. Degaltseva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alla N. Baikulova, allabay15@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0595-0163>

Anna V. Degaltseva, deganna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

Abstract. In different speech situations, a person manifests themselves as a representative of various social roles. People living in apartment buildings acquire the status of neighbors and perform roles corresponding to this status. Neighbors' communication is goal-oriented: it is aimed at solving everyday problems, strengthening relationships and meeting communication needs. In the modern digital world, neighbors' communication is increasingly moving into a virtual environment, however, traditional ways of communicative interaction do not lose their relevance. One of these ways is to place announcements in public areas. In this paper announcements by residents of houses, neighbors, aimed at drawing attention to private issues or to negative everyday situations in order to improve the conditions of living together, are considered as a kind of street announcements. The texts of such announcements, unlike other street ads, lack advertising aspects. Neighborhood announcements can be official, unofficial, as well as hybrid, preserving the features of formality and informality. Such announcements are classified as street/house personal announcements. The announcements of neighbors can be considered as a hypergenre, including various speech subgenres (appeals, requests, threats, warnings, forecasts, etc.). As a rule, modern announcements of neighbors have a printed form (made by means of the computer) and contain graphic signs of Internet communication, photos or drawings. Being a monologue in nature and intent, such announcements sometimes, if there are manual postscripts to the main text, take the form of a dialogue. Unlike the official announcements (for example, announcements of the Board of the Homeowners Association), personal unofficial announcements retain anonymity, allowing the addresser to more easily express their opinion, and represent the implementation of colloquial speech with possible inclusions of colloquial and non-literary vocabulary. The texts of such announcements often contain edification, humor and irony. Deviation from the official template promotes the use of rhetorical techniques that enhance the expressive and emotional components of the text, and forces the authors to show linguistic creativity. In general, neighbors' street announcements of a personal nature reflect the state of modern urban life and indicate the involvement of citizens in public life and the life of their houses.

Keywords: informal communication, colloquial speech, the speech genre "announcement", communication in a social group

For citation: Baikulova A. N., Degaltseva A. V. The genre of street announcements in neighborhood communication. *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 2 (50), pp. 156–168 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-156-168>, EDN: KJTWTI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Общеизвестно, что носители языка в разных ситуациях и сферах общения демонстрируют разное речевое поведение. Изучение этого феномена представлено в книге Т. Г. Винокур «Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения» [1]. В разных сферах своей деятельности человек может быть носителем различных социальных статусов (матери, сына, воспитателя, начальника, подчинённого, соседа и др.) и исполнять в процессе коммуникации различные социальные роли (см.: [2, 3] и др.). Как отмечает Т. Г. Винокур, «человек уподобляется полифонической структуре, в которой звучат отголоски всех его речевых ролей как выразителя психологического типа, социальной группы, языкового коллектива» [1: 68].

Человек, проживающий в многоквартирном доме, приобретает статус соседа, для которого предписывается соответствующая роль. Соседей объединяет общий локус (дом и примыкающие к нему территории), где

осуществляется бытовое и коммуникативное взаимодействие, а также общая апперцепционная база, история отношений.

Особенно важным феноменом соседства оказывается в обществах традиционного типа, где добрососедство способствует взаимовыручке, коллективной безопасности, развитию экономических отношений [4]. В современном постиндустриальном (информационном) обществе соседские отношения существенно трансформируются. Научный сотрудник центра независимых социологических исследований О. Е. Бердникова отмечает, что общение соседей «становится более изолированным и деперсонализированным, практики взаимной помощи сворачиваются, а отношения оказываются скользящими и эмоционально невовлеченными» [5: 101]. С этим можно согласиться применительно к реальной коммуникации в городской среде, постоянно расширяющейся за счёт новостроек, микрорайонов с высотными зданиями. Но нельзя не замечать того, что социальная жизнь современного общества неуклонно перемеща-

ется в виртуальную среду. В новых условиях постоянно возникает необходимость участия граждан в специально создаваемых социальных группах мгновенного и не ограниченного временем доступа – чатах и форумах соседей. В этих группах проявляется и активность, и эмоциональная вовлечённость, и взаимопомощь, звучит мысль о необходимости солидаризироваться с целью решения бытовых и воспитательных проблем (см.: [6]). Вместе с тем и в реальной коммуникации сохраняются факты вовлечённости людей в решение бытовых проблем. Об этом свидетельствуют, например, личные объявления жильцов.

Общение соседей как разновидность повседневного бытового общения знакомых и незнакомых людей в соответствии с их статусом (соседи) входит в периферийную зону неофициальной коммуникации. Оно может быть по тональности официальным / неофициальным / смешанным; по характеру общения – индивидуально-избирательным / вынужденным; ролевым, паритетным / непаритетным; по временным характеристикам – регулярным / нерегулярным; по параметру «партнёры коммуникации» – межличностным / групповым. Здесь реализуется целеориентированная коммуникация, связанная с решением бытовых проблем, и фатическая, вызванная необходимостью укреплять соседские отношения, удовлетворять потребности в общении. Доминантой общения соседей является фокусированное взаимодействие жителей одного дома / подъезда, то есть выделение адресата из круга других людей, установка на совместное решение бытовых проблем [6].

Соседи – носители литературного языка – общаются преимущественно на разговорной речи (далее – РР), под которой мы понимаем обиходную разновидность русского литературного языка. РР реализуется в непосредственном неофициальном общении, существует в устной и письменной формах и характеризуется такими экстралингвистическими признаками, как спонтанность, неподготовленность, непринуждённость речевого общения, непосредственное участие в нём говорящих (см.: [7, 8 и др.]). Устная форма РР представлена живым общением, а письменная и печатно-клавиатурная (мы различаем эти понятия) – опосредованной коммуникацией (записки, дневниковые записи, неофициальные письма, смс-сообщения, электронные письма в социальных сетях, личные объявления и другие жанры повседневного реального и виртуального общения).

Наше внимание привлечено к одной из форм соседского речевого взаимодействия – жанру уличных соседских объявлений.

Цель исследования – выявить специфику соседского объявления как разновидности жанра уличного объявления, а также показать особенности его функционирования в коммуникации этой социальной группы. Такой подход способствует раскрытию жанровых особенностей соседских объявлений, к которым ранее не было привлечено внимание исследователей, и в целом позволяет дополнить представления о современной коммуникации соседей.

Материал исследования собирался в Саратове в период с 2020 по 2024 г. и включает 80 неофициальных / полуофициальных бумажных объявлений, адресантами и адресатами которых являются, прежде всего, соседи. Кроме того, к анализу привлекались 30 объявлений соседей, фотографии которых встретились на русскоязычных интернет-площадках «Дзен» и «ВКонтакте». Важно отметить, что, несмотря на возросшую цифровизацию общения (появление домовых чатов, форумов, сообществ соседей в мессенджерах и социальных сетях), бумажные объявления всё ещё остаются актуальным способом информирования жильцов.

Основная часть

Уличные объявления как речевой жанр

Объявление рассматривается лингвистами как речевой жанр, который представляет собой «сообщение, извещение о чём-либо, доводимое до всеобщего сведения, помещённое где-либо для широкого ознакомления» [9: 92]. Жанрообразующими чертами объявления исследователи признают сочетание информативной и воздействующей функций, особую коммуникативную цель – побуждение к совершению действий, опосредованный характер коммуникации, ограниченный объём информации, клишированность, обобщённый образ адресата [10, 11].

Объявления на дверях и стенах домов, на специальных досках объявлений как разновидность обиходно-бытовых текстов С. И. Гиндин, М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова относят к уличным объявлениям, имеющим бытовую тематику и обращённым к отдельному, но не конкретному, адресату при возможном отсутствии административной подчинённости между адресантом и адресатом (см.: [12, 13]). И. Ф. Исламова определяет уличные объявления как «... особый речевой жанр, представляющий собой в основном неофициальную, небольшого формата, письменную информацию, вывешенную в местах наибольшего скопления горожан и несущую конкретное сообщение о социально-экономических событиях в их жизни, <...> “социаль-

ную реплику” горожанина в ответ на коммуникативное частно-значимое событие» [14: 5]. При этом исследователь отмечает важность риторической составляющей жанра, его диалогичность (имплицитную и эксплицитную), ситуативность. Примеры уличных объявлений: *Обучаю игре на гитаре детей и взрослых* (далее – номер телефона); *Срочно сдам квартиру в этом доме!* (далее – номер телефона) и под. (рис. 1).

Рис. 1. Уличные объявления

Fig. 1. Street advertisements

Тексты представленных на рис. 1 объявлений заканчиваются номерами телефонов или отрывными бонусными талонами.

Характеризуя уличные объявления по модели речевого жанра Т. В. Шмелёвой, И. Ф. Исламова указывает на их поликомпонентность: тексты включают в себя «информативные, оценочные, императивные, частично этикетные жанровые компоненты» [15: 316]. Адресант таких объявлений обычно «называет себя» (в представленных объявлениях – *мастер, электрик, частный специалист на все руки*), адресат – конкретное лицо (называется тот, кому предназначено объявление). Наши примеры показывают, что это не всегда так: в объявлениях на рис. 1 адресат не назван, хотя названы категории граждан, которым предоставляется скидка. В уличных объявлениях определяется образ прошлого (некто произошедшее: *сломалась техника?*) и образ будущего как продолжение речевых или неречевых событий (*Звоните! Помогу*). Важная речевая особенность таких объявлений – их диктумное (событийное) содержание: сообщается информация о предоставлении услуг, продаже чего-либо, наличии вакансий и др. Как видим, тематика таких объявлений носит

рекламный характер, они распечатываются не в единственном экземпляре, распространяются нередко специальными людьми.

Для уличных объявлений характерны чёткая структура: заголовок, основной текст, подпись (её содержат не все объявления, а в основном объявления от организаций), контактная информация (адрес, телефон и т. п.), а также сочетание клишированности с различными проявлениями авторской индивидуальности. В текстах используются разные по цели высказывания (повествовательные, вопросительные и побудительные) и синтаксической организации (чаще простые и осложнённые, реже – сложные) предложения. Проявления лингвкреативности в уличных объявлениях довольно редки.

Уличные соседские объявления

Среди многообразия уличных объявлений можно выделить ряд таких, которые обусловлены групповой, а не массовой коммуникацией, т. е. предназначены не для всех, а преимущественно для жильцов многоквартирных домов, соседей, а также для тех, кто заходит на внутридомовую территорию (важно уточнить реалии времени: развивается тенденция ограничивать внутридомовую территорию, в том числе наблюдается отсутствие свободного доступа в подъезды). Вслед за И. Ф. Исламовой и С. И. Гиндиным, мы будем называть такие объявления уличными, поскольку они являются частью урбанистического пространства и отражают язык города. Объявления, создаваемые жильцами многоквартирных домов, объединены общим параметром «статус коммуникантов», именно поэтому мы будем рассматривать их как уличные соседские объявления и относить к жанровой разновидности уличных объявлений.

Уличные соседские объявления – жанр опосредованного общения: они написаны / напечатаны на бумаге и вывешиваются на обозрение соседей и тех, кто к ним приходит. С другими уличными объявлениями их объединяют такие жанровые признаки, как цель – оказать максимальное воздействие на чувства и разум адресата; поликомпонентность (тексты содержат информативные, оценочные, императивные и этикетные компоненты); наличие адресанта и адресата, образа прошлого и будущего; речевые особенности: бытовая тематика, диктумное содержание, структурированность, характерная для объявлений, сочетание стандарта и индивидуально-авторских проявлений, синтаксические особенности (преобладание простых и осложнённых предложений) и др. Тем не менее, наш материал отражает специфические черты, от-

личающие данную жанровую разновидность от других уличных объявлений. К ним относятся:

- особая группа коммуникантов – соседи и (иногда) посетители дома;
- интенции адресантов: в целом соседские уличные объявления не носят рекламного характера (но не отрицаем, что возможны объявления типа *Продаю рыбу!*);
- структурные различия (обычно соседские объявления не имеют заголовка, а начинаются с обращения или сразу с содержания), индивидуальные объявления обычно анонимны;
- в речи проявляется повышенная степень эмоциональности и экспрессивности.

Продemonстрируем эти особенности на примере следующего объявления:

Уважаемые жильцы и гости данного подъезда!
ОГРОМНАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПРОСЬБА –
не мусорить и не гадить в подъезде!!!
Проявляйте уважение к себе и другим!!!
Имейте СОВЕСТЬ и ЧЕСТЬ!!!
Р. S. Данная просьба Будьте ЛЮДЬМИ
к свиньям по жизни и чмошникам
не относится!

Р. Р. S. Кто сорвет это объявление будет
проклят на всю жизнь. Без дураков.
Не советую пробовать!

Данный текст написан явно одним из жильцов, адресат – соседи и посетители дома. Цель – воздействие на адресата: изложены просьба (*не мусорить, проявлять уважение, быть людьми*); угроза (негативный сценарий будущего) и совет (*Не советую пробовать!*). Высокая степень эмоциональности и экспрессивности проявляется в обилии восклицательных предложений (в том числе с тремя восклицательными знаками). Автор объявления использует оценочную и жаргонную лексику (*свиньи, чмошники* и др.); этикетное обращение (*уважаемые жильцы*) соседствует с фактами нарушений этических норм (*не гадить, будет проклят на всю жизнь, без дураков*).

Уличные объявления соседей можно считать гипержанром, который включает в себя субжанры: минимальные жанровые образования, равные речевому акту и входящие в него на правах коммуникативных тактик [16, 17]. Многие из проанализированных нами текстов, составленных жителями многоквартирных домов, содержат черты императивных (просьба, предостережение, угроза, злопожелание), оценочных (порицание, оскорбление), реже этикетных (извинение, благодарность) речевых жанров. Рассмотрим следующее объявление:

Внимание! По просьбе жильцов, известная прорицательница Стелла закодировала наш подъезд. Все, кто мусорит и гадит в подъезде, получит серьезные проблемы в жизни. Будьте осторожны! Берегите своё здоровье!

В тексте представлен фантастический сценарий, включающий такие субжанры, как: обращение-призыв *Внимание!*, негативный прогноз (*Все, кто мусорит и гадит в подъезде, получит серьезные проблемы в жизни*), предостережение-совет (*Будьте осторожны! Берегите своё здоровье!*).

Соседские уличные объявления неоднородны с точки зрения тональности. Они могут быть официальными, полуофициальными и неофициальными. Анализ таких объявлений позволяет судить о состоянии современной коммуникации в периферийной зоне неофициальной коммуникации, где признаки официальности / неофициальности проявляются не столь отчетливо (об этом см. в [18]), в частности в общении соседей. Рассмотрим официальные и полуофициальные объявления.

Официальные (административные) / полуофициальные объявления

Размещение уличных соседских объявлений официального и полуофициального характера обычно вызвано необходимостью информировать жителей о различных событиях в жизни дома: отключение воды, начало отопительного сезона, субботники, собрания и др. Это определяет своеобразие тематики таких объявлений. Например:

Объявление

15.09. с 12.00 до 17.00 в 6 и 7 подъездах будет отключение холодной воды.

Такие объявления пишут, как правило, члены ТСЖ. В них опускается часть информации (в данном примере номер дома, адресант): предполагается, что она будет понятна жильцам дома. Реализуется представительское общение. Официальные объявления носят строго информационный, предписывающий характер, им свойственны штампы и лексика официально-делового стиля, номинативный строй, обилие отглагольных существительных, описательных глагольно-именных оборотов, сложных и простых осложнённых предложений. Например: *Уважаемые собственники! В связи с требованиями охранного агентства ЧОО «Сириус» (название авторами статьи изменено), обслуживающего ваш дом, и учитывая замечания жильцов о наличии чужих автомобилей во дворе, просим вас оказать содействие: в срочном порядке до 18.02.2024 собственникам жилья,*

имеющим автомобили, необходимо подать на пост охраны и в офис УК следующую информацию: марку и номер вашего автомобиля, адрес проживания, ФИО и телефон собственника.

Структура этого объявления соответствует структуре уличных объявлений: наличие клишированного обращения; чёткость и лаконичность содержания (указания на срочность и время подачи необходимой информации, данных для предоставления в УК). Однако в тексте не указан адресант, не названо расположение поста охраны и офиса управляющих компаний (УК), что свидетельствует об опоре на апперцепционную базу адресата. Это отличительная черта соседских объявлений. Попутно отметим, что отсутствие в тексте столь важных частей является рискогенным фактором, особенно в ситуации повсеместного распространения фейковой информации. В объявлениях, которые размещают представители УК, адресант обычно указан:

Уважаемые жильцы!

25 сентября состоится собрание собственников жилья. На повестке

- *повышение тарифов на содержание жилья,*
- *разное.*

Выражаем надежду на вашу сознательность и высокую явку.

УК Сириус.

В своём обращении УК Сириус предупреждает возможное игнорирование жильцами изложенной просьбы посетить собрание и вызывает к сознательности. Убеждённости людей в бесполезности собраний на территории дома (большой коммуникативный риск: много людей и разных точек зрения, невозможно прийти к согласию; отсутствие личного времени у жильцов, а вследствие этого и кворума при принятии решений, мест, где можно было бы собраться, и др. причины) приводят к игнорированию подобного рода просьб. Поэтому официальные или полуофициальные объявления, составленные представителями власти (непаритетные отношения адресанта и адресата), могут стать поводом для ответной реакции, нередко ироничной: отношения с властными структурами у населения не всегда благоприятные. Об этом свидетельствует анонимная приписка адресата: *Уважаемый Сириус! Что-то совсем нет стимула обсуждать повышение тарифов!* Официальное объявление вызвало не в полной мере официальный анонимный ответ адресата, явно жильца дома. Другим видам уличных объявлений приписки не свойственны (но не исключаем, что они могут быть).

Соседские неофициальные отношения способствуют проявлению речевой свободы. Кроме того, жители многоквартирных домов являются носителями разных уровней речевой культуры. В связи с этим даже в объявлениях официального характера встречаются факты речевой небрежности, а иногда и полного невладения нормами литературного языка: *Уважаемые жильцы! Соблюдайте пожалуйста чистоту и порядок в подъезде. Не выбрасывайте крупный мусор в мусоропровод, который застревает в стволе.* Иногда допущенная в объявлении неточность способна вызвать негативную реакцию: (из чата жильцов) *Кто в руководстве ТСЖ живет не то что вчерашним днем, а прошедшим месяцем!!! на 13 подъезде висит объявление, что подача отопления будет 9–10 сентября (!!!).* *Снимите и не позорьтесь!* Вместо октября в тексте указан сентябрь.

Таким образом, сохраняя признаки уличных объявлений, официальные / полуофициальные соседские объявления в плане содержания, структуры и речевого оформления специфичны. Сказывается общность апперцепционной базы соседей и статус партнёров коммуникации: «свой – своему», а не «свой – чужому».

Отметим, что официальные (административные) объявления – феномен, получивший достаточное освещение в научной литературе, в частности ему посвящено диссертационное исследование Н. А. Карповой [19]. Индивидуальные же объявления, которые размещаются жильцами многоквартирных домов в местах общего пользования – малоизученное явление, поэтому именно этим объявлениям в рамках данной статьи уделяется особое внимание.

Уличные соседские объявления неофициального характера: структурные, лексико-стилистические и этикетные особенности

Наш материал, включающий неофициальные объявления соседей, показывает, что основная цель адресанта таких объявлений – оказать воздействие на жильцов, нарушающих существующие нормы общежития. Обычно это требования или просьбы соблюдать общественный порядок: поддерживать чистоту в местах общего пользования, не нарушать тишину в ночные часы, закрывать дверь подъезда и не парковаться вплотную к ней, не брать чужие вещи (не выкручивать лампочки, не уносить из коридора табуреты или коврики), не пускать в подъезд бездомных домашних животных и не подкармливать животных других жильцов. Другими целями объявлений соседей являются об-

ращения за помощью (например, в поиске пропавших вещей или домашних питомцев), а также стремление снять собственное эмоциональное напряжение. Наиболее активные и равнодушные граждане используют эту форму коммуникации для того, чтобы изменить к лучшему свою жизнь и жизнь всего дома.

Как уже отмечалось, неофициальные или полуофициальные объявления соседей представляют собой письменную (всё чаще печатно-клавиатурную) реализацию разговорной речи с возможными включениями сниженной разговорной, просторечной и жаргонной лексики. Такие объявления, как правило, свободнее по содержанию и форме выражения, чем официальные: обычно они включают обращение и основную информацию без подписи адресанта, вместо этого предлагаются номера телефонов или квартир. Анонимность позволяет свободно выражать любое мнение, в том числе давать негативную оценку поступкам предполагаемого адресата.

Большинство проанализированных нами соседских уличных объявлений личного характера содержит этикетные обращения с использованием лексем *дорогой* и *уважаемый* в их словоформах: *Дорогие жильцы!*, *Уважаемые соседи!*, *Уважаемые жители!*, *Уважаемые граждане!* (орфография сохранена); есть развёрнутые обращения, включающие характеристику адресата: *Жильцы подъезда, выбрасывающие мусор через окно!* Встречаются ироничные обращения со словом *товарищ*: *Товарищи свиньи!*, *Товарищи люди и собаки!* Имеют место обращения к отдельным людям: *Дорогой сосед!*; возможны тексты, начинающиеся с оскорбления «*Уважаемое*» чмо! В тексте одного из объявлений встретилась инициальная, используемая в форме обращения, фраза, выделяющая адресата: *Родителям малолетнего художника, который рисует маркерами в лифтах.* В качестве обращений в объявлениях используются нарицательные существительные, а не имена собственные, поскольку адресант обращается преимущественно к групповому обезличенному адресату. Ряд объявлений вообще не содержит обращений, поскольку адресат мыслится как обобщённое лицо, например: *Под подъездом, в подъезде и лифте не срать!* По всей вероятности, сказывается речевая экономия и раздражённое эмоциональное состояние автора этого объявления.

Для выражения просьб, требований, запретов чаще всего используются инфинитивные предложения регулятивного характера, лишённые этикетной составляющей: *В подъезде не гадить!* *По ночам не орать, не включать на всю телевизор, не двигать мебель!*

У подъезда не парковаться! Встречаются определённо-личные предложения с императивами: *Уберите за своими питомцами!* *Вынесите мусор с лестничной клетки!* Те и другие характеризуются высокой степенью проявления эмоциональности (обилие восклицательных знаков). Люди в них нередко иронично уподобляются животным (*не гадить*). Так реализуется задача привлечения внимания соседей и речевого воздействия на них.

Как справедливо замечает Т. Г. Винокур, в речи говорящего всегда «присутствует „диалогический слой“ – ориентация на слушающего» [1: 55]. Соседские объявления ориентированы на читающего, который, в свою очередь, может развивать диалог в разных формах: приписка к тексту, звонок по телефону (если указан номер), устное высказывание по поводу сообщаемого или молчаливое игнорирование при прочтении. Обратим внимание на встретившиеся в нашем материале приписки к объявлениям. Так, один из жильцов разместил у лифта следующий текст (печатно-клавиатурная форма):

Учебный год только начался. Запаситесь терпением.

Не кричите на своих детей с самого утра. Да и не только на детей.

Да и между собой находите общий язык ☺.

А то у меня от ваших криков начнется депрессия ☹.

Содержание объявления, казалось бы, очень доброжелательное, но не лишённое наставления, вызвало недовольство у некоторых соседей (по всей видимости, тех, у кого есть дети), и кто-то из них приписал к этому тексту такой ответ: *Уважаемый сосед! Найдите работу, женитесь, родите ребенка, и тогда никакие крики по утрам вам не помешают. Крепкий, но короткий сон, гарантирован. И депрессия отступит. Со знанием жизни, ваши соседи.* Общение приняло форму диалога. По содержанию и речевым особенностям оно носит зеркальный характер: тактика наставления адресанта вызвала ответную реплику – наставление адресата. Тональность текстов – иронично-доброжелательная (скрытая ирония), явно присутствует пикировка: *не кричите на детей – а вы женитесь и родите ребёнка, тогда пройдёт депрессия.* Да и подпись иронична – отвечающий старается задеть автора объявления, подчёркивая своё знание жизни. Следует отметить и использование в объявлениях смайлов, скобок, выражающих улыбку «:)» или, напротив, «(» – огорчение как факт влияния на речь интернет-коммуникации, причём

скобки появляются даже в тексте, написанном от руки: приписка к одному из объявлений: *Надоело жить с грязнулями! – Ну так-то да:))*

Другое печатное объявление в лифте стало поводом для дистантного полилога:

Уважаемые соседи!!!

Выводите своих домашних животных вовремя!

Задолбали ваши животные гадить в лифте!!

Живёте не в свинарнике!

У этого объявления есть три приписки: *Особенно собака с 17 этажа* (явное указание на владельцев, но фамилия не называется: собаку знают, владельцев – нет); далее комментарий к приписке *Ну вот, хоть кого-то опознали* и затем следующая приписка: *Откуда инфа?* Как видим, жильцы не безразличны к объявлениям, а сам статус соседей заставляет их даже о возмутительном писать в целом доброжелательно, но с иронией. Эмоциональность этого объявления проявляется в разговорном сниженном *задолбать*, восклицательных синтаксических конструкциях с редупликацией восклицательного знака. Заключительное *живёте не в свинарнике!* – намёк на культуру соседей.

Тема животных часто возникает в уличных личных объявлениях. Одно из них привлекло наше внимание заключённым в нём юмором (рис. 2).

Рис. 2. Объявление на дереве возле дома

Fig. 2. An advertisement on a tree near the house

Обращает на себя внимание риторическая составляющая объявления, включающая характеристику кота Семёна. Домашний кот наделяется человеческими именем и отчеством – *Семён Семёнович*, описываются его внешний вид (*конституция такая жалкая*

и худосочная), черты характера (*свободолюбивый, склонен изображать голодные обмороки, не БОМЖ!!!, просто авантюрист-мошенник*). В объявлении, напоминающем информацию о розыске преступника (прилагается и фотография самого «преступника»), автор предупреждает: *Не верьте коту Семёну!!!; Не поддавайтесь на провокации*. Для усиления воздействия применяются графические средства: полужирный шрифт, режим Caps Lock, скобки «(((» со значением «грусть», восклицательные знаки (наиболее эмоциональные предложения содержат три восклицательных знака). Использование иронии и юмора как экспрессивных средств играет большую роль в жанре соседских неофициальных уличных объявлений.

Безусловно, подобного рода объявления – редкость, чаще встречаются объявления о пропаже животных. Такие объявления создаются не в единственном экземпляре и могут развешиваться в разных местах: в подъезде, на придомовой территории и на дачном участке. В них особым образом ощущаются любовь к животному, желание поскорее найти его, готовность заплатить деньги тому, кто его найдёт. Например: *Друзья-садоводы, жители и гости наших мест!*

У нас в сентябре пропал любимый кот, черно-белый (чёрная спинка и хвост, лапки и живот полностью белые), пушистый, крупный, кастр.

Он очень добрый, ласковый, но пугается незнакомых людей. Нуждается в мед. наблюдении, т. к. у него иногда повышается внутричерепное давление (поэтому и мог потеряться).

В семье по нему очень тоскуют.

За информацию о котике будем благодарны. Просим помочь в поиске за вознаграждение. Подписи адресанта нет, далее даются лишь телефоны его хозяина и фотография кота.

Животное воспринимается как человек: его характеристика содержит указание на состояние здоровья (возникающее внутричерепное давление), необходимость медицинского наблюдения. Таким образом осуществляется воздействие на эмоциональную сферу адресата.

И всё же в большинстве соседских уличных объявлений проявляется установка на юмор. Например, встретились объявления-шутки (рис. 3).

В отличие от многих объявлений, где люди приравниваются к животным, в этом очеловечиваются клопы, которые пытаются занести диван обратно в дом. Объявление содержит персональное, но не конкретное (по фамилии) обращение к адресату, фантастическое

содержание и призыв *Сделайте что-нибудь!* Заканчивается текст клишированной фразой с указанием на коллективного адресата *С уважением соседи!*

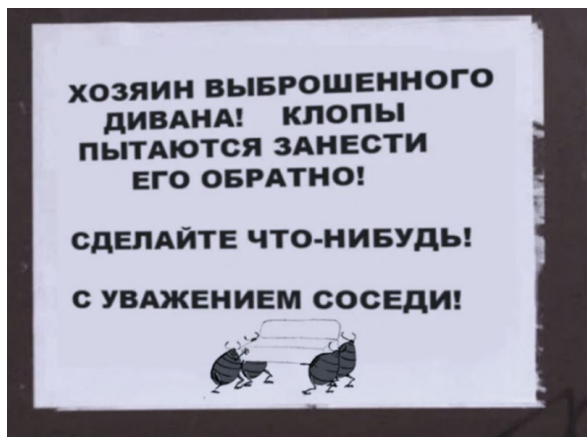

Рис. 3. Объявление в подъезде

Fig. 3. An advertisement in the building entrance

В объявлении: *Жильцы подъезда, выбрасывающие мусор через окно! Убедительно просим Вас указать мелом (нарисовать крестик или «галочку») место, на котором нужно установить мусорку для удобства и меткого попадания. Заранее благодарим* – иронично предлагается шуточный сценарий действий во избежание загрязнения двора.

Юмористическому переосмыслению может подвергаться не только содержание, но и стиль объявления. Так, составители следующего текста пытаются копировать стилистические особенности административного объявления, свойственного официально-деловой документации:

Уважаемые посетители подъезда! За совершение акта мочеиспускания в подъезде, будет совершен отлов и ампутирование орудия этого самого акта. В объявлении используются штампы, свойственные деловой речи, и медицинские термины (за совершение акта мочеиспускания; будет совершён отлов / ампутирование).

Обращают на себя внимание лексические особенности текстов соседских объявлений: в них часто человеческое противопоставляется нечеловеческому – используются слова-зоонимы (обычно *свинья*, встретилось и *поросята*), ведь главная задача составителя объявления – привлечь внимание, задеть чувства адресата. Люди, не соблюдающие порядок в доме или нарушающие правила общежития, не всегда сравниваются со свиньями. В следующем объявлении в качестве оскорбления используется слово *пингвин*, которое в жаргоне получило новый коннотативный элемент значения (человек, стоящий в стороне от чего-либо важного, равнодушный): *Пингвин!!!*

Не мусори! Мусор надо выносить на помойку. Прикрепленное к двери одной из квартир на первом этаже, это объявление переросло в словесную перепалку: один из жильцов приписывает к тексту *Сам пингвин!* А мы Люди, другой отвечает – *Черти!*, третий, возражая второму, замечает: *Люди не с..ут, где живут.* Запомни *пингвин!*

Как показало исследование коммуникации соседей на общедомовом форуме в 2015 г. (см.: [6]), открытой конфронтации со собственными этой стратегии языковыми средствами во многом способствует анонимность участников общения. Тем не менее наблюдения последних лет говорят о том, что люди постепенно начинают привыкать к социальной опосредованной коммуникации, понимают её важность и стараются вести диалог в конструктивном ключе, при этом ироничность, установка на юмор сохраняются. Анонимность в соседских чатах постепенно отступает, появляются реальные имена и фамилии людей, заметна склонность к позитивной коммуникации. В уличных же личных объявлениях анонимность сохраняется, и это способствует не всегда контролируемому использованию языковых средств. Агрессия обычно вызвана ситуациями, в которых адресат-сосед нарушает этические или социальные нормы. В собранном нами материале она находит отражение в оскорбительных обращениях: *товарищи свиньи, товарищи собаки, свинья, пингвин, уважаемое чмо, нищелюди*; злопожеланиях: *чтобы руки отсохли, пусть руки отваливаются, чтоб ты сдох*; угрозах: *найду – убью, мы вам поможем умереть*; проклятиях: *прокляну, будь проклят и т. п.*

Негативная оценка действий адресата-соседа может быть выражена и в косвенной форме, для чего в объявлениях используются средства не прямой коммуникации. К ним можно отнести усиливающие степень эмоциональности ироничные обращения-перифразы (*глубокоуважаемый меломан, утонченный любитель Санта Лючия*), угрозы под видом просьбы и предостережения (*Просьба не ставить машины напротив подъезда, иначе на них «случайно» будут падать кирпичи*), издёвки (*Дорогой сосед, Ваши колонки восхитительны, ваша автомобильная звуковая система просто потрясающая. Она такая громкая, а басы настолько крутые, что даже стены в домах трясутся! Шикарно! Особенно классно, когда вы включаете её в 3.30 утра. Просто восторг!*).

Личных объявлений соседей, в которых прослеживается установка на кооперативное и вежливое общение, стремление к поддержанию добрососедских отношений, не так много (в проанализированном материале их оказа-

лось всего 7). Как правило, в таких текстах присутствуют черты этикетных и фатических речевых жанров. В качестве примера рассмотрим объявление-извинение:

*Уважаемый сосед,
с которым мы немного покричали друг
на друга в воскресенье утром!
Извини! Мы оба были неправы!
Мы не так уж сильно шумели, а ты зря
начал сразу грубить и гнать в шею.
Все равно извиняй. Мир!
Твой сосед.*

Автор данного объявления использует вежливое обращение (*уважаемый сосед*), извиняется за своё поведение перед адресатом (*извини, всё равно извиняй*), стремится разделить с ним ответственность за возникший конфликт (*мы оба были неправы*), пытается смягчить негативные проявления конфронтации (*немного покричали, не так уж сильно шумели*). Данное объявление вызвало ответную реакцию адресата: внизу, под текстом, приписка *Ты тоже извини. Мир!*

Примером фатической коммуникации может служить текст объявления, направленное, прежде всего, на улучшение настроения соседей: *Улыбнитесь! ☺ А то 100% стоите хмурые. P. S. Всем добра!* Это рукописное объявление было размещено на двери лифта и сопровождалось рисунком, изображающим, как один человек растягивает в улыбке рот другого. Такого рода объявления реализуют стратегию гармонизации общения, способствуют укреплению соседских отношений и удовлетворяют потребности адресанта в общении.

Объявление можно отнести к жанрам, требующим риторических умений. Как показал проведённый анализ, авторы объявлений проявляют лингвокреативность, отражающую их творческий потенциал. Так, призыв содержать подъезд в чистоте находит выражение в стихотворной форме:

НАШ РОДНОЙ ПОДЪЕЗД

*Ну, что, сосед, спешишь домой?
Небось, устал, голодный, злой.
Постой еще минуты три
И на подъезд свой посмотри.
Бережь подъезд давайте свой
И уносить всё за собой.
Не сыпать мусор по углам:
Бычки, бутылки, прочий хлам...
Друзья!
Подъезд – наш общий дом.
Чужие редко ходят в нём.
Дадим же вместе гряди бой
И уберем всё за собой!!!*

В данном тексте проявляется установка на кооперативность, стремление решать проблемы сообща, что характерно для коммуникативного взаимодействия соседей. Это выражается в утверждении *подъезд – наш общий дом*, использовании местоимений *наш, свой*, обращений *друзья, сосед* и форм глаголов совместного действия: *давайте беречь / уносить / не сыпать / дадим бой / уберём* и др. Стихотворный текст содержит эпитеты (*родной, голодный, злой*), фразеологизм *дать бой*, различные ряды однородных членов: *бычки, бутылки, прочий хлам* и др.

Новым явлением в уличных объявлениях И. Ф. Исламова считает выяснение личных отношений [14]. Мы также можем отметить новые черты в использовании жанра. Так, в нашем материале встретилось объявление, структура и содержание которого построены на пародировании черт игрового жанра «квест»:

ХОУМ КВЕСТ «ПОЙМАЙ СВИНЬЮ»

Легенда: В подъезде № 2 завелась свинья. Питается свинья курятиной, молоком «Простоквашино», пивом «Старопрамен», балуется винишком и сигаретами «Kent». Продукты своей жизнедеятельности ленивая свинья скидывает на площадке между 2 и 3 этажами по ночам, либо рано утром.

Задача: Изловить свинью, ткнуть рылом в оставленные ею отходы, проинформировать соседей о месте её обитания путём нанесения соответствующей маркировки на входную дверь.

Награда: уважение соседей, ликвидация антисанитарной обстановки в подъезде, 100 рублей на электронный кошелек.

Текст базируется на аллегории и по форме представляет собой квест. В задаче квеста (поймка и наказание «свиньи») скрывается главная цель объявления – выяснить, кто выбрасывает мусор прямо на лестничной площадке, для того чтобы заставить этого человека убирать за собой и впредь относить отходы в установленное место. Использование юмора в тексте объявления смягчает требования, которые жильцы предъявляют друг к другу, поднимает настроение адресата и способствуют гармонизации отношений между соседями.

Таким образом, жанр объявления в соседской коммуникации трансформируется, отражая веяния времени: тексты многих объявлений проникнуты иронией, которая становится атрибутивным способом мышления современного человека [20]; в них используются средства интернет-коммуникации (например, смайлы) и формы новых жанров речи (квестов).

Заключение

Уличные объявления соседей можно рассматривать как разновидность уличных объявлений, адресантами которых являются представители разных социальных групп и члены различных организаций. Это одна из форм коммуникативного взаимодействия жильцов многоквартирных домов. Соседские объявления относятся к опосредованной коммуникации, их тексты имеют преимущественно печатно-клавиатурную форму и содержат приметы интернет-коммуникации, её графику. Адресант таких объявлений может быть индивидуальным или коллективным. Адресованы объявления групповому (всем жильцам) или индивидуальному (редко – конкретному) субъекту.

Специфика соседских объявлений обусловлена бытовой тематикой, связанной прежде всего с хозяйственными проблемами жильцов и культурой общежития. Тексты носят информационный и неинформационный (но не рекламный) характер. В отличие от обычных уличных объявлений, соседские часто содержат интенции осуждения, нравоучения. Их главная цель – воздействовать на адресата для изменения его поведения; именно они предоставляют адресанту свободу в выборе речевых средств и «право использовать весь диапазон коммуникативных ролей-функций» [1: 138], отражают установку на сотрудничество и социальное взаимодействие коммуникантов-соседей. Иногда адресант взывает о помощи при пропаже чего-либо / кого-либо.

Монологический по своей природе жанр соседского объявления развивает диалогичность при наличии приписок адресата, реагирующего на текст.

В зависимости от характера передаваемой информации, вида общения (паритетного / непаритетного, представительского / личного, или индивидуального) уличные соседские объявления имеют официальную, полуофициальную или неофициальную тональность. Тексты официального характера по своей структуре соответствуют жанру административного объявления, однако вследствие установки на общую апперцепционную базу коммуникантов в них могут опускаться важные сведения и проявляться речевая небрежность и нарушения языковых норм.

В отличие от официальных, неофициальных объявлений – результат речевой деятельности анонимного адресанта, поэтому в них наблюдаются отступления от традиционной структуры объявлений: они обычно не имеют заголовка и не всегда начинаются с обращения.

В рамках одного объявления возможны различные интенции его автора: предостереечь, унижить, призвать к порядку, попросить о помощи и др. В результате появляются разнообразные субжанровые образования: призывы, угрозы, предостережения, советы, злопожелания и под. Характерными чертами многих объявлений являются назидательность, установка на юмор, ироничность. Имеет место и речевая агрессия, однако даже в таких объявлениях, как нам представляется, статус соседа всё-таки заставляет сохранять видимость доброжелательного общения. Встречаются объявления, направленные на гармонизацию общения.

Стремление воздействовать на адресата способствует проявлению лингвокреативности авторов: появляются такие формы объявлений, как стихотворный текст, текст-аллегория, игра-квест, где используются оценочная лексика: разговорные (в том числе сниженные) и жаргонные слова и выражения, зоонимы; тропы (эпитеты, метафоры, перифразы, аллегории и др.), фигуры речи (обращения, восклицания, риторические вопросы и др.). Графическими средствами выражения эмоций становятся слова, напечатанные в режиме Caps Lock, различные эмодзи, шрифтовые выделения, рисунки и фотографии.

Сведения о соседских объявлениях как об одном из вариантов жанра уличных объявлений расширяют представление о современном общении соседей, его жанровой специфике. В содержании текстов отражается состояние городского быта и проявляется социальная активность граждан, которые стремятся привлечь внимание своих соседей к негативным фактам, изменить в лучшую сторону жизнь дома. Медиатизация населения, перенос социальной жизни в интернет-коммуникацию способствует трансформации жанра уличного объявления в интернет-объявление, размещённое на сайте жильцов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М. : Наука, 1993. 172 с.
2. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика : учебник. М. : Рос. гос. гум. ун-т, 2001. 439 с.

3. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж : Изд-во ВГУ, 2001. 228 с. EDN: QXOQUP

4. Hoggart R. The Way We Live Now : Dilemmas in Contemporary Culture. London : Pimlico, 1996. 367 p.

5. Бердникова О. Е. «Я с соседями совсем не общаюсь...» : соседствование как рутинное взаимодействие // Laboratorium: журнал социальных исследова-

ний. 2021. Т. 13, № 2. С. 101–123. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-2-101-123>, EDN: JURXBU

6. Байкулова А. Н. Форум соседей как новое явление городской культуры : быть ему или не быть — решают риски // Вестник Омского ун-та. 2015. № 1. С. 184–187. EDN: TQIRTP

7. Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и её особенности. М. : Просвещение, 1974. 144 с. EDN: TVKHTJ

8. Сиротинина О. Б. Разговорная речь // Функциональные стили и формы речи / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1993. С. 137–148.

9. Миронова А. А. Формирование жанра объявления в истории русского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 26. С. 91–96. EDN: MUIJYV

10. Курченкова Е. А. Культурно-языковые характеристики текстов газетных объявлений (на материале английской и русской прессы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 26 с. EDN: NLQOJB

11. Миронова А. А. Динамика жанра объявления в XVIII — начале XX вв. (на материале архивов Зауралья и Южного Урала) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 24 с. EDN: ZNANSF

12. Гиндин С. И. Уличные объявления как предмет лингвистического изучения и как инструмент развития речи // Язык современного города : тезисы докл. междунар. конф. «Восьмые Шмелёвские чтения» (24–26 февраля 2008 г.) / отв. ред. Л. П. Крысин. М. : ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова, 2008. С. 34–36. EDN: QCDXZF

13. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковое существование современного горожанина : на материале языка Москвы. М. : Языки славянских культур, 2010. 496 с. EDN: PXWFXB

14. Исламова И. Ф. Уличное объявление как речевой жанр (на примере уличных объявлений города Уфы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009. 31 с. EDN: ZNZMYF

15. Исламова И. Ф. Композиционные и лексико-стилистические характеристики уличных объявлений (на материале уличных объявлений города Уфы) // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13, № 2. С. 316–319. EDN: JVMOET

16. Седов К. Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 6. Жанр и язык. Саратов : ИЦ «Наука», 2009. С. 23–40. EDN: VMVLUU

17. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с. EDN: REJYGI

18. Байкулова А. Н. Устное неофициальное общение и его разновидности: повседневная речь горожан. Саратов : ИЦ «Наука», 2014. 216 с. EDN: UDICTR

19. Карпова Н. А. Специфика речевого жанра административного объявления в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010. 28 с. EDN: QNAXGR

20. Фархитдинова О. М. Понятие иронии как мировоззренческая максима культуры // Мировоззрение как социокультурный феномен : материалы Всероссийской научной конференции «Мировоззрение и культура», посвященной 75-летию И. Я. Лойфмана (Екатеринбург, 17–18 дек. 2002 г.) / под ред. Е. Г. Трубиной. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002. С. 72–75.

REFERENCES

1. Vinokur T. G. *Govoryashchij i slushayushchij. Varianty rechevogo povedeniya* [Speaking and listening. Variants of speech behavior]. Moscow, Nauka, 1993. 172 p. (in Russian).

2. Belikov V. I., Krysin L. P. *Sociolingvistika: uchebnik* [Sociolinguistics: Textbook]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2001. 439 p. (in Russian).

3. Sternin I. A. *Vvedenie v rechevoe vozdejstvie* [Introduction to speech influence]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2001. 228 p. (in Russian). EDN: QXOQUP

4. Hoggart R. *The Way We Live Now: Dilemmas in Contemporary Culture*. London, Pimlico, 1996. 367 p.

5. Berdnikova O. E. “I don’t communicate with my neighbors at all...”: neighboring as a routine interaction. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 2021, vol. 13, no. 2, pp. 101–123 (in Russian). <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-2-101-123>, EDN: JURXBU

6. Baykulova A. N. The Neighborhood forum as a new phenomenon of urban culture: To be or not to be – risks are solved. *Bulletin of the Omsk University*, 2015, no. 1, pp. 184–187 (in Russian). EDN: TQIRTP

7. Sirotnina O. B. *Sovremennaya razgovornaya rech’ i eyo osobennosti* [Modern colloquial speech and its features]. Moscow, Prosveshchenie, 1974. 144 p. (in Russian). EDN: TVKHTJ

8. Sirotnina O. B. Colloquial speech. In: *Funktsional’nye stili i formy rechi. Pod red. O. B. Sirotninoj* [O. B. Sirotnina, ed. Functional styles and forms of speech]. Saratov, Saratov State University Publ., 1993, pp. 137–148 (in Russian).

9. Mironova A. A. The formation of the genre of the announcement in the history of the Russian language. *Bulletin of ChelSU*, 2008, no. 26, pp. 91–96 (in Russian). EDN: MUIJYV

10. Kurchenkova E. A. *Cultural and Linguistic Characteristics of Newspaper Advertisement Texts (based on the material of the English and Russian press)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2000. 26 p. (in Russian). EDN: NLQOJB

11. Mironova A. A. *Dynamics of the Advertising Genre in the XVIII – early XX Centuries (based on the material of the archives of the Trans-Urals and the Southern Urals)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Chelyabinsk, 2005. 24 p. (in Russian). EDN: ZNANSF

12. Gindin S. I. Street announcements as a subject of linguistic study and as a tool for speech development. In: *Yazyk sovremennogo goroda: tezisy dokl. mezhdunar. konf. Vos’mye Shmelyovskie chteniya. Otv. red. L. P. Krysin* [L. P. Krysin, ed. The Language of the Modern City: Abstracts of the International Conference. The Eighth Shmeleva readings]. Moscow, V. V. Vinogradov Institute of Russian Language of Academy of Science Publ., 2008, pp. 34–36. (in Russian). EDN: QCDXZF

13. Kitaygorodskaya M. V., Rozanova N. N. *Yazykovoe sushchestvovanie sovremennogo gorozhanina: na materiale yazyka Moskvy* [Linguistic existence of a modern citizen: Based on the material of the language of Moscow]. Moscow, LRC Publishing House, 2010. 496 p. (in Russian). EDN: PXWFXB

14. Islamova I. F. *Street Advertising as a Speech Genre (using the example of street ads in Ufa)*. Thesis Diss.

Cand. Sci. (Philol.). Ufa, 2009. 31 p. (in Russian). EDN: ZNZMYF

15. Islamova I. F. Compositional and lexical-stylistic characteristics of street ads (based on the material of Ufa city street ads). *Bulletin of Bashkir University*, 2008, vol. 13, no. 2, pp. 316–319. EDN: JVMOET

16. Sedov K. F. Linguistics. Speech production. Gen-
eristics. *Zhanry rechi : sb. nauch. st. Vyp. 6. Zhanr i
yazyk* [Speech Genres: Coll. of sci. arts. Iss. 6. Genre
and Language], Saratov, ITS "Nauka", 2009, pp. 23–40.
(in Russian). EDN: VMVLUU

17. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [The-
ory of speech genres]. Moscow, Znak, 2010. 600 p.
(in Russian). EDN: REJYGJ

18. Baykulova A. N. *Ustnoe neofitsial'noe obshchenie
i ego raznovidnosti: povsednevnyaya rech' gorozhan* [Oral

informal communication and its varieties: Everyday speech
of citizens]. Saratov, ITS "Nauka", 2014. 216 p. (in Rus-
sian). EDN: UDICTR

19. Karpova N. A. *The Specifics of the Speech Genre
of Administrative Announcement in the Russian Language*.
Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Tomsk, 2010. 28 p.
(in Russian). EDN: QHAXGR

20. Farkhitdinova O. M. The concept of irony as
a worldview maxim of culture. In: *Mirovozzrenie kak
sotsiokul'turnyj fenomen: materialy Vseros. nauch. konf.
"Mirovozzrenie i kul'tura"*. Pod red. E. G. Trubinoj
[E. G. Trubina, ed. Worldview as a Socio-cultural
Phenomenon: Materials of the All-Russian Scientific Con-
ference "Worldview and Culture"]. Yekaterinburg, Bank
kul'turnoj informatsii, 2002, pp. 72–75 (in Russian).

Поступила в редакцию 17.10.2024; одобрена после рецензирования 28.11.2024;
принята к публикации 28.11.2024; опубликована 01.06.2026

The article was submitted 17.10.2024; approved after reviewing 28.11.2024;
accepted for publication 28.11.2024; published 01.06.2026

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 2 (50). С. 169–176

Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 2 (50), pp. 169–176

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-169-176>, EDN: LHLQKA

Научная статья

УДК 811.161.1'282'42:355.48(47+57+430)+929

**Рассказы носителей традиционной народной культуры
о войне как жанровая разновидность автобиографического рассказа
(на материале корпуса диалектных текстов)**

О. Ю. Крючкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Крючкова Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории
языка и речевой коммуникации, заведующий кафедрой теории, истории языка и прикладной
лингвистики, vpks@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2814-4095>

Аннотация. Рассказы носителей традиционной народной культуры о войне можно рассматривать как самостоятельную жанровую разновидность (субжанр) автобиографического рассказа, в котором доминирует личностное начало. Рассказы сельских жителей о войне маркированы свойством эгоцентричности, характеризующим диалектную речь в целом. Рассказы о войне представляют устойчивые типы диалектного повествования, характеризующиеся тематическим единством, общностью смысловой и нарративной организации, прагматических установок. Концептуальной основой рассказов о войне является тема личного страдания. Нарративная организация рассказов сельчан о войне характеризуется четкой темпоральной структурированностью, которая соотносится в том числе с хронотопом личного участия говорящего в событии. В рассказах диалектоносителей о войне ярко (вследствие их эмоциональной насыщенности) проявляются характерные черты диалектной коммуникации – изобразительность речи, совмещение ситуации темы повествования с ситуацией текущего общения. Специфика жанра народного рассказа о войне обеспечивается также характерными для него прагматическими установками: реализацией принципа достоверности, дидактичностью, вербализацией религиозных и мифологических представлений. Обращение носителя традиционной народной культуры к теме войны определяет характер используемых в повествовании средств – семантику, синтактику и прагматику текста, что свидетельствует о жанрообразующем потенциале данной темы.

Ключевые слова: речевой жанр, традиционная народная культура, диалект, автобиографический рассказ, рассказы о войне

Для цитирования: Крючкова О. Ю. Рассказы носителей традиционной народной культуры о войне как жанровая разновидность автобиографического рассказа (на материале корпуса диалектных текстов) // Жанры речи. 2026. Т. 21, № 2 (50). С. 169–176. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-169-176>, EDN: LHLQKA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**War stories of traditional folk culture bearers as a genre variety
of the autobiographical story (based on dialect corpus)**

O. Yu. Kryuchkova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Olga Yu. Kryuchkova, vpks@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2814-4095>

Abstract. Narratives of traditional folk culture bearers about the war can be regarded as an independent genre variety (subgenre) of autobiographical story, for which personal principle is crucial. Rural residents' stories about the war are marked by egocentricity which characterizes dialect speech in general. War stories represent stable types of dialect narrative with thematic unity, common semantic and narrative organization, and pragmatic principles. The conceptual basis of war stories is the theme of personal suffering. The narrative organization of villagers' stories about the war is characterized by a clear temporal structuring, which correlates,

among other things, with the chronotope of the speaker's personal participation in the event. In the dialect speakers' stories about the war, the characteristic features of dialectal communication, such as pictorial speech and combination of narrative topic with the situation of current communication, are vividly manifested (due to their emotional intensity). The specificity of the genre of the folk war story is also provided by a number of characteristic pragmatic principles: authenticity, didacticism, verbalization of religious and mythological notions. The reference of the bearer of traditional folk culture to the theme of war underlies the choice of the means used in the narrative, namely semantics, syntactics and pragmatics of the text, which indicates the genre-forming potential of the war theme.

Keywords: speech genre, traditional folk culture, dialect, autobiographical story, war stories

For citation: Kryuchkova O. Yu. War stories of traditional folk culture bearers as a genre variety of the autobiographical story (based on dialect corpus). *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 2 (50), pp. 169–176 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-169-176>, EDN: LHLQKA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

На протяжении 1990-х–первого десятилетия 2000-х гг. на территории с. Белогорное Вольского района Саратовской области диалектологами Саратовского университета собран значительный по объему корпус записей речи диалектоносителей старшего поколения (о Саратовском диалектологическом корпусе, см. [1, 2]). Одной из важнейших тем в их рассказах о своей жизни являются воспоминания о войне. Тематический корпус, послуживший источником наших наблюдений, сформирован путем выборки текстовых фрагментов на тему «война» из записей речи 18 жителей села – свидетелей тех трагических лет (среди них мужчины-фронтовики, женщины, вынесшие тяготы войны, дети военного времени). Все информанты, рассказавшие о прошедшей через их жизнь войне, – носители традиционной народной культуры, диалектоносители, что определяет специфику их мировидения и повествования о событиях прошлого (см. об этом: [3, 4]).

Рассказы носителей традиционной народной культуры о войне можно рассматривать как самостоятельную жанровую разновидность автобиографического рассказа. С автобиографическим дискурсом повествование диалектоносителей о войне связывает обязательная эгоцентричность воспоминаний о военном времени (ср.: «Автобиографический текст – это прежде всего отражение “Я” человека и его версии своей жизни» [5: 6]). Рассказы сельчан о войне характеризуются единством темы, общностью ее смысловой и нарративной репрезентации, прагматических установок. Вербализованные воспоминания диалектоносителей о войне обладают миромоделирующим потенциалом, в них репрезентированы общие для носителей традиционной народной культуры ценности – признаки, свойственные речевому жанру (см., напр. [6]).

Концептуальная основа рассказов сельских жителей о войне

Содержательной основой рассказов сельских жителей о войне является страдание, переживаемое в это тяжелое время. Это состояние передается прямыми его обозначениями (*страдания, кровопролития, тяжело, мучались*), выражается в повествовании о гибели близких и фронтовых товарищей, ранениях, голоде, физических испытаниях, боли и страхе. Названные компоненты содержания составляют основу как рассказов фронтовиков, так и тех, кто находился в тылу. Ср. (текстовые расшифровки записей диалектной речи приведены в полуорфографической записи – с сохранением некоторых диалектных особенностей речи):

[Из рассказов фронтовиков]: *Когда в наступление-то шли <...> и заметил [враг], что пошли в атаку, и начал минами. И вот мина-то взорвалась около меня <...> чую кровь тикёт в ноги. <...>*

А этот..., что первый номер пулемётчик-то, этот кричит: «Предайте смерти». Ёму в позвоночник, вот, и он не может ничего. «Предайте смерти». Командиру взвода руку оторвало, без руки. А эти трое вот сели на козулках-то [на колени] им черепа раскрыло, одной миной, всем троим. <...>

Ну и слёг туда в этот, в полевой госпиталь. Вот там, там уж они эти осколки не вынают, а токо что вот прям, и ни усыпаят, и ничего ни умораживают, а просто проделывают как буравлём эти, чтобы рана не затянулась, заражение не получилось, токо что прочистют и всё. А туды взошли бы... эти, брезенты натянуты, палатки-ти, вот. И так хирурги мясничут, прочищают.

А на носилках... тащат этих, раненых-то, да. Кричит хто: «Предайте смерти». Без рук, без ног, лежат всякие. Батюшки, нагледелси я, ой, оё-ёй нагледелси! Беда! <...> А до этого

командира отделения мы везли, в лодке, в лодке тащили. А он: «Дайте испью, дайте испью». А пить-то раненым-то не разрешено, нельзя пить-то. А он: «Дайте испить, дайте испить, помираю, дайте испью». И мы не довезли до этого, поля, до госпиталя, до перевязочной, не довезли, не довезли, в грудь пулю-ту, чёго уж там. <...>

Командир взвода послал нас двоих за патронами <...> Мы с нём побежали, чё, мы ж молодые чай, побежали <...> Он [враг] стрелять начал, заметил, наверно, начал стрелять, начал стрелять. Мы с нём брякнёмши. Маненько эта перестрелка-то прекратится – мы опять бросок делать, бегом, вот. Ну и раз, второй раз, третий раз, брякнулись, неподалёку друг от дружки, вот. Я встаю бежать, а он всё, убитой. <...>

Ведь всяки воёвали... Я молодёжь был, ну ишо мале... молодой был. Скоко мне: восемнадцать, наверно, лет было, вот. А которых и пожилых ведь брали, пожилых. Много ведь их лёгло. Видали там [на мемориальной стеле] список какой? О, много лёгло, много лёгло, много, много!

В воспоминаниях фронтовиков нет повествований о подвигах и победах, основная тема – страшная беда, пришедшая с войной. Так, один из участников войны на просьбу диалектологов рассказать о войне с горькой иронией замечает: про войну, да про героизм... Отказываясь говорить о «героизме», о которых, как ему представляется, хотят услышать собеседники, мужчина рассказывает: Я четырежды раз ранен, по госпиталю. Ну залапывают раны и обратно на фронт, да, обратно на фронт. И все пять лет мои страдания, кровопролития. <...> А когда война-то началась, ну чё мы с этой с тульской винтовкой, когда они на мотоциклах, на машинах. Вон танки прут недуром! Пехота... бежать. Вот так отступали, отступали. Где бой как дадим огонь, чтоб они остановились, вот, а сами опять [отступить] дальше, дальше, до самой Москвы. В окружении был дважды. <...> Ой, тяжело, тяжело....

О победе фронтовики говорят скупой, ср.: [вопрос диалектолога] – А победу Вы где встретили? – Победу, вот в этом доме встретил... встретил дома [задумался] (в 1944 г. после контузии и ранений фронтовик был снят с воинского учета); дальнейшего развертывания темы, заданной вопросом диалектолога, не последовало.

[Из рассказов оставшихся в тылу]: ...есть-то нечего было голод;

..вот и плохо жили <...> ни дров ничего не было – вот как мы жили в войну-то <...>

тогда давали вот такой кусочек жмыху <...> вот такой кусочек: сто граммов или двести жмыху давали. И за это бегали на прополку и куда хочешь на работу-то, вот. Вот так и жили. <...> А хлеба не было тогда, ничего, дома-то не было его. Вот колочку толкли, ступы были <...> всё ели лишь бы выжить;

...уж время-т тяжёлое было – война. Мы с мамой-то плохо, у нас никакого запаса нету, ничего, мы-только на картошке, на тыквы, на свёкле только жили, на этом вот, хлебного ничего не было;

Вот и жили, вот и плохо жили <...> мама на окопы, а у нее вот двое мы, я в первый класс ходила;

...и рассказывать-то эндо боязно, вот что, как жили <...> ни дров, ничего не было. Вот как мы жили в войну-то;

...двести грамм кусочка давали. Вот косили руками рожь тогда, я это, в войну, и вот двести грамм тебе, и больше всё. Голода, как сказать, голодно мы жили;

В войну мы эдак и жили.... Работали. Работали мужики и бабы. Тракторист пойдёт, а у меня ребёночков шесть человек в избе-то. Надо наварить, надо их накормить, надо успокоить. Тракторист пошёл, ты ступай с ним, на прицеп-то <...> Придешь, а ребёнок-то зевает, надо его кормить. Что принесли? Ничего! И там ничего нет. Ничего, и платили без копейки, а как работали!

Кака война была, теперичи, какой голод был!

Ой, сколько их в войну умирало. Баб-то! (одна из причин женской смертности, о которой говорят информанты, – аборты, на которые вынуждены были идти женщины из-за невыносимо трудной жизни и которые делались не в медицинских учреждениях: баб полно погибло: ...сделают аборт и всё, заражение, и готова. Полно. И всё было. А тоже она детей [как будет растить?], у неё муж на фронте);

Работать по-взрослому приходилось и детям: что я – первый класс, а уже коров тянули [доили]; ...и в отряде варила у отца ... варила, полевая кухня есть <...> я и сено возила на коровах <...> 12 лет вот. Ну и дрова ходила пилить вместе с нём [с отцом] зимой <...> и вот я всю войну. Почему пять классов-то кончила: есть-то ничего, придешь на урок-то, не знаю урок, не знаю есть хочется.

Война изменила судьбу детей того времени: а если бы не война-то, да ни сирот-ти, ни голода-то, может бы, поучились бы подольше, а то, видишь, [надо было] работать, в четвертом [классе] уже бросила [учиться].

Постоянная тема в рассказах сельчан о войне – гибель, ранения близких, тяжесть жизни семей, оставшихся без мужчин:

...отца на войне убили, мы сиротами росли. Всё, мама с нами одна, семь человек <...> вон Малёва у меня живёт неподалёку, она... у них... это... отец тоже на войне убили;

[о свёкре] ранение у него было, нога, он хромал... он контужен был и ранение, в это, в лёгкие;

...отец родной без вести пропавший – уж война-то тогда была, война-то. Прислали маме, маме, а нас у маме было вот трое;

[о муже] ну и прислали, что пропавший без вести, пропавший без вести. В военкомат я ездила, тоже сверялась. Там... отыскали его... его имя, фамилия и... что он пропал без вести. Ну вот, а где он был? Да кто его знает: може, в воде утонул, а може, и разбомбило и кости, и мяски. Кто знает, где они. Вот так и живу с этих годов;

...[жили] не то что трудно, а очень трудно. Чай отца убили. <...> самому младшему было три месяца, Павлушке;

[о тёте] Она осталась, осталась этой э-э... вдовой, на фронте мужика убили. И она осталась вдовой;

[об односельчанке] у нее муж и сын погибли <...> нигде не значится: ни в убитых, ни в раненых, нигде. И так вот эта женщина мучалась-мучалась, померла, и так и не признали, что сын у нее...

Вербализация страдания как важнейшего и почти единственного восприятия войны связана с эгоцентричностью диалектного повествования, в котором главным становится виденное, воспринятое и прочувствованное самим человеком в качестве участника соответствующих событий (об этих свойствах диалектной коммуникации см., напр., [4, 7]). Народный подвиг, победа – это концепты коллективного, общенационального сознания, которые репрезентированы в других дискурсивных сферах. Являясь значимыми компонентами национальной и государственной идентичности, эти концепты, безусловно, разделяются носителями традиционной народной культуры, но абсолютно доминирующей в их рассказах о войне остается память о большой беде, горе, страданиях. Такая четко сфокусированная концептуализация войны составляет специфику рассказов сельских жителей о войне.

То же содержание – горе войны – передается в народных песнях, далеких от словесной гармонии, нескладных, и потому остро и обнаженно передающих людскую боль и страдание, которые «сердце не терпит»:

– А спойте нам что-нибудь [просьба диалектолога].

– Э-э-х, вот я чё вам спою, как я на фронте был. [поёт] Побывал ли ты в окопах и-и-и в холодных блиндажах, ды побывал ты да ты в окопах и-и-и в холодных блиндажах? Та-а-а-м и снаряды да часто рвутся, лишь осколки дребезжат, вот да-але-чи снаряда только воздух шевелит, да. Как ударила по окопам, наблюдатель вверх летит. Дома ли матери тоскуют: «Где же наши сыновья?» Дома ли матери тоскуют: «Где же наши сыновья?». Да их похитила война. «Да где же да наши да сыновья?» Да их похитила война. Кто с оторванной ногою, кто с разбитой головой, да, да кто с оторванной ногою, кто с разбитой головой, кто с разбитой головой, да не вернётся он домой. Кто с разбитой головой, не вернётся он домой. Всё.

– Вы на войне пели?

– На войне там, дочка, некогда петь, там страха боисси. Токо «господи сохрани!». Господь меня и сохранил, эт, а там некогда было. Я пришёл когда с фронта... [поёт] Измучинай, истерзынай кровавой той войной (м-м-м, за-был, эх, песню) кровавой той войной (м-м-м, ах, хороша песня-то была) идёт солдат с позиции с оторванной ногой. Идёт он на клюшку опирается, сам тихо слёзы льёт. Не знают ли родители, и знает ли жена? Ах, мать ты, мать родимая, зачем ты родила? Когда все радовались мной – теперь иду с позиции с оторванной ногой, да.... Жена же моя милая сказала слово мне: «Не нужен ты больше мне». Жена же моя милая сказала слово, что «ты такой калекой не нужен больше мне». А мать родимая сказала мать сыночку: «Я по миру пойду – не брошу тебя сыночка [плачет], покуда не помру». Вот тожа песня. Да много песен, много я знал песен-т, ну уж вот и сердце не терпит, и ничё уж нет.

Эта песня в ином варианте была исполнена также другой жительницей села. Горе войны получило выражение в народном творчестве, в текстах, ставших прецедентными в сельском социуме.

Люди, на чью долю выпала война, считают мир важнейшей ценностью, опасаются повторения этой страшной беды:

[участник войны, обращаясь к диалектологу] *вот вы бы рассказали чёго там у вас в Саратове-ти? Войны не слышать?*

– Пока ещё нет.

– Ну это ещё вот хорошо. Молите Богу, чтобы не было войны, а то беда идёт.

Только бы не вспыхнул пожар, войны я имею в виду, это ведь будет гибель, гибель, – говорит другой ветеран войны.

Эта мораль твердо воспринята и поколением детей Великой Отечественной войны: не

дай бы никому ещё никакому поколению это-го! (жительница села 1932 г. р.)

Нарративные характеристики рассказов сельских жителей о войне

Ключевыми маркерами жанра, показателями тематической и темпоральной целостности повествования являются единицы *война*, *в войну* (выражение *во время войны* в речи диалектоносителей нами не отмечено, оно встречается только в вопросах и высказываниях диалектологов): *уж война-то тогда была; а потом война была; а тут война; у мамы-то вот... Григория взяли, Якова взяли, Ивана взяли, Петра взяли. Четыре дням! Война; вот как в войну-то жили; да было в войну; раньше, в войну-то...; в войну были эвакуированы*. Являясь единицами с событийным значением, такие номинации, по выражению С. Д. Кацнельсона, «образуют базисный уровень» в концептуализации и представлении события, они «непосредственно и прямо, выражают действительность», близки «в этом отношении к предложениям» [8: 143]. Названными ключевыми единицами отмечены практически все связанные с войной тематические фрагменты нашей выборки. Поэтому одной из жанровых характеристик рассказов сельских жителей о войне можно считать присутствие языковых репрезентантов базисного уровня концептуализации данного события – непосредственных его наименований.

Типичным для рассказов о войне является указание на границы события – его начальную и конечную точки, а также на период развития события в его границах: *тут война началась; а когда война-то началась...; в июне война началась, в сорок первом; в сорок первом году, когда война началась...; а в сорок первом война началась; война кончилась; да в сорок пятом, война закончилась; всю войну я носила (почту); и вот я всю войну (работала); один был дезертир, да, и вот он здесь всю войну, значит, скитался*.

Обозначаются также личные границы события, время, место, вовлечения говорящего в орбиту события: *война-то началась, мне было... война с 41-го а я с 32-го, вот 33-ий, 34-ый, 35-ый, 36-ой, 37-ой, 38-ой, 39-ый, 40-ой, 41-ый – девять лет мне было вот; а све-кор... войну начинал где-то на центральном (фронте); война, второго мая мы закончили бои, полностью, оставили нас, эту нашу армию Третью по охране Берлина; ранили, я больше к войне не вернулся; у меня рана не затягивалась, меня в акацию, и на северный Казахстан, в Петропавловск, вот я там и до самого конца войны был в этом Петропавловске; я был призван до войны в сорок первом году, вот меня война захватила*

в Польше, на германской (границе), за Минском.

Таким образом, рассказы сельчан о войне имеют очевидную темпоральную структурированность (об этом общем свойстве ситуаций-событий см. [9]), которая выступает здесь в двух своих разновидностях – объективной, соответствующей реальным границам исторического события, и субъективной, относящейся с хронотопом личного участия говорящего в событии. Значимость последнего обусловлена уже упомянутым принципом эгоцентричности диалектного повествования.

Значение жанрового параметра темпоральной выделенности в рассказах сельских жителей о войне подчеркивается характеристикой многих других событий личной жизни как предшествующих или последующих по отношению к войне. Выражения «до войны», «перед войной», «после войны» частотны в речи диалектоносителей, ср.: *да вот всё это до войны; ещё до войны; вот перед войной; это тоже перед войной были; до войны училси; после окончания войны; после войны-ти уже эдак долго, долго еще налаживались; тяжёлое детство было, война, и после войны; посылают меня учиться после войны на курсы усовершенствования; после войны женился...*

В рассказах о войне вследствие их повышенной эмоциональности ярко проявляются такие особенности организации текста, как изобразительность рассказа, совмещение ситуации темы рассказа с ситуацией текущего общения (об этих свойствах диалектной речи см. [3]). Ср.: *[из рассказов фронтовиков]...эдак вот, когда в наступление-то шли, идёшь, он стреляет, бьёт, а там и ребятишки, в селе-ти, и старики, и все, и жёны. Слёз-то сколько! Крику-то сколько! Батюшки! А он стреляет, бьёт. Бьёт, стреляет, батюшки!*

...идёт, идёт с винтовками, по это... бегут, бегут, бегут <...> она, как мина-то сразу, одна мина <...> и вот мина-то взорвалась около меня, сразу, я ток учуял вж-ж [подражает звуку летящей мины] и сразу, эх! Я под это-то и подка.. покотился, в этот, в овраг-от, так на пригорке и лежал;

Ой, господи! В сорок втором году наша снежная какая зима была. С голоду сколько нас помёрло там, ой!

[из рассказа вдовы фронтовика] Письма мне муж токо с дороги присылал, как вот его проводили. Не знай какого числа, но прописал в письме: «Ксеша, ничего не делай [просьба сохранить беременность], жди, може, бог сына нам с тобой даст. А може, я... живой буду, да, живой буду, письма буду писать. А живого не будет – не поминай лихим. Письмо пишу на пеньке. Идём пешеходом четвёртую сотню лесами дремучими. Идём с товарищем,

товарища моего поранили, а мне шинель-ту... пробило всю пулями». Ну вот и всё.

[из рассказа женщины, потерявшей на войне отца и братьев] *Всю жизнь прожила сирота с матерью. Нас всех перебили, я сама последня у них была.*

Увиденное и пережитое во время войны передается в рассказах жителей села как происходящее здесь и сейчас, ср. использование в рассказах о прошлом глагольных форм настоящего времени, их повторов (*бьёт, бьёт; стрелят, стрелят; идёт, идёт, бёгут, бёгут*), восклицательных повествовательных конструкций (*Слёз-то сколько! Крику-то сколько!*), междометий (*Батюшки! Ой, господи! Эх!*), звукоподражаний (*вж-ж*). Принцип совмещения ситуации темы с ситуацией текущего повествования получает свое предельное выражение в инклюзивных высказываниях, в которых говорящий не отделяет себя от погибших фронтовых товарищей или членов семьи (*С голоду сколько нас помёрло там, ой!; Нас всех перебили*), в пересказе содержания давнего письма мужа в виде прямой речи, цитации.

Прагматические особенности рассказов сельских жителей о войне

В рассказах сельских жителей о войне ярко проявляется общее для традиционной народной культуры отношение к знанию: важным и достоверным представляется не услышанное в чьем-либо рассказе или тем более – пересказе, а виденное, воспринятое и прочувствованное самим человеком в качестве участника соответствующих событий [4]. О войне рассказывают только те жители села, кто знает о ней не понаслышке, владеет достоверными знаниями. Именно эти люди, по представлениям сельчан, имеют право, как очевидцы, рассказывать о войне (достоверность как один из важнейших принципов диалектного повествования подчеркивается в [10: 108; 11: 60; 12: 69]). Родившиеся в годы войны причисляют себя уже к другому поколению и считают себя не вправе говорить о том, чего не помнят по своему личному опыту: *Что я? После войны-то [родилась], – говорит о себе женщина 1941 года рождения.*

Для тех же, кто пережил войну, именно она стала мерилom, точкой отсчета для оценки разных сторон жизни. То, что вынесли и как выживали в военное время, – это, по мнению жительницы села 1914 г. рожд., главное, о чем надо знать новому поколению, о чем должны рассказать им старшие. Ср. диалог со студентами-диалектологами:

- А приметы есть у вас какие?
- Что?
- Приметы.

– Никаких примет нету, ничего нету <...> Вы всё записали, а надо было писать не это. Вот трактора вспахали, а жать сами, а мы ходим как жучки... День нашляешься, весь день, а ночью придёшь – надо кормить детей. Вот вам чего сказывать, а не это, вот. Тракторист вспахал, а у тебя семья. А ты и свари, и напеки, и накорми. Да ж нечем кормить. Да было в войну. То колючку, то лебеду толкли, навари, а то мякиной натискать, вот так. А работали... <...> А то ночью приедешь на карачках, вот так, вот вам чего сказывать, а не сказки, это вот сказка. Приедешь, а тут ребяташки то раздерутся, то не жрамши. А тут в огороде ничего нет и не мотыжено, а в ночь надо намотыжить, наварить. А тут-то и одеть нечего, платье надо прихватить да выстирать <...> А это вот мучались. Ты вон в лес иди пилить дрова. Да пилить, а мне одеть нечего... А это вам не это, не прибаутки сказывать. Вот как жили, разутые, раздетые.

В рассказе пожилой женщины настойчиво повторяется мысль о первостепенной важности сохранения памяти о трудном военном времени: *вот вам чего сказывать*; а это вам не это, не прибаутки сказывать. Насыщенность рассказа односоставными предложениями – обобщенно-личными, неопределенно-личными, безличными – рисует картину типичной, общей для всех односельчан тяжёлой жизни военного времени, воспринимаемой как элемент идентичности сельского социума.

Особенностью рассказов сельских жителей о войне являются проникающие в них элементы мифологического и религиозного мировидения носителей традиционной народной культуры.

Началу войны, считают носители традиционной народной культуры, предшествовали ее предзнаменования:

- ...ну знаменье-то было.
- Какое?
- Вот перед войной, да.
- Какое?
- Ну котлован такой был огненной <...> ведь это было в сорок... в сороковом году, я как раз семилетку кончил.
- Котлован – это что значит?
- Огненный. Гибель человечества <...> огненные столбы, к войне.
- К войне?
- Да, это тоже в сороковом году было. А в сорок первом война началась.
- Уходивших из села на фронт провожали, отправляя религиозные обряды. Солдаты хранили в одежде крестики, читали молитвы.
- А мать, когда Вас на войну отправляла, благословляла Вас?

– Начал клали, клали начал, клали начал [класть начал (начала) – у старообрядцев – класть поклоны (обычно перед началом какого-либо дела)].

<...>

– А что она Вам с собой на войну дала? Икону какую-то, да?

– Нет, ничё, я крестик вот токо что я взял и в пилотку ёго положил. И в пилотке хранил ёго, крестик <...> вот я ёго в пилоточку, и с собой, может, поэтому и остался...

– А на войне Вы молитвы какие читали?

– Молитву я токо читал святителя Христов [молитва святителю Николаю, наиболее почитаемому в народе святому]: «Никола, спаси и помилуй» – вот, я молитвы читал. А есть, есть которы брали с(т)и... с(т)ишок «Помилуй мя, Бож(е)». Это большой стих, это большой стих, который был списан и который на память знали, вот. Ну это, это уж пожилые.

Заключение

Рассказы сельских жителей о войне представляют устойчивые типы повествования, характеризующиеся тематическим единством, общностью смысловой и нарративной организации, прагматических установок. В речи носителей традиционной народной культуры рассказ о войне маркирован свойством эгоцентричности (в центре вербализованного события всегда стоит человек – повествователь), выступает как субжанр автобиографического рассказа, в котором преобладает автобиографическая доминанта (о двух типах текстов в жанре автобиографического рассказа см. [13: 15]).

Жанр народного рассказа о войне представляет собой вербальный результат основанного на личном опыте осмысления важнейшего исторического события, имеет ясно очерченную концептуальную основу, которой является тема страдания, большой беды. В рассказах сельских жителей о войне выражено твердое, единодушное заключение о мире как важнейшей жизненной ценности – убеждение, сформированное личным жизненным опытом.

Нарративная организация рассказов сельчан о войне характеризуется четкой темпоральной структурированностью, которая вы-

ступает здесь в двух своих разновидностях – объективной, соответствующей реальным границам исторического события, и субъективной, соотносящейся с хронотопом личного участия говорящего в событии. В эмоционально насыщенных рассказах о войне ярко проявляются такие черты построения диалектного текста, как изобразительность рассказа, совмещение ситуации темы рассказа с ситуацией текущего общения.

Специфика жанра народного рассказа о войне обеспечивается также характерными для него прагматическими установками. Война является одним из важнейших событий биографии переживших ее людей, поэтому в рассказах о войне в полной мере эксплицирован свойственный диалектному повествованию принцип достоверности. Рассказы диалектоносителей о войне реализуют также свойственную диалектному повествованию дидактическую функцию [14]: подчеркивается то, что необходимо знать, помнить и понимать новому, не знавшему войны поколению. Особенностью рассказов сельских жителей о войне являются проникающие в них элементы мифологического и религиозного мировидения носителей традиционной народной культуры.

Возможность (и целесообразность) выделения рассказов сельских жителей о войне в качестве самостоятельного субжанра автобиографического рассказа определяется системообразующей функцией повествования на данную тему: обращение носителя традиционной народной культуры к теме войны определяет характер используемых в повествовании средств: семантику, синтактику и прагматику текста – его «речевую системность» (о речевом жанре как основе речевой системности см. [15: 281]). В разных типах текстовых фрагментов о войне, записанных от диалектоносителей референтной социальной группы (полных структурированных рассказах, кратких тематических фрагментах, отдельных тематических высказываниях, см. о названных типах фрагментации диалектного текста в [16]), устойчиво вербализуются (в разных комбинациях) описанные нами элементы текстовой структуры – семантико-концептуальные, нарративные и прагматические характеристики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е. Текстовый диалектологический корпус как модель традиционной сельской коммуникации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 7 (14). М.: РГГУ, 2008. С. 268–273.
2. Крючкова О. Ю. Диалектологический корпус как источник лингвокультурологического изучения русских

народных говоров // Славянский альманах 2009. М.: Индрик, 2010. С. 67–84. EDN: PVWABF

3. Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : дис. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1997. 52 с.

4. Гольдин В. Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2009. Т. 9, вып. 1. С. 3–7. EDN: KUFNCJ

5. Волошина С. В. Русские автобиографические практики XX–XXI вв. : когнитивно-дискурсивный аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2024. 44 с. EDN: YIIRSZ
6. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград : Перемена, 2004. 340 с.
7. Казакова О. А. Языковая личность диалектоносителя в жанровом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 22 с. EDN: NIBCEL
8. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 216 с.
9. Гольдин В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 23–34. EDN: YKWBDX
10. Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.
11. Гольдин В. Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник : к 100-летию со дня рождения чл.-кор. Р. И. Аванесова. М. : Наука, 2002. С. 58–64.
12. Мызникова Я. В. Коммуникативные особенности диалектного речевого жанра «рассказ-воспоминание» // Вестник Пермского университета. 2014. Вып. 4 (28). С. 66–72. EDN: TCBQVF
13. Волошина С. В., Демешкина Т. А. Миромоделирующий потенциал речевого жанра (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 3 (19). С. 14–20. EDN: PBSHWV
14. Волошина С. В. Дидактическая функция автобиографического рассказа (на диалектном материале) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2021. № 25. С. 38–54. <https://doi.org/10.17223/23062061/25/3>, EDN: PVRMJD
15. Деметьев В. В. Интегральное описание речевых жанров. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2024. 304 с. <https://doi.org/10.18500/978-5-292-04868-8>, EDN: CXRMPI
16. Борисова О. Г., Костина Л. Ю. Иллюстративная зона регионального словаря : структура и содержательный потенциал интенционально фрагментированных воспоминаний носителей говоров // Вопросы лексикографии. 2024. № 31. С. 43–62. <https://doi.org/10.17223/22274200/31/3>, EDN: EJEVFH
3. Gol'din V. Ye. *Theoretical Problems of Communicative Dialectology*. Thesis Diss. Doct. Sci. (Philol.). Saratov, 1997. 52 p. (in Russian).
4. Gol'din V. Ye. Narrative in dialect discourse. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2009, vol. 9, iss. 1, pp. 3–7 (in Russian). EDN: KUFNCJ
5. Voloshina S. V. *Russian Autobiographical Practices of the XX–XXI Centuries: Cognitive and Discursive Aspect*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Tomsk, 2024. 44 p. (in Russian). EDN: YIIRSZ
6. Slyshkin G. G. *Lingvokul'turnyye kontsepty i metakontsepty* [Linguocultural concepts and metaconcepts]. Volgograd, Peremena, 2004. 340 p. (in Russian).
7. Kazakova O. A. *Dialect-speaker's Linguistic Personality in the Genre Aspect*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Tomsk, 2005. 22 p. (in Russian). EDN: NIBCEL
8. Katsnel'son S. D. *Tipologiya yazyka i rechevoye myshleniye* [Typology of Language and Speech Thinking]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie, 1972. 216 p. (in Russian).
9. Gol'din V. Ye. Names of speech events, actions and genres of Russian speech. *Zhanyri rechi: sb.nauch. st. Vyp. 1* [Speech Genres: Coll. sci. arts. Iss. 1]. Saratov, GosUNC "Kolledzh", 1997, pp. 23–34 (in Russian). EDN: YKWBDX
10. Demeshkina T. A. *Teoriya dialektного vyskazyvaniya. Aspekty semantiki* [A theory of dialectal utterance. Aspects of semantics]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2000. 190 p. (in Russian).
11. Gol'din V. Ye. Dominants of traditional rural culture of speech communication. *Avanesovskiy sbornik: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya chl.-kor. R. I. Avanesova* [Avanesov Collection: To the 100th anniversary of the birth of ch.-cor. R. I. Avanesov]. Moscow, Nauka, 2002, pp. 58–64 (in Russian).
12. Myznikova Ya. V. Communicative peculiarities of the dialect speech genre "story-remembrance". *Bulletin of Perm University*, 2014, no. 4 (28), pp. 66–72 (in Russian). EDN: TCBQVF
13. Voloshina S. V., Demeshkina T. A. World-modeling potential of speech genre (on the material of dialect speech). *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 2012, no. 3 (19), pp. 14–20 (in Russian). EDN: PBSHWV
14. Voloshina S. V. Didactic function of the autobiographical story (on dialectal material). *Text. Book. Book publishing*, 2021, no. 25, pp. 38–54 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/23062061/25/3>, EDN: PVRMJD
15. Demytyev V. V. *Integral'noye opisaniye rechevykh zhanrov* [Integral description of speech genres]. Saratov, Saratov State University Publ., 2024. 304 p. (in Russian). <https://doi.org/10.18500/978-5-292-04868-8>, EDN: CXRMPI
16. Borisova O. G., Kostina L. Yu. Illustrative zone of the regional vocabulary: Structure and content potential of intensively fragmented memories of speakers of vernaculars. *Issues in Lexicography*, 2024, no. 31, pp. 43–62 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/22274200/31/3>, EDN: EJEVFH

REFERENCES

Поступила в редакцию 12.03.2025; одобрена после рецензирования 03.04.2025; принята к публикации 03.04.2025; опубликована 01.06.2026

The article was submitted 12.03.2025; approved after reviewing 03.04.2025; accepted for publication 03.04.2025; published 01.06.2026

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 2 (50). С. 177–183

Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 2 (50), pp. 177–183

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-177-183>, EDN: NLFDDS

Научная статья

УДК 271.2-243.6:811.161.1'38'42

Притча православных старцев как жанр. Специфика лингвокультурного подхода

В. А. Маслова^{1✉}, А. А. Немыка², В. П. Синячкин³

¹Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Беларусь, 210038, г. Витебск, Московский проспект, д. 33

²Кубанский государственный университет, Россия, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149

³Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор кафедры дошкольного и начального образования, mvavit@tut.by, <https://orcid.org/0000-0001-8717-9231>

Немыка Анна Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного, annemyka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2525-9249>

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации, sinyachkin-vp@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5109-8309>

Аннотация. В настоящей статье представлено исследование жанровой специфики православной притчи, определено ее место в рамках религиозного дискурса, выявлены особенности интегративных корреляций с другими общекультурными и научными дискурсивными парадигмами. Авторами выделены конститутивные черты жанра православной притчи, описаны общие и дифференциальные признаки в сравнении с притчей литературной. Также детально характеризуются особенности притчи как вторичного речевого жанра в религиозном дискурсе, определяется ее значимость в русской лингвокультуре. Сочетание методов дискурсивного, дефиниционного, лексико-семантического, лингвопрагматического и системного анализа позволяет проводить исследование дискурсивного пространства православных притч, базируясь на современных научных и методологических принципах интегративности и междисциплинарности. Основное внимание акцентируется на анализе притч православных старцев как отдельной жанровой разновидности православных притч, их лингвокультурной и аксиологической составляющих. Отмечена необходимость учета лингвистических и экстралингвистических факторов при анализе исследуемой разновидности религиозного дискурса. Синкретичный характер исследования весьма значим в рамках формирования в современной гуманитаристике научной парадигмы, ориентированной на поиск универсальных способов анализа сложных систем и объектов, в том числе лингвистических. В результате проведенного исследования делаются выводы о семантической, этнокультурной и функциональной специфике репрезентации глубинных смыслов в текстах исследуемого жанра, о характере их аллегоричности; выявлены ценностные доминанты текстов притч православных старцев, значимые для системы национальных культурных кодов.

Ключевые слова: лингвокультурный подход, религиозный дискурс, жанр притчи, притчи православных старцев, междисциплинарность

Для цитирования: Маслова В. А., Немыка А. А., Синячкин В. П. Притча православных старцев как жанр. Специфика лингвокультурного подхода // Жанры речи. 2026. Т. 21, № 2 (50). С. 177–183. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-177-183>, EDN: NLFDDS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The parable of Orthodox elders as the genre. The specifics of the cultural linguistics approach

V. A. Maslova^{1✉}, A. A. Nemyka², V. P. Sinyachkin³

¹Vitebsk State University, 33 Moskovsky Ave., Vitebsk 210038, Belarus

²Kuban State University, 149 Stavropol St., Krasnodar 350040, Russia

³RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russia

Valentina A. Maslova, mvavit@tut.by, <https://orcid.org/0000-00012-8717-9231>

Anna A. Nemyka, annemyka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2525-9249>

Vladimir P. Sinyachkin, sinyachkin-vp@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5109-8309>

Abstract. The article deals with Orthodox genre specifics, establishes its position within the religious discourse, and identifies the characteristics of the integrative correlations with other general cultural and scientific discursive paradigms. The authors have identified the Orthodox parables genre constructive features and described the common and differential characteristics in comparison with literary parables. The characteristics of the parables as a secondary speech genre within religious discourse and defined parable's significance in Russian cultural linguistics have also been detailed. The combination of discursive, definitional, lexical and semantic, linguo-pragmatic, and system-oriented analysis methods enables to study the Orthodox parables discursive area, basing on contemporary scientific and methodological principles of integrative approach and interdisciplinarity. The article primarily focuses on the analysis of the Orthodox elders' parables as a distinct genre of Orthodox parables, along with their cultural linguistic and axiological parables' components. The authors have also noted the necessity to consider linguistic and extralinguistic factors in the analysis of the studied variety of religious discourse. The syncretic nature of the research is highly significant within the framework of establishing a scientific paradigm in contemporary humanities that is oriented towards the search of universal applicable methods of analysis complex systems and objects, including linguistic ones. As a result, the authors draw conclusions regarding the semantic, ethno-cultural, and functional representational specifics of the profound meanings in the Orthodox parables texts, as well as the nature of their allegorical qualities, and identify the value dominants of parables by Orthodox elders' texts, significant for the system of national cultural codes.

Keywords: cultural linguistic approach, religious discourse, parable, the orthodox elders' parables, interdisciplinarity

For citation: Maslova V. A., Nemyka A. A., Sinyachkin V. P. The parable of Orthodox elders as the genre. The specifics of the cultural linguistics approach. *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 2 (50), pp. 177–183 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-177-183>, EDN: NLFDD5

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Позднелатинский термин «дискурс» обозначает такую область действительности, в которой взаимодействуют язык, культура и общество. Он исследуется в самых различных ракурсах в разных науках, однако, любая наука исследует уже проявленные в мире факты, при этом она не способна раскрыть первопричины их появления. Отсюда интерес к религиозному дискурсу. Ю. С. Степанов писал о мире и человеке, опираясь на взаимосвязь культуры, языка и религии [1].

Религиозный дискурс – это сумма коммуникативных и речевых практик, целью которых является Богопознание, а также формирование и хранение сакрального миропонимания носителей данной культуры. Здесь происходит единение двух различных традиций мышления – собственно научной и религиозно-богословской.

Именно через язык мы получаем свои знания о мире вообще и знания о Боге в частности. Многие лингвисты считают, что без идеи Бога и модель мира, и модель языка будут неполными. На сегодняшний день

в лингвистике достаточно глубоко разработаны проблемы религиозной картины мира, ряда религиозных концептов (Бог, Спасение, Вера и др.), а также концептуализации человека в православном миропонимании (человек как образ Божий, человек смиренный, человек рефлексивный) [2: 91, 370–443], герменевтики и текстологии сакральных текстов [3] и др.

Сам религиозный дискурс фиксирует и отражает идеальную, божественную реальность и выражает сакральные смыслы миропонимания. Его цель – передача и сохранение сакрального знания у верующих и приобщение новых людей к вере. Религиозный дискурс представлен разными жанрами.

М. М. Бахтин рассматривал жанры как «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [4]. В. В. Дементьев вводит в понимание речевого жанра коммуникативные признаки [5: 113]. Таким образом, жанр в понимании современных ученых представляет собой некую форму, имеющую конститутивные, свойственные только ей черты.

Основная часть

Конститутивные признаки православной притчи как жанра

Жанр литературной притчи – это набор изменяющихся культурных конвенций, а православная притча универсальна, она хранит общечеловеческие представления о добре и зле. Это, скорее, жанроид (по В. В. Деметьеву). Православная притча как всякий жанр – это устойчивый по структуре и функциям тип текста, у которого есть определенные композиционные, языковые и стилистические характеристики. Литературная притча, как и религиозная, содержит морально-нравственное поучение и имеет пределы своей вариативности и характерный набор языковых средств.

Религиозная коммуникация сложна сама по себе, потому что почти любое высказывание становится событием. А сам жанр – это категория, которая организует эту коммуникацию, задавая конвенциональные способы ее реализации. Выявить эти способы – значит очертить рамки жанра в формальном и содержательном отношении. Вслед за Е. В. Быбуревой в религиозном дискурсе выделяют первичные и вторичные речевые жанры. Первичные – это тексты Священного Писания в целом, молитвы, псалмы, а вторичные представляют собой толкования первичных – проповедь, притчи и т. д., либо тексты, возникшие для спасения души – исповедь и др. [6].

Притча – старославянское слово, означающее – «то, что приткнули» к важному вопросу, требующему не прямого, а иносказательного ответа; ситуации, требующей глубокого осмысления; истории на тему. Проблемами притч занимаются философы, теологи, психологи, литературоведы, лингвисты: – В. Н. Базылев [7], Е. Ю. Балашова [8], Л. Е. Берестовская [9], Т. Е. Владимирова [10] и др. В их исследованиях решаются проблемы аллегоричности притч, их места в религиозном дискурсе, но более всего работ по проблеме самого религиозного дискурса, который объединяет в себе не только Священное Писание и Священное Предание, но и вторичные тексты – проповеди, притчи и другие интерпретации и толкования первичных жанров. Следовательно, границы религиозного дискурса выходят за рамки церкви – в литературу (например, литературная притча, либо целые произведения, где есть библейская линия повествования – М. Булгаков «Мастер и Маргарита»), в искусство (кино – «Иуда», экранизация повести Л. Андреева; балет – «Блудный сын» на музыку С. Прокофьева, «Сотворение мира»; живопись – А. Иванов

«Явление Христа народу», К. Брюллов «Распятие») и т. д.

Природа жанров изменчива, так как социально и культурно детерминирована, но православная притча, которая является предметом нашего интереса, достаточно консервативна, поскольку пропагандирует вечные ценности и обобщает черты двухтысячелетней истории Христианского вероучения.

Язык притчи более прост и доходчив, чем обыденный язык либо язык художественной литературы, он освящен Иисусом Христом, что делает человека более отзывчивым на Слово Божье. Поэтому Господь с народом говорит на языке притч: «Иисус говорил народу притчами и без притчи не говорил им» (Мф. 13, 34–35). И действительно, треть дошедших слов Господа – притчи. Все, о чем разъясняется в притчах, становится символами спасения, лучом, указывающим путь к Богу. Получается, что притча не только особый жанр, но и особый тип сознания человека, которое сосуществует наряду с логическим, рациональным, и эмоциональным. Основная характеристика библейских притч – их глубинная мудрость и универсальность: в них даются ответы на вечные вопросы. Таким образом, Господь дает нам понять, что язык притчи – это особый язык, богоугодный и действенный.

Разновидностью православной притчи являются притчи православных старцев. Издревле старческое служение было таинством общения духа подвижника и пришедшего к нему за советом человека. Одним из исследователей старчества был И. М. Концевич, который считал, что старцы – это те, чьи молитвы слышит Бог, кому открыта его воля [11: 11, 12, 37, 38]. Старчество на Руси возникает еще в древности, об этом свидетельствует Киево-Печерский патерик, патерики Троице-Сергиевой Лавры, Глинской пустыни и других святых для русского человека мест.

Согласно Православной энциклопедии, начало старчеству на Руси положили преподобные Антоний и Феодосий Печерские на рубеже прошлого тысячелетия. Старцем в XIV в. был преподобный Сергей Радонежский, в XV–XVI вв. – Кирилл Белозерский, Нил Сорский, Зосима и Савватий Соловецкие, Нил Столобенский, в XVIII–XIX вв. – признается прп. Серафим Саровский. С XIX в. понятие «старец» начинает трактоваться более широко: к старцам начинают относить авторитетных священников не из числа монашествующих (св. Иоанн Кронштадтский, св. Алексей Мечев) и даже мирян.

Согласно Православной энциклопедии, к старцам XX в. можно отнести священика Сергия Мечева, преподобных

Серафима Вырицкого, Иоанна Валаамского, Алексия Голосеевского, Серафима Глинского (Романцова), Андроника Глинского и др.; архимандритов Иоанна (Крестьянкина), Кирилла (Павлова); протоиерея Николая Гурьянова и других. Отца Илию (Ноздрина) называют единственным из ныне живущих старцев [12].

Старцы – это носители Духа Божия, проводники Его воли, которую Он периодически возвещает людям. Старец – это христианин, который достиг весьма высокой степени духовно-нравственного совершенства [13]. Старцы всегда пользовались огромным уважением на Руси: они считались духовными врачами души.

**Притчи православных старцев:
функциональная специфика
и лингвокультурные аспекты анализа**

Притча православных старцев – это небольшое повествование, ядром которого является религиозное поучение в иносказательной, аллегорической форме. Через малое показано великое: например, в притче о смиреномудрии. В основу ответа аввы Пимена на вопрос брата об избавлении от тяжести в мыслях был положен следующий случай с лодкой: если нет попутного ветра, лодку тащат на себе сами люди, пока Бог не пошлет попутный ветер. Здесь поучение в некоторой степени удаляется от вопроса. Но далее авва говорит, что на ночь судно пристает к берегу, в который вбивают кол, чтобы ветер не унес лодку. В итоге следует религиозно-философское осмысление ситуации: этот кол есть самоуничтожение. Так возникает смиреномудрие, к которому призывает Церковь.

Анализ притч позволяет выявить их основные функции: 1) осмысление этапов жизненного пути через конкретные поступки, позиционирование высоких духовно-нравственных целей: спасения, любви, покаяния, смирения и под.; 2) воздействие на адресата и формирование у него системы православных ценностей: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Мф. 7, 12); 3) формирование моральных устоев и христианских добродетелей [14].

Анализируя притчи православных старцев, нам удалось установить следующие жанрообразующие признаки: 1) духовная сакральность, духовная сила, проповедь христианских добродетелей, проповедь вечных ценностей, важные религиозные и общечеловеческие установки, поведенческие установки, которым нужно следовать; 2) особенности формы: иносказательность, наличие мирского и духовного смыслов. Названные признаки конституируют данный жанр. Покажем это на примере притчи Паисия Святогорца о том, как смире-

ние и молчание побеждают зло. Кот в келье старца Паисия собирался съесть лягушонка, сидевшего без движения и готового к худшему. В итоге кот уходит, отказавшись от своего намерения. «Лягушонок своим молчанием и смирением победил кота», – заключил Паисий. Здесь два смысловых уровня: один поверхностный – поведение кота и лягушонка в келье старца, это уровень мирской реальности; второй – глубинный, который позволяет увидеть еще один смысл: только смирением и покорностью можно победить зло и заслужить Царствие Небесное. В данной притче есть прямое наставление, на котором основан глубинный смысл, это слова старца: «Лягушонок своим молчанием и смирением победил кота».

Притча функционирует в определенной сфере общественных отношений (религиозных), в притчах православных старцев происходит выделение ценностных доминант христианской культуры, акцентируется внимание на христианских нормах и правилах поведения, порицаются неправославные добродетели. Например, богатство, гордыня и др.

**Лингвокультурологический анализ притч
православных старцев о «словах»: схемы
и шаблоны**

Притчи обладают фонетическими, лексическими, синтаксическими жанровыми маркерами. Для установления этого обратимся к притчам православных старцев о словах.

В Библии многое сказано о важности слов: «Не хлебом единым живет человек, но всяким словом Божиим». Слово – Творец, равный самому Богу: «Вначале было Слово. Слово было у Бога. Слово было Бог» (1, Ин., 1:1). Словом, согласно Библии, происходит творение мира (Евр. 1:3). Слово Божье сотворило небеса (Пс. 32:6; 148: 5–8) и т. д.

В Книге Притчей утверждается, что человек живет в мире слов, он окружен и связан словами: «Ты опутал себя словами уст твоих, пойман словами уст твоих» (Притч. 6: 2).

Если для лингвиста сила слова определяется его смыслом и функционированием в контексте, то в богословии Слово обладает особой силой: Словом Бог заставляет море расступиться (Мк. 4:39), Иисус Христос исцеляет больных (Мф. 17:18; Лк. 9:27; 4:35; 39,41), изгоняет бесов (Мф. 8:16). Силу Божественному Слову придает энергия, вместилищем которой является слово. Как считает В. И. Постовалова [15: 6–12], здесь «работают» «сокровенные моменты лингвистического опыта, относящиеся к области мистической прагматики».

Даже слово обыденного языка облечено энергией, которая часто действует помимо на-

шего сознания, как утверждает П. П. Гаряев. Энергетическими следами слов, произнесенных разными людьми (не только живущими, но и давно ушедшими), наполнено все энергетическое пространство вокруг нас [16].

Архимандрит Софроний (Сахаров) писал: в Слове «...присутствует Бог, как в некоем сосуде – драгоценной вазе, полной благоухания... Как божественная энергия – оно исходит от Сущности Божества и божественно само по себе» [17: 22]. Отсюда следует, что у слова в религиозном дискурсе, кроме обычной энергии, присущей любому слову, есть еще и энергия духовная.

Рассмотрим притчи о Слове, содержащиеся в сборнике «Притчи православных старцев», с позиции лингвокультурологического анализа, который учитывает, что всякий текст (в том числе притча) имеет коммуникативную природу. Схема такого анализа включает следующие компоненты: адресант, сообщение, контекст культуры, два кода (мирской, поверхностный и духовный, глубинный), адресат.

Лингвокультурный анализ притчи – это объяснение того, как религиозная культура (энергия духа), находящаяся в тексте, дополняет, а иногда и меняет его смыслы. Общение старца и человека вопрошающего происходит через текст, в который вводятся цитаты из Библии, Божии слова. Это нужно для усиления смысловой насыщенности текста, вхождения в общий контекст христианской культуры. Для лингвокультурного анализа жанра притчи представляется рациональным применение определенного шаблона, обусловленного исторически и хранящегося в языковом сознании христианина: композиционно это вопрос верующего и ответ старца, содержащие в себе несколько смысловых слоев: мирской, иносказательный и духовный (глубинный).

Мы полагаем, что христианская культура проникает в текст притчи следующим образом: 1) в притче поднимаются вечные вопросы, важные для всей христианской культуры; 2) притчи входят в современный мир через образы искусства (Блудный сын); 3) в притчах представлены вечные ценности; 4) через притчу до нас доходит воля Божия; 5) иносказательность и наличие шаблонов становятся приемами создания особого мира. За счет названных параметров притча передает гораздо больший объем информации, нежели этот же текст в художественной обработке.

Покажем это на конкретных примерах притч о Словах. Одна из знаковых притч данного цикла – притча аввы Иоанна Колова из Скита Патерик. Это притча о силе слова Божиего. В ответ на жалобы о жестокосердии авва Пимен говорил, что вода мягкая, а ка-

мень твердый, но если над камнем повесить желобок и вода будет стекать по нему, то она пробьет камень. Это мирская ситуация, из которой старец делает вывод: так и слово Божие мягко, а сердце наше грубо. Но если часто слушать такое слово, то страх Божий приходит в сердце – это значение данной притчи. Согласно Библии: «Сколько, например, различных слов в мире, и ни одного из них нет без значения» (1-е Коринф. 14. 10–13). Но есть еще духовный смысл – особая сила Божиего слова, которая объясняется тем, что такое слово несет отблеск Творца, его волю.

Еще одна притча о силе слова из названного Патерика («Безумные слова») принадлежит Николаю Сербскому. Мать сказала страшные слова своему ребенку: «Если бы мои глаза тебя больше не видели, я была бы счастлива». Ребенок был потрясен этим и застрелился, оставив записку: «Будь счастлива». Мать с горя умерла, поняв, что она сделала. Старец заключает: «Вот что делает безумное слово». Здесь возникает нравственно-этическая коллизия, которая позволяет увидеть за мирской историей глубинный духовный смысл.

Словом можно согрешить, а желание каждого христианина – заслужить Царствие Небесное. Предостережением от данного греха служат многие притчи православных старцев. Так, есть притча на тему «не поминай имя Господа своего всуе». Один ювелир постоянно это делал, мимо шел паломник, который решил ему помочь, позвав его трижды и спрятавшись. Ювелир, не найдя зовущего, разозлился, что его отвлекают от работы. Тогда паломник вышел и сказал: «У Бога работы больше, но ты его призываешь чаще». Так обычная житейская ситуация помогает объяснить духовную сущность данного греха. Еще один грех – хула на Бога, сквернословие. Притча: верному рабу надоело, что его хозяин постоянно хулит Бога. Он взял его любимую собачку и стал мазать ее грязью. Когда хозяин возмутился, раб ответил ему: «Я делаю то, что и ты с Господом Богом». Иносказательное сравнение хулы на Бога с грязью делает притчу понятной простому христианину.

Среди притч есть и такие, в которых зафиксировано позитивное влияние слова. Например, притча о солдатах на войне. Один из них говорит испытывающему сильный страх товарищу: «Не бойся, Господь ближе, чем враг». Второй так поверил в эти слова, что вернулся с войны героем. Во фразе, сказанной солдатом, заложен духовный смысл, который нельзя свести к простому логическому объяснению.

Важность притчи для русской лингвокультуры подтверждается наличием значительного количества пословиц и поговорок на эту тему.

Так, в словаре И. М. Снегирева встречаем такие пословицы: *Без притчи век не изживешь; Без притчи и трясца не берет; От притчи и на коне не уйти* и др. [18].

В. И. Постовалова, пытаясь объяснить тайну фиксации в языке народного духа, духовные смыслы, писала: «Сам Гумбольдт считал непостижимой тайной, недоступной для аналитического мышления то, каким образом сливаются в единое целое язык и народный дух и как действуют в языке творческие первоисточники человека и проявляются его глубинные возможности... В решении этих вопросов современная лингвистика, как и лингвистика В. фон Гумбольдта, остается на пороге непостижимого, не дерзая выходить за пределы собственно научного познания» [19: 78]. В притчах задействованы и такие слова, которые широко используются в быденном общении, поскольку входят в когнитивную базу русского человека: *согрешить словом, суд Божий, спасение* и др. Но в быденном языке они теряют ассоциативную связь с первоисточником.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степанов Ю. С. Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности». Калуга : Эйдос, 2010. 168 с.
2. Постовалова В. И. Теолингвистика. Истоки. Основания. Концепты. М. : Издание Братства святителя Алексия, 2022. 1048 с. EDN: KVJYMP
3. Верещагин Е. М. Русский язык и российское православие: общелингвистическая проблематика : доклад на XI Конгрессе МАПРЯЛ «Мир русского слова и русское слово в мире» (Варна, 17–22 сент. 2007 г.). М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2007. 77 с.
4. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. М. : Русское слово, 1996. Т. 5 : Работы 1940–1960-х гг. С. 159–206. EDN: XNAISR
5. Дементьев В. В. Изучение речевых жанров : обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. Вып. 1. С. 109–121. EDN: YTPINY
6. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс : ценности и жанры // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 162–167. EDN: PDCZHN
7. Базылев В. Н. Притча : переосмысление жанра // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 222–228. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-222-228>, EDN: GXORID
8. Балашова Е. Ю. Речеганровый анализ евангельской притчи на материале православных и протестантских источников // Жанры речи. 2018. № 1 (17). С. 55–59. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-1-17-55-59>, EDN: YVJHQL
9. Берестовская Л. Е. Библийские притчи в контексте религиозной когнитологии // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2000. № 2. С. 60–63.

Заключение

Анализ притчи – это объединение религиозных, философских, культурологических и филологических знаний. В них сливаются воедино значения и смыслы быденного языка с силой и энергией Духа. Все события и объяснения, ответы на вопросы в притчах указывают путь к спасению человека. В православии считается, что язык притч освящен самим Иисусом Христом, что делает человека более восприимчивым к духовным смыслам, а потому способствует формированию у него особого типа сознания – Вселенского сознания, которое существует параллельно с логическим, рациональным, и эмоциональным сознанием. Именно с помощью простых по форме и содержанию притч происходит гармонизация духовного мира христианина по матрицам вселенского разума, т. е. ноосферы (в понимании Т. Де Шардена и В. И. Вернадского). В притчах православных старцев дан целостный образ мира, он строится на иносказании, сквозь которое проступает глубинный смысл.

10. Владимирова Т. Е. Русская языковая личность и православный дискурс // Христианство и наука : XV Международные Рождественские образовательные чтения : сб. докл. конф. М. : РУДН, 2008. С. 286–315.
11. Концевич И. М. Оптина Пустынь и её время. Нью-Йорк : Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле (штат Нью-Йорк, США), 1970. 688 с.
12. Православная энциклопедия. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. Т. 18. 752 с.
13. Ильюнина Л. Кто такие старцы? // Азбука веры : портал. URL: <https://azbyka.ru/kto-takie-starcy> (дата обращения: 19.12.2024).
14. Притчи православных старцев / сост. Е. В. Тростникова. М. ; Воронеж : Издательство Борисова, 2012. 232 с.
15. Постовалова В. И. Религиозные концепты в теолингвистическом представлении // Хрестоматия теолингвистики / под ред. А. К. Гадомского, К. Кончаревич. Белград : Универзитет у Белграду, 2011. С. 6–12.
16. Гаряев П. П. Энциклопедия русской мысли. Т. 5 : Волновой геном. М. : Общественная польза, 1994. 279 с.
17. Софроний (Сахаров), архим. О молитве : сборник статей. Париж : YMCA-Press, 1991. 207 с.
18. Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи. М. : Институт русской цивилизации, 2014. 528 с.
19. Постовалова В. И. Язык и миропостижение : философия языка В. фон Гумбольдта и когнитивная лингвистика // С любовью к языку : сб. науч. трудов. Посвящается Е. С. Кубряковой. М. : Институт языкознания РАН ; Воронеж : ВГУ, 2002. С. 72–89.

REFERENCES

1. Stepanov Yu. S. *Myslyashchij trostnik. Kniga o "Voobrazhaemoy slovesnosti"* [The thinking reed. A book about "Imaginary literature"]. Kaluga, Eidos, 2010. 168 p. (in Russian).
2. Postovalova V. I. *Teolingvistika. Istoki. Osnovaniya. Kontsepty* [Theolinguistics. The origins. Grounds. Concepts]. Moscow, Izdanie Bratstva svyatitelya Aleksiya, 2022. 1048 p. (in Russian).
3. Vereshchagin E. M. *Russkii yazyk i rossiiskoe pravoslavie: obshchefilologicheskaya problematika : doklad na XI Kongresse MAPRYaL "Mir russkogo slova i russkoe slovo v mire" (Varna, 17–22 sentyabrya 2007 g.)* [The Russian language and Russian Orthodoxy: General Philological issues: Report at the XI Congress of IATRLL "The World of the Russian Word and the in the World" (Varna, September 17–22, 2007)]. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS Publ., 2007. 77 p. (in Russian).
4. Bakhtin M. M. The problem of speech genres. In: *Bakhtin M. M. Coll. works: in 7 vols. Vol. 5: Works 1940–1960*. Moscow, Russkoe slovo, 1996, pp. 159–206 (in Russian). EDN: XNAISR
5. Dementyev V. V. The study of speech genres. A survey of works in contemporary Russian studies. *Voprosy yazykoznanii*, 1997, no. 1, pp. 109–121 (in Russian). EDN: YTPINY
6. Bobyreva E. V. Religious discourse: Values and genres. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2008, no. 1, pp. 162–167 (in Russian). EDN: PDCZHH
7. Bazylev V. N. The Parable: Rethinking the genre. *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 222–228 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-222-228>, EDN: GXORID
8. Balashova E. Yu. A genre analysis of the Gospel parable based on Orthodox and Protestant sources. *Speech Genres* 2018, no. 1 (17), pp. 55–59 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-1-17-55-59>, EDN: YVJHQL
9. Berestovskaya L. E. Biblical parables in the context of religious cognition. *Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin*, 2000, no. 2, pp. 60–63 (in Russian).
10. Vladimirova T. E. The Russian linguistic personality and Orthodox Discourse. *Hristianstvo i nauka: XV Mezhdunarodnye Rozhdestvenskie obrazovatel'nye chteniya : sb. dokl. konf.* [Christianity and Science: 15th International Christmas Educational Readings: Coll. of sci. arts]. Moscow, RUDN University Publ., 2008, pp. 286–315 (in Russian).
11. Kontsevich I. M. *Optina Pustyn' i eyo vremya* [Optina Pustyn and her time]. New York, Holy Trinity Monastery in Jordanville, New York USA Publ., 1970, 688 p. (in Russian).
12. *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Church-Scientific Center "The Orthodox Encyclopedia", 2008. Vol. 18. 754 p. (in Russian).
13. Il'yunina L. *Who are the elders?* Available at: <https://azbyka.ru/kto-takie-starcy> (accessed December 19, 2024) (in Russian).
14. *Pritchi pravoslavnykh startsev. Sost. E. V. Trostnikova* [E. V. Trostnikova, comp. Parables of the Orthodox Elders]. Moscow, Voronezh, Izdatel'stvo Borisova, 2012. 232 p. (in Russian).
15. Postovalova V. I. Religious concepts in linguistic representation. In: *Khrestomatii teolingvistiki. Pod red. A. K. Gadomskogo, K. Koncharevich* [Gadomsky A. K., Koncharevich K., eds. Antilogies of theolinguistics]. Beograd, Unversity of Beograd Publ., 2011, pp. 6–12 (in Russian).
16. Garyaev P. P. *Entsiklopediya russkoj mysli. T. 5 : Volnovoi genom* [Encyclopedia of Russian Thought. Vol. 5: Wave Genome]. Moscow, Obshchestvennaya pol'za, 1994. 279 p. (in Russian).
17. Sofronij (Saharov), arhim. *O molitve: Sbornik statej* [About prayer: Collection of articles]. Paris, YMCA-Press, 1991. 207 p. (in Russian).
18. Snegirev I. M. *Russkie narodnye poslovitsy i pritchi* [Russian folk proverbs and parables]. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., 2014. 528 p. (in Russian).
19. Postovalova V. I. Language and World Perception: W. von Humboldt's Philosophy of Language and cognitive Linguistics. In: *S lyubov'yu k yazyku: sb. nauch. trudov. Posvyashchaetsya E. S. Kubryakovoi* [With love for language: Coll. of sci. papers. Dedicated to E. S. Kubryakova]. Moscow, Institute of Linguistics of the RAS, Voronezh, Voronezh University Publ., 2002, pp. 72–89 (in Russian).

Поступила в редакцию 20.12.2024; одобрена после рецензирования 28.01.2025;
принята к публикации 28.01.2025; опубликована 01.06.2026

The article was submitted 20.12.2024; approved after reviewing 28.01.2025;
accepted for publication 28.01.2025; published 01.06.2026

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 2 (50). С. 184–196

Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 2 (50), pp. 184–196

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-184-196>, EDN: OPRRDH

Научная статья

УДК 811.161.1'38'42:821.161.1-22.09+929Гоголь

Речежанровая реальность в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»

В. В. Прозоров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, prozorov@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Аннотация. Речежанровая реальность в контексте заявленной темы обращает нас к соотносительному анализу литературно-художественной и коммуникативно-обыденной природы общения. Генрогенная ситуация (термин В. В. Дементьева), осознаваемая как необходимая предпосылка речежанрового обнаружения, представляет ключ к анализу многоуровневого репертуара РЖ в пьесе Н. В. Гоголя «Ревизор». В заглавии и эпиграфе к комедии запечатлено предощущение *РЖ напоминания, возвещения, острастки, предотвращения*. Явное и невольное состязание простодушия и хитроумия пронизывает весь комедийный гоголевский сюжет и подчиняет себе сложную динамику речежанровых образований. В отмеченном противостоянии универсальная природа простодушия оказывается способной разминуться с хитрыми притязаниями ума, путая ему все карты и без особых стараний замечая свои следы. То же случается и в жизненной реальности, когда одна сторона лукаво и расчетливо стремится к выгодному для себя исходу дела, а противоположная, не отступая от своих жизненных правил и возможностей, готова примирительно уклоняться от очевидных коммуникативных ужесточений. В гоголевском тексте отмечаются образцы прозревания автором того, что составляет структурно-функциональную основу диалогических речежанровых признаний и проговорок, утверждений и недоумений, расхождения и несоответствий. Финал комедии призван соединить в одно целое театральное представление и зал в молчаливых раздумьях о тайных пружинах бытия, о странных пересечениях лукавства и простодушия в этом мире. Показательно чередуются, но часто и хитро совмещаются в тексте комедии информативные и фатические коммуникации. Информативные диалоги, как правило, принадлежат действующим лицам с отчетливо хитроумными намерениями, фатика часто рождается в состоянии некоторой отстраненности от чреды скорых и срочных забот и расчетов и, с точки зрения комедийных хитроумников, вызывает прямую ассоциацию с неуместной или неумеренной болтовней. С позиций авторской стратегии, вольное чередование информативных и фатических состояний героев является важным принципом построения комедийного жанра.

Предлагаемые наблюдения над сложным речежанровым составом в «Ревизоре» позволяют предположить, что генрогенные ситуации и органично порождаемые ими РЖ с точки зрения их реальной надежности и желанной осуществимости находятся под заметным влиянием доминирующих психологических характеристик, которыми наделены участники коммуникативных событий. Исследовательский интерес к проблемам взаимоотношения разных характеров действующих лиц в драматических текстах подвигает нас к пониманию личностно-психологических пружин и источников многих генрогенных ситуаций в их реальных речежанровых воплощениях

Ключевые слова: генрогенная ситуация, речежанровое общение, информативные и фатические жанры, комедия, Н. В. Гоголь, «Ревизор», конфликт, диалог

Для цитирования: Прозоров В. В. Речежанровая реальность в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» // Жанры речи. 2026. Т. 21, № 2 (50). С. 184–196. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-184-196>, EDN: OPRRDH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Speech genre reality in N. V. Gogol's comedy "The Government Inspector"**V. V. Prozorov**

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Valery V. Prozorov, prozorov@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Abstract. Speech genre reality within the context of the stated topic turns us to the comparative analysis of literary and every day, casual nature of communication. Genrogenic situation (the term of V. V. Dementyev) is understood as a necessary background of a speech genre discovery and is a key to the analysis of a multilevel repertoire of speech genres in N. V. Gogol's play "The Government Inspector". Both the title and the epigraph demonstrate a premonition of such speech genres as reminder, denouncement, warning and prevention. A visible and unintentional competition of innocence and artfulness permeate the comedy plot and subjugate the complicated dynamics of speech genre formations. In the above-mentioned competition, the universal nature of innocence and cunning claims of the mind seem to be missing each other upsetting the apperception and covering up the tracks without much effort. The same can be found in real life, when one party cunningly and scrupulously strives to the favorable for themselves outcome whereas the other one is ready to conciliatorily evade any obvious communication tightening without deviating from their rules and opportunities. In Gogol's text we find the examples of the author's epiphany of what makes the structural and functional basis of dialogic speech genre confessions and slips of the tongue, statements and perplexity, discrepancies and inconsistencies. The comedy's finale is called upon to combine into one whole the theatrical performance and the audience in silent thoughts about secret strings of essentiality, strange intersections of innocence and craftiness in this world. It is remarkably interesting how pieces of informative and phatic communication in the comedy's text both alternate and often cunningly combine. Informative dialogues belong as a rule to the characters with clearly cunning intentions whereas phatic communication is often born in the state of some detachment from a series of urgent worries and estimations and, from the point of view of the comedy's cunning characters, is directly associated with inappropriate and immoderate chatter. From the point of view of the author's strategy, free alternation of informative and phatic states of the characters is an important principle of forming a comedian genre.

Our observations of the complicated speech genre composition of the comedy allow us to assume that genrogenic situations and organically generated by them speech genres from the point of view of their real reliability and highly desired feasibility are under noticeable influence of dominant psychological characteristics of those who participate in communication events. The research interest to the relationship of different characters in texts of dramas moves us towards understanding of personal psychological strings and sources of many genrogenic situations in their real-life implementations.

Keywords: genrogenic situation, speech genre communication, informative and phatic genres, comedy, Gogol, "The Government Inspector", conflict, dialogue

For citation: Prozorov V. V. Speech genre reality in N. V. Gogol's comedy "The Government Inspector". *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 2 (50), pp. 184–196 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-184-196>, EDN: OPRRDH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Постановка проблемы

Под речежанровой реальностью мы понимаем репертуар речевых жанров (РЖ), системно исследуемый в пределах одного отдельно взятого литературного текста. Указанное понятие включает в себя то, что М. М. Бахтин, различая первичные и вторичные РЖ, называл «функциональной разнородностью» РЖ [1: 238]. Вбирая в себя и перерабатывая первичные жанры «непосредственного речевого общения», вторичные жанры (в нашем случае – литературная комедия) трансформируют их, творческой волей

автора обращают в «событие литературно-художественной, а не бытовой реальности» [1: 239]. М. М. Бахтин настойчиво подчеркивал, что «различие между первичными и вторичными (идеологическими) жанрами чрезвычайно велико и принципиально», и вместе с тем поощрительно отзывался о необходимости изучения «самого взаимоотношения первичных и вторичных жанров» [1: 239, 240]. Речежанровая реальность в контексте заявленной темы обращает нас к бифокальному анализу литературно-художественной и – в нераздельности – коммуникативно-обыденной психологической природы, подчиненной,

разумеется, внутренне целеустремленным авторским заданиям. Наша задача – удержаться в фокусе совмещения эстетической и повседневной реальности, тем более что присущая комедии, как и любому произведению драматического рода, конфликтотворящая энергия самым очевидным образом обнаруживается в психологии привычно реального устного и письменного общения. Нас интересует феномен, обозначаемый В. В. Дементьевым как *пересечение* художественных и нехудожественных жанров [2: 17].

Ценным с точки зрения желанной внутренней исследовательской упорядоченности представляется введение в науковедческий обиход понятия «генрогенной ситуации, т. е. ситуации речежанрово маркированной, показательной для представления того или иного РЖ (как когнитивного образа, так и реального бытования) в данной национальной культуре» [2: 40, 41]. Генрогенная ситуация, осознаваемая как необходимая предпосылка всякого речежанрового обнаружения, как ситуация, способствующая отчетливому проявлению соответствующих РЖ, как ситуация, предрасполагающая (подталкивающая) к осуществлению определенного РЖ, предлагает в том числе ключ к анализу многоуровневого репертуара РЖ в совершенном художественном тексте. Осознание генрогенной ситуации освещает нам путь к определению «замысла высказывания» [1: 241], системы его реальных предпосылок. Представление о генрогенной ситуации побуждает исследователя РЖ с неперменной тщательностью обращаться к исходным коммуникативным предпосылкам речежанровой реализации.

Обращение к драматическому роду словесно-художественного высказывания позволяет сконцентрироваться на «смыслообразующей роли адресата», на интересующей нас «проблеме смысла-целого, складывающегося (правильнее было бы сказать »рождающегося«) из смыслов отдельных реплик участников диалога». Именно в драме в равной степени важны фактор адресанта и фактор адресата [3: 53, 54]. Кстати сказать, драматический род словесного искусства, в том числе и благодаря активно развивающейся поэтике ремарок [см.: 4, 5], дает нам дополнительную возможность наблюдать в совершенных текстах драматургов живую, художественно обусловленную связь речежанровых проявлений действующих лиц с иной (в сложной системе авторских ремарок, предуведомлений, пояснений к составу действующих лиц), вербально-аналитической, преуказывающей, уточняющей коммуникацией. Комедия Гоголя «Ревизор» заключает в себе целостно представленные свидетельства книжного

и обиходно-бытового общения в их сложных взаимопроникновениях.

Жанрообразующие приметы в заглавии комедии

Обратимся к жанру текста, заявленному автором как «комедия в пяти действиях». Гоголь, по собственному его признанию, питал особый интерес к «комедии высокой», «истинно общественной» [6: 8–27], к комедии, производящей «тот электрический, живительный смех, который исторгается невольно, свободно и неожиданно, прямо от души, пораженной ослепительным блеском ума, рождается из спокойного наслаждения и производится только высоким умом» [7: 180]. Комедийный мир Гоголя пронизан вербально-образной интенцией, которую В. И. Карасик, применительно к другим ярким текстовым прецедентам, именует «игровой символикой», обнаруживаемой «в юмористическом и ироническом осмыслении человеческой природы, критической оценке социальных условий, карнавальной переворачивании норм поведения» [8: 281].

В комедии Гоголя представлены разные уровни речежанрового предъявления. Начнем с высшего и всеобъемлющего. Многообразие жанросозидающих обстоятельств в комедии «Ревизор» властно восходит к единому вершинному центру – к названию текста, в котором, на первый простодушный взгляд, обозначен род деятельности, связанный с *ревизией*, в свою очередь восходящей к глаголу *ревизовать* (от латинского *revisio* – пересмотр).

В письме ко мне от 27 мая 1998 г. известный британский русист, переводчик «Ревизора» на английский язык, преподаватель Манчестерского университета Майкл Бересфорд [9: 15–18] признавался: «Комедия Гоголя – на все времена, а заглавие, которое принято у нас (*The Government Inspector*. – В. П.) очень не точно, потому что у Гоголя содержится очень много обещаний: здесь и пристальная проверка, и в случае чего непременно строгое наказание, и особое обращение к каждому из нас – предстоит ответственный диалог с каждым, кто готов или не готов к такому диалогу – с каждым». Подобная интерпретация заглавия как раз и обращает нас к речевому (и одновременно невербально выраженному) жанру избранного Гоголем остросюжетного комедийного общения, предполагающего и вероятную театральную (и читательскую) аудиторию как целое, и персонально всякого, кто к ней принадлежит или причисляет себя.

Ревизор – тот, кому поручена ревизия, т. е. осмотр (пересмотр), проверка дел и казны, рас-

смотрение порядка и законности действий, расходов и т. п. Но ревизор, как выясняется из текста пьесы, это ещё и громкозвучно, в самой сильной текстовой позиции обещанный персонаж, которого (вопреки традициям русского и мирового театрального искусства) не окажется в составе действующих лиц. Более того, ревизор по воле автора так и не объявится на сцене (в отличие, скажем, от Жандарма, которого нет в составе действующих лиц, но который срывает всех наповал своим явлением в финале пьесы). Однако бесспорно жив Ревизор в самой атмосфере действия, в сюжетной динамике, в сознании и подсознании многих действующих лиц. Он везде и всюду, и его нет среди персонажей пьесы. Фактически он лицо внесценическое, не лицо даже, а какое-то навязывание, призрак, дух, самообман. Мы свидетели уникального случая в драматургической практике, когда представитель известной профессии или сословия, обозначенный (обещанный) в заглавии пьесы, на сцене так и не обнаруживает себя. Такого сюжетного поворота до Гоголя не случалось (ср.: «Венецианский купец» Шекспира, «Лекарь поневоле» Мольера, «Севильский цирюльник, или Тщетная предосторожность» Бомарше, «Бригадир» Фонвизина, «Казак-стихотворец» Шаховского, «Скупой рыцарь» Пушкина и др. каждый из названных в заглавии пьесы персонажей непременно оказывается её главным действующим лицом). Признание этих обстоятельств приводит к заключению об особой метафизической роли заявленного в заглавии и обращенного к каждому из нас носителя пронзительно зоркой силы. В названии комедии – некое предощущение *РЖ* напоминания, возвещения, упреждения, остротки, остережения, предотвращения.

Эти коммуникативные смыслы с дополняющей озорной внятностью вспыхивают-вырисовываются и в эпиграфе: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива». Народная пословица, которая по самой своей функциональной надобности недаром молвится, впрямую, весьма отчетливо коррелируется здесь с заглавием комедии (ср. и зеркально-фонетическое созвучие: *зор – рож*): смотри правде в глаза – источник проблем не ищи на стороне. Пословицы и поговорки, в разных контекстах, сопровождают всё сюжетное течение пьесы. В финальной авторской ремарке тоже красноречиво, хотя и невербально объявится поддразнивающая пословичная конструкция. Знаменательно, что в заключающей комедию немой сцене перед нами среди других персонажей является судья уездного города

«с растопыренными руками, присевший почти до земли и сделавший движение губами, как бы хотел посвистать или произнести: “Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!”» (см. о немой сцене: [10, 11]).

Обратим внимание и на то, что в русской речевой традиции само лексически нейтральное понятие, вынесенное в название комедии, навсегда оказалось тесными живыми узами общенародной памяти связано с именем Гоголя, а для посвященных в судьбу писателя, в его драматически сложное и светлое мироотношение это понятие наполняется и дополнительными смысловыми обертонами, близкими к представлениям о мыслительной загадке, умозрительной неразгаданности, духовно-нравственной тайне¹.

Драматический конфликт и его речежанровые готовности

Говоря о других, более привычных для драматургической практики уровнях речежанрового проявления в «Ревизоре», мы имеем в виду прежде всего РЖ, раскрываемые в процессе непосредственного общения действующих лиц. Но прежде чем систематизировать богатый репертуар РЖ в комедии, остановимся на природе конфликта, пронизывающего пьесу Гоголя и вместе с тем обращенного к существенно ценностным проблемам человеческой коммуникации и их рискам [12: 123–140]. В «Ревизоре» мы становимся свидетелями приходящих в серьезное противоречие двух универсальных психологических состояний, хорошо знакомых нам по повсеместному их бытованию в привычной нам реальности [13].

С одной стороны, это наивное, почти детское обезоруживающее простодушие, чистосердечная непреднамеренность, беззаботная непосредственность (часто переходящая в необузданную мечтательность), характеризующая повадки Хлестакова, Марьи Антоновны, Бобчинского, почтмейстера Шпекина... С другой стороны, само себе кажущееся изощренным и расчетливым хитроумие, изворотливость ума, намеренное плутовство, лукавая изворотливость и опытная изобретательность, в разной степени и в каждом случае на свой манер свойственные Сквознику-Дмухановскому, Анне Андреевне, Землянике, Осипу, многочисленным купцам... Оба многоточия означают не только возможность перечислительного продолжения имен действующих лиц, но и вероятность перехода почти каждого из них из одного разряда в противоположный при условии некоторого

¹Особая речежанровая тема – крылатые слова и выражения, вошедшие в русский речевой обиход из комедии Гоголя «Ревизор».

изменения предлагаемых сценических обстоятельств. Обе стороны могут непринужденно меняться местами и даже совмещаться в одном и том же персонаже до нерасторжимости. Указанное изменчивое соотношение психологически значимых состояний действующих лиц служит важным мотивом порождения и мерилом генрогенных ситуаций в «Ревизоре» и в первичной нашей жизненной реальности.

В комедии Гоголя всё случается не благодаря, а вопреки наихитрейшим козням и лукавым изощрениям героев. В пьесе берет верх не здравый и многократно испробованный житейский смысл-расчет и не противостоящие ему добродетели героев (как часто случается в драматургической практике), а бездумно обезоруживающее и всех ошеломляющее простодушие. Можно даже сказать и так: легкомысленное простодушие не просто берет верх, тем более – побеждает, но, напротив, ни к какой победе целеустремленно и не стремится, о ней специально не заботится, не помышляет, не рассчитывает, а ведет себя в полном и послушном соответствии с собственным природным характером.

Явное и невольное состязание простодушия и хитроумия пронизывает весь комедийный гоголевский сюжет. И что самое главное и поразительное в этом противостоянии, простодушие становится неуязвимым для испытанной хитрости, ловко расставляющей свои искусные капканы. Универсальная природа простодушия оказывается способной *разминуться* с хитрыми притязаниями ума, путая ему все карты и без особых стараний заматывая свои следы.

Так нередко случается и в жизни, когда одна сторона лукаво, настойчиво (настырно), расчетливо стремится к верховенству, к подчинению оппонента, к выгодному для себя исходу дела, а противоположная, не отступая от своих жизненных правил, не поступаясь своими принципами и интересами, готова тем не менее примирительно уклоняться от всяческих коммуникативных ужесточений. Такого рода исходы речежанровых общений можно наблюдать в деловых спорах, в приятельских ссорах, в разговорах с позиции силы, в семейных пререканиях и перебранках, в одолении воспитуемым строгих педагогических проработок, осуждений, окриков, в публичных дебатах, в конфликтных диалогах «покупатель – продавец», «кондуктор – пассажир», «медработник – пациент», «режиссер – актёр» и т. д. Память подсказывает вереницы примеров.

Очень часто спасительный комизм ситуации в том, что одна сторона последовательно, во всеоружии своих возможностей-аргументов наступает, напористо внушает, а другая, сохраняя самообладание или, пуще того, пре-

бывая в состоянии умиротворения, вполне оправданной беспечности, «легкости мысли», невозмутимо уходит от столкновения, от противостояния, от навязываемого спора. Закономерно рождается психологический эффект несовместимости внутренних исходных коммуникативных установок, взаимного когнитивного диссонанса.

Описываемый феномен является частным, но и частым тоже случаем антропологически универсального конфликта желаемого и реального в человеческом общении. Подобный (нередко и внутренне противоречивый) исход общения вряд ли можно односторонне относить к разряду коммуникативных неудач. Тут двойственный результат: со стороны наступательно (назидательно)-агрессивной – неудача (осечка, просчет), а для противоположной стороны – вольная или невольная, но несомненная удача. Такого же примерно рода противоречивое диалогическое состязание с парадоксальным исходом усматривается и в сюжете гоголевской комедии. С точки зрения поэтики речежанровых сценариев полезно будет рассмотреть тонко и точно уловленную Гоголем динамику подобных состязательных превращений. «Искусство, – по определению Ю. М. Лотмана, – создает свой мир, который строится как трансформация внехудожественной действительности по закону: “если, то...”» [14: 129].

Вся комедия – про то, как его, Хлестакова, фитюльку и вертопраха, лукавые мужи уездного города приняли за ревизора и хотели было привычно-обманными средствами обхитрить и...обманулись сами. Конфуз открывается им непоправимо поздно. Здесь ведь и удивительным образом явленная оппозиция коварства и чистосердечия, ума и бездумного существования, шельмовства и ребячества. Перед нами и разные типы языковых личностей. Гоголь предусмотрительно предупреждает актеров и зрителей о том, что Городничий «хотя и взяточник, но ведет себя очень солидно; довольно сурьёзен; несколько даже резонер; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно». Хлестаков же «несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове»; «говорит и действует без всякого соображения». Широчайшая амплитуда противочувствий. Интересно проследить, как в сцеплении разных речежанровых образований обнаруживается это странное и вместе (по заложенным в нас нравственным предпочтениям) законное противостояние и его разрешение.

Речевые жанры вынужденной подготовки к коллективному обману

Наблюдения над гоголевским текстом вызывают и естественное эстетическое наслаждение, и вместе позволяют отметить содержащиеся в тексте любопытные образцы прозревания автором комедии того, что составляет структурно-функциональную основу диалогических речевых жанровых признаний и проговорок, утверждений и недоумений, расхождений и несоответствий.

Всё первое действие «Ревизора» обнимается генрогенной ситуацией оживленного обсуждения «пренеприятного известия», пораженного действующих лиц, затем скорого появления героев-вестников (Бобчинского и Добчинского), сообщающих о предполагаемом «инкогнито», и общей спешной подготовкой к его одурачиванию. Ситуация ошарашенности и внутренней хитроумной подготовки к её преодолению призывает к жизни целый каскад РЖ. Мелькают одна за другой отчетливые речевые жанровые приметы:

взволнованного *объявления* (предупреждения) о необыкновенно тревожном известии, почерпнутом из достойного доверия письма, и *жаркого обсуждения* чиновниками мотивов насылаемого на город испытания – ревизии (явление 1-е);

обдумывания (проговаривания) срочного принятия мер к предотвращению возможного для них урона от внезапно обрушившейся проверки и *нервных препирательств, споров, уловок и злословия* по ходу *совещания* (явление 1-е);

настоятельной просьбы-совета почтмейстеру из предосторожности вскрывать «всякое письмо», «входящее и исходящее» (явление 2-е);

доставленного Добчинским и Бобчинским и всерьёз напугавшего «*чрезвычайного известия*» о чиновнике, который «две недели уж» живет в уездной гостинице, «и денег не платит и не едет», «и подорожная прописана в Саратове» (явление 3-е);

скорох *распоряжений* Городничего о принятии мер к быстрому созданию видимости городского благоустройства (явления 4-е и 5-е);

поспешных, *фатически ориентированных расспросов* Анны Андреевны о случившемся (6-е явление).

Не на шутку разворошённый уездный муравейник – в сильном волнении, в страхе и тревоге. Городничий принимает на себя привычную роль рачительного хозяина города и отправляется как бы ненароком в гостиницу на разведку. Все речевые жанровые образования в 1-м действии строго и четко подчинены ген-

рогенной ситуации, связанной с переживаниями тревожного известия и безотлагательными поисками скорого выхода из сложившегося непредвиденного обстоятельства. Разыгрывается сценарий поспешного приготовления чиновников к коллективному (но и персональному – тоже) одолению обрушившейся на них неприятности.

Во 2-м действии, переносящем нас в уездную гостиницу, постепенно, сцена за сценой, разворачивается ситуация выведования – распознавания истинного и мнимого притворства, угадывания, «кто есть кто». На наших глазах в «елистратишке простом» выдавший на своем веку виды Городничий узревает всамделишного ревизора и тем самым терпит коммуникативную неудачу, которую ситуативно принимает за наклеивающееся везение. Сталкиваются две поведенческие стратегии. С одной стороны простодушие струсившего Хлестакова, а с другой – хитроумие Городничего повелевают им (каждому по-своему в ситуации взаимного непонимания) от безнадежной самообороны переходить к отчаянно спасительному наступлению. Исход словесного поединка устраивает обоих.

Интересна здесь (и далее) роль посвященного уже в предлагаемые обстоятельства зрителя – включенного в происходящее наблюдателя, на глазах у которого разворачивается игровой по самой своей театральной природе [15: 128–135] диалог осторожно вглядывающегося в собеседника Городничего и Хлестакова, заметно уstraшенного приходом к нему в гостиничный номер хозяина города. Предполагаемые зрители – читатели следят за комически взвинчивающейся ситуацией взаимного разгадывания намерений и взаимного (с одной стороны, рокового для Городничего, с другой, весьма благожелательного для Хлестакова) непонимания/неполного понимания/обоюдного согласия героев. Здесь налицо сценарий «приписывания говорящему коммуникативных намерений, которых у него не было» [16: 317].

Наращение конфликтного напряжения поддерживается речевыми жанрами:

развернутого, *фатически откровенного монолога-размышления* ворчливого и плутватого слуги-резонёра Осипа; из признаний этих читателю-зрителю становится ясно: хозяин его «делом не занимается: вместо того чтобы в должность, а он идет гулять по прешпекту, в картишки играет» (явление 1-е);

привычных по своему тону *препирательств* Осипа и Хлестакова; со стороны Осипа это еще и явное последовательное *поддразнивание* барина; Хлестаков ведет

роль снисходительного повелителя (явление 2-е);

предельно *простодушного монолога* Хлестакова на тему: «Ужасно как хочется есть!» (явление 3-е) и *забавного разговора* Хлестакова, Осипа и трактирного слуги; Хлестаков пробует изо всех сил убедить трактирного слугу в том, что ему «очень есть хочется», а что «деньги сами собой» (явление 4-е);

рассудительно-мечтательного монолога Хлестакова на тему: «Это скверно, однако ж, если он (хозяин трактира. – В. П.) совсем ничего не даст есть»; *тематический разворот во внутренней речи* (от сильного ощущения голода к тщеславному инстинкту самоупоения): «Штаны, что ли, продать? Нет, уж лучше поголодать, да приехать домой в петербургском костюме» (явление 5-е);

эмоционально насыщенного *разговора-перебранки* Хлестакова, Осипа и трактирного слуги; искреннее изумление Хлестакова по поводу принесенной ему «в последний раз» еды: «Мошенники, каналы, чем они кормят!» (явление 6-е);

сообщения Осипа о приезде в гостиницу Городничего и *испуганной реакции* на это сообщение Хлестакова (явление 7-е); продолжительного и исполненного парадоксальных превращений и взаимных непониманий *объяснения* Хлестакова с Городничим: от сильного *взаимного испуга* до *взаимного же удовлетворения итогом общения* (явление 8-е – 9-е); *предупредительных распоряжений*, которые делает хитроумно-изобретательный Городничий по случаю готовности «высокого гостя» переехать из гостиницы в его дом (явление 10-е).

Знаменательно, что Городничий ведет свою хитроумную и велеречивую партию в пределах *информативных жанров*:

представляясь и демагогически используя казенно-патетическую риторику, объявляет мотивы своего посещения гостиницы («чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений»),

на всякий случай, сверх всякой необходимости положительно аттестует холмогорских купцов, что привозят в город хорошую говядину («люди трезвые и поведения хорошего»),

жалуется на «недостаточность состояния», на то что «казенного жалованья не хватает даже на чай и сахар» и прибавляет для пущего самооправдания: «Если ж и были какие взятки, то самая малость: к столу что-нибудь да на пару платья» (на случай,

если ревизор уже кое-что распознал про его привычные дела),

предлагая гостю взятку, оправдывает её исключительно благородными побуждениями («Моя обязанность помогать проезжающим»).

Вся последующая цветистая речь его – про свою неизменную преданность делу («ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалеешь ничего, а награда неизвестно ещё когда будет»). Оробевший поначалу Хлестаков пробует храбриться, пускается в самооправдательные пререкания, доходит до (по-детски наивных) наступательных угроз («Да как вы смеете?.. Да вот я...», «Я прямо к министру!»). Но, получив от Городничего денег, окунается в атмосферу расслабленного *фатического* благорасположения: «Без вас я, признаться, долго бы просидел здесь: совсем не знал, чем заплатить»; «душа моя жаждет просвещения», «Иногда что-нибудь хочется сделать, почитать или придет фантазия сочинить что-нибудь...»; «Мне гораздо приятнее в приватном доме, чем в этом кабаке»; «Мне очень нравится ваша откровенность и радушие, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовал, как только оказывай мне преданность и уважение, уважение и преданность».

Второе действие завершается полным триумфом всерьёз ни о чем не ведающего случайного петербургского гостя и бесподобной удачей предприимчивого Городничего, чьи лукавые намерения лучшим образом стали вдруг воплощаться в жизнь. Хитроумие и простодушие сливаются воедино.

Речеганровая реализация безудержных фантазий

Всё третье действие в доме городничего посвящено подготовке к достойному приему Хлестакова и смотримам, как бы невзначай устроенным в его честь. Генрогенная ситуация озорного переплетения легкомыслия и хитроумия порождает головокружительный калейдоскоп РЖ, связанных с ключевым понятием фантазирования.

Здесь и *взволнованное ворчливое ожидание* Анной Андреевной (вместе с Марьей Антоновной) *вестей* из гостиницы (явления 1-е), и *нетерпеливые расспросы* Анной Андреевной Добчинского относительно приезжего «вельможи» (явление 2-е), и *пристрастные пререкания* жены и дочери Городничего, касающиеся подходящих к случаю нарядов (явление 3-е); и *летучий диалог* сметливого Осипа с простодушным слугой городничего Мишкой (явление 4-е); и центральные в композиции действия и всей пьесы явления 5-е и 6-е, в которых мы становимся свидетелями *щедрого*

речежанрового гостеприимства: восторженных откликов «приятного гостя» по поводу случившегося уже в богоугодном заведении сытного завтрака; мечтательных расспросов Хлестакова относительно каких-нибудь ещё заманчивых «развлечений» («например, поиграть в карты»); приятное общение Хлестакова преимущественно с женой и дочерью Городничего, каскад его забавных оценок, курьёзных признаний, самообольстительных фантазий, иллюзорных воображений, гиперболических усмотрений, простодушных оговорок, воображаемых инвектив («О! я шутить не люблю. Я им всем задам острастку»)...

Надо отметить, что жена Городничего все это время пробовала (на свой лад) вести себя в соответствии с этикетными требованиями светской беседы, с присущими светской беседе элитарностью, праздничностью и изощренностью: «Прошу покорно садиться»; «Я думаю, вам после столицы вояжировка показалась очень неприятною»; «В самом деле, как вам должно быть неприятно»; «Так вы и пишете? Как это должно быть приятно сочинителю! Вы, верно, и в журналы помещаете?» и т. д. [ср.: 16: 330–332]. Анна Андреевна с досадой одергивает дочь («Ну вот: я и знала, что даже здесь будешь спорить»), когда та предпринимает простодушно-дерзкое «табу-действие», выходя за пределы «социально регламентированных предписаний» светской беседы [3: 340] и во всеуслышание объявляет, что популярная в ту пору книга «Юрий Милославский» вовсе не Хлестакову принадлежит («Ах, маменька, там написано, что это господина Загоскина сочинение»). Хлестаков в этот момент обнаруживает талант ловко-простодушного импровизатора: «Ах да, это правда: это точно Загоскина; а есть другой «Юрий Милославский», так тот уж мой».

Все последующие явления третьего действия (с 7-го по 11-е) проходят под невероятно сильным впечатлением от только что услышанных и всех поразивших «признаний» гостя, который, по оценке вконец уstraшенного Бобчинского, «когда генерал, то уж разве сам генералиссимус». Принимающая сторона пребывает в трепете, пробует очнуться, обсудить происшедшее, обдумать дальнейшие шаги. Напротив, жена и дочь Городничего оценивают Хлестакова на свой кокетливый манер, безо всякой робости («Ах, какой приятный!», «Ах, милашка!», «Пойдем, Машенька! Я тебе скажу, что я заметила у гостя такое, что нам вдвоем можно только сказать»). Лукаво расчетливыми признаниями укрепляет всех в почтении к своему барину (и заодно к самому себе) плутоватый Осип.

Генрогенная ситуация, в которой Хлестаков выглядит обманщиком поневоле, а лучше ска-

зать, обманщиком, вынужденным обстоятельствами, сложившимися без его инициативного участия, порождает серию речевых жанров как бы двойного ценностного измерения. С одной стороны (для вероятных читателей и зрителей), высказывания главного героя комедии производят впечатление всё возрастающей, предела не знающей, наивной и пьяной похвальбы. С другой стороны, в гомерически многозначительных суждениях Хлестакова его непосредственные сценические слушатели (яркое проявление интерпретационной деятельности адресатов речи [16: 192]) оторопело улавливают самое для себя главное: перед ними исключительно важная персона: «С министрами играет и во дворец ездит...». Глубокомысленный «психолингвистический» комментарий даёт по этому поводу Городничий: «Подгулявши, человек всё несет наружу: что на сердце, то и на языке. Конечно, прилгнул немного; но ведь не прилгнувши не говорится никакая речь». В состоянии серьезной озабоченности Городничий и его окружение готовятся к желанной для себя удачной развязке этой внезапно на них свалившейся ревизии.

Речежанровая ситуация эмоционального восхождения и краха

Благополучно сложившаяся генрогенная ситуация в четвертом действии комедии стремительно подвигает уездных чиновников к обязательному (во спасение) и сложнейшему с точки зрения его вербальной реализации речевому жанру подкупа или дачи взятки. Всё начинается с опасливого сговора, с критически взвешенного обсуждения разных сценарных вариантов необходимого «приношенья», с определения порядка представлений «поодиночке», «между четырёх глаз», «как в обществе благоустроенном делается» (явление 1-е).

Комически взрывные короткие сцены диалога каждого из чиновников с Хлестаковым обнаруживают зримые приметы распространенных в обиходно-бытовом общении антонимических жанров разрешения конфликта: «договоренности», «налаживания отношений», «прикармливания», «подкупа», «дачи взятки» и т. п. [16: 249]. Особенность комедийной гоголевской вариации этой жанровой разновидности в том, что Хлестаков, пребывающий в превосходном состоянии души и тела после предельно гостеприимного приема и крепкого сна, не сразу угадывает намерения своих посетителей, но, почуяв, что фортуна на его стороне, активно втягивается в игру: «А попрошу-ка я у этого почтмейстера займы!» Вдруг получится?! И получается:

сперва осторожно, а потом и смело запрашиваемые суммы следуют одна за другой.

Чрезвычайно показательна речежанровая эволюция, которая на протяжении действия, по мере оказываемых ему особых знаков внимания и почитания, случается с Хлестаковым. Поначалу (явление 2-е) он «выходит на сцену с заспанными глазами» и силится вспомнить, что за приятные превращения с ним приключились. В этот момент в его внутреннюю речь внезапно вплетается мотив горделивого самоуважения: «Я люблю радушие, и мне, признаться, больше нравится, если мне угождают от чистого сердца, а не то чтобы из интереса» (явление 2-е).

Мотив этот стремительно развивается по мере возрастания предельно почтительной и угодливой робости его посетителей-взятодателей. Красноречиво выражается эта динамика в заключающих каждую сцену взятодательства оценочных хлестаковских подытоживаниях: «Судья – хороший человек» (явление 3-е); «Почтмейстер, мне кажется, тоже очень хороший человек. По крайней мере, услужлив. Я люблю таких людей» (явление 4-е); вконец оробевшему Луке Лукичу Хлопову – отрывисто «Прощайте» (явление 5-е); в ответ на донос-наговор Земляники: «Я это очень люблю» (явление 6-е).

Навстречу Хлестакову устремляются и разные просители с просьбами личного характера, с обидами на городничего, с жалобами, с нареканиями на притеснение властей, с прошениями и ходатайствами (явления 7-е, 9-е, 10-е, 11-е). Гоголевскому герою приходит вдруг на ум невольная догадка: «Мне кажется, однако ж, они меня принимают за государственного человека. Верно я вчера им подпустил пыли» (явление 8-е). И реакция от природы склонного к озорству Хлестакова на всевозможные челобитные становится всё отрывистее и жестче. Явственно различимы уже холодные начальственные нотки, утомленный и раздраженный голос властного чина. Вот постепенное эмоционально-экспрессивное усиление энергии его ответов просителям: «Хорошо, хорошо! Я об этом постараюсь, я буду говорить...» (явление 7-е); «Экое дурачье!» (явление 8-е); «А что вы, любезные?» (явление 9-е); «Непременно, непременно! Я постараюсь» (явление 10-е); «Стой, говори прежде одна. Что тебе нужно?», «говори в коротких словах», «Ступайте, ступайте! Я распоряжусь», «Да кто там ещё? (Подходит к окну.) Не хочу, не хочу! Не нужно, не нужно! (Отходя.) Надоели, черт возьми! Не впускай, Осип!» (явление 11-е). У Хлестакова рождается поведенческо-вербальный жест, восходящий к расхожему многозначительному (здесь исполненному спесивой на-

чалыственной досады) словосочетанию «вас много, а я один». Нехотя, невольно примеряя на себя не знакомую прежде социальную роль государственного человека (о статусно-ролевой структуре межличностного общения см.: [3: 140–148]). Хлестаков превращается в самого что ни на есть грозного начальника, порядком уже уставшего от напора страждущих.

Завершается действие быстро следующими одна за другой сценами комически пламенного ухаживания-признания Хлестакова в любви поочередно к Анне Андреевне и к Марье Антоновне (явления 12-е, 13-е, 14-е). Перед нами блистательная пародия на жанр флирта, в пределах которого «человек, который начинает его, имеет для этого свои эгоцентрические мотивы /.../ Участник флирта получает удовольствие от своей способности вести такой дискурс». Объекты комплиментов явной расположенностью к подобному диалогу поощряют Хлестакова [17: 133, 134]. Разворачивается «флирт ради самого флирта» [18: 274]. За этим следует столь же ситуативно внезапное, скоропалительное «обручение» Хлестакова и дочери городничего (явление 15-е) и (Осипом своевременно предусмотренный) торопливый отъезд Хлестакова в Саратовскую губернию.

Простодушие и хитроумие человеческое здесь густо переплетаются и смешиваются до полной неразличимости. Все вербальные и невербальные коммуникативные знаки, приметы времени и пространства («лошадь», «свадьба», «на один день к дяде», «а завтра же и назад», «новое счастье» – «новенькими бумажками», «пусть дадут коврик», «завтра или послезавтра», «эй вы, залетные!») лишаются своих исконных номинативных смыслов и словно бы изумленно повисают в воздухе. Речевые жанры (признания в любви, незамедлительно скорых объяснений с родителями невесты, нетерпеливого – вплоть до комически отчаянной суицидальной угрозы – испрашивания их согласия, получения благословения, быстрого переключения к стремительному отъезду, десятикратных прощаний с новыми родственниками) в исполнении Хлестакова словно бы парят в невесомости и завораживают-дурманят своей необыкновенной лёгкостью окружающих. В действиях гоголевского героя нет по-прежнему никакого притворства, симуляции, криводушия и тем более коварного лицедейства. Хлестаков везде и всегда предельно откровенен (и в фантазиях своих, и в роли начальствующего субъекта, и в ухаживаниях за женой и дочкой Городничего). Проникновенная открытость и бесхитростная естественность Ивана Александровича особым

игровым цветом окрашивают все его вербальные построения. В его речах и поступках нет умысла. Слова его по большей части непреднамеренны. По замечанию Гоголя, «речь его отрывиста, и слова вылетают из уст его совершенно неожиданно. Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет». Чаще всего он несет что-то вроде шаловливого вздора. К подобному водевильному настроению вызывают и относящиеся к Хлестакову авторские ремарки: «рисует», «целует ее в плечо и смотрит в окно», «падает на колени», «бросается на колени», «целует ее ручку», «Хлестаков целуется с Марьей Антоновной», «немного подумав», «берет и рассматривает ассигнации»...

По-видимому, в оценке удельного веса тех или иных исходных генрогенных ситуаций, а также в определении степени состоятельности речежанровой коммуникации важная роль может быть отведена психологическим задаткам (доминирующим индивидуальным характеристикам), свойственным участникам ситуации – личностям говорящих [см.: 16: 120–137]. *Пятое действие* «Ревизора» в этом отношении весьма показательно.

Городничий и его семейство – на вершине блаженства. Им внезапно открывается жизненная перспектива «высокого полета». Анна Андреевна готова согласиться на то, чтоб дом их «был первый в столице», а «в комнате такое было амбре, чтоб нельзя было войти и нужно бы только этак зажмурить глаза (Зажмуривает глаза и нюхает.)» (явление 1-е). Вместе со своей супругой в простоте душевной блаженствует Городничий. Он решительно настроен на то, чтоб уже вскоре в полной мере рассчитаться со всеми коварными жалобщиками. В безудержной фантазии он мечтает теперь «большой чин зашибить». Простодушно грезятся ему ряпушка и корюшка, «такие, что только слюнка потечет, если начнешь есть». И от вынужденно раскаивающихся купцов, что посмели жаловаться на него чиновнику из Петербурга, Городничий ждет надлежащего «поздравления» к свадьбе дочери («не то чтоб отбоириться каким-нибудь балычком или головою сахару» (явление 2-е). Простодушные праздноречивые мечтания Городничего и его жены по-своему напоминают недавние полеты хлестаковский фантазии.

На протяжении явлений 3-го – 7-го Сквозник-Дмухановский с женою и дочерью принимают от множества гостей – цвета уездного бомонда – поздравления «с необыкновенным счастьем». Поздравления текут восторженные, велеречивые, трогательные, заискивающие, завистливые, скрыто насмешливые. Предчувствие грозной развязки повисает с то-

ропливым появлением почтмейстера. В руках у него распечатанное письмо Хлестакова, а из уст – внезапный приговор: «Чиновник, которого мы приняли за ревизора, был не ревизор» (явление 8-е). Следует чтение вслух фрагментов из письма. Мы знакомимся с образцом эпистолярного искусства Хлестакова, с его издевательскими оценками действующих лиц.

Антон Антонович входит в шоковое состояние, со злой досадой отмахивается от жены, впадает в самоуничижительный раж. Обуздывая себя, принимается неведомо кому обращаться свои *инвективы* [19: 137–144], остервенело костерить вечных врагов – «чертово семейство», «шелкопёров, бумагомаз», «либералов проклятых», что «в комедию тебя вставят», что «будут все скалить зубы и бить в ладоши» – «вот что обидно». Он пробует взять себя в руки. На ум приходит самозащитный вопрос «Кто виноват?». Добчинский и Бобчинский отчаянно отрекаются от своего первооткрытия. И в мгновенно наступившей гулкой тишине Жандарм, отсутствующий в списке действующих лиц, строго отчеканивает положенный ему текст: «Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он остановился в гостинице». Слова эти «поражают как громом всех». Заключает комедию почти полутораминутное окаменение персонажей.

Генрогенная ситуация, подготовленная заглавием пьесы и эпиграфом к ней, многозначительно подкрепленная многоадресной досадливой репликой-укором Городничего «Чему смеетесь? – Над собою смеетесь!.. Эх, вы!..», внезапным явлением и заявлением заранее не обозначенного лица, рождает в итоге «немую сцену». Финал комедии призван соединить в одно целое театральное представление и зал, зрителей, читателей, соединить в молчаливых и проникновенных раздумьях о тайных пружинах бытия, о странных пересечениях лукавства и простодушия в этом мире, о силе и бессилии ревизии внешней и о непреходящей правде Ревизора, который...живет в нас. Во все времена «этическое и эстетическое противоположны и нераздельны как два полюса искусства» [14: 129].

Показательно, как уместно чередуются, но часто и хитро совмещаются в тексте комедии *информативные* и *фатические* коммуникации. Только обнаружит себя новая весть, только испугает или порадует она своим явлением действующих лиц, как почти непременно кто-то из персонажей в силу своих психолого-речевых особенностей и готовности отдельной несуразной, вздорной, нелепой или кажущейся остальным неуместной репликой

снимает информационную остроту и невольно выводит остро сюжетное общение в состояние наивной фатической рассредоточенности.

Это могут быть мечтательные реплики почтмейстера о «прекрасных местах» в чужих письмах, вскрываемых им больше для собственного удовольствия, или доверительное замечание судьи о том, что «нехорошее дело заварилось» в самое неподходящее время: «А я, признаюсь, шел к вам, Антон Антонович, с тем чтобы попотчевать вас собачонкою. Родная сестра тому кобелю, которого вы знаете. Ведь вы слышали, что Чентович с Варховинским затеяли тяжбу, и теперь мне роскошь: травлю зайцев на землях и у того и у другого» (действие 1-е, явление 2-е). Как и положено по законам фатики, никакого сюжетного продолжения это мечтательное рассуждение судьи иметь не будет...

К регулярным праздноречным фатическим сопровождениям относятся и многие сцены, связанные с явлением и реакциями на происходящее жены и дочери Городничего, с жеманными ухаживаниями Хлестакова за Анной Андреевной и Марьей Антоновой, с мечтательными воспоминаниями Осипа о столичных развлечениях и о былой саратовской его жизни («Право, на деревне лучше: оно хоть нет публичности, да и заботности меньше; возьмишь себе бабу, до и лежи весь век на полотах да ешь пироги» (действие 2-е, явление 1-е), с упомянутыми уже гастрономическими мечтаниями Городничего о пригрезившейся ему петербургской жизни (действие 5-е, явление 1-е). Да и знаменитый пьяный монолог Хлестакова в 3-м действии вряд ли может быть отнесен к разряду информативной коммуникации.

Неизбежно заключение: информативные диалоги (или их составляющие) преимущественно принадлежат действующим лицам с отчетливо хитроумными намерениями; фатика рождается в состоянии некоторой отстраненности (полной или частичной) от чреды очередных скорых и срочных забот и расчетов и, с точки зрения комедийных хитроумников, вызывает прямую ассоциацию с неуместной болтовней.

С позиций авторской стратегии, авторского замысла (а значит, и полноценного зрительского/читательского восприятия), вольное чередование информативных и фатических состояний и переживаний героев является важным жизнестроительным принципом комедийного жанра. Отдельный, требующий дополнительной проверки исследовательский сюжет – уместное чередование информатики и фатики как один из вероятных принципов рождения комического эффекта в первичной речежанровой реальности.

Некоторые итоги

Речежанровая реальность, щедро прописанная в комедии Гоголя, способна вызывать бесконечно сложный спектр ответных читательских/зрительских рефлексий (волнений, ассоциаций, размышлений) самого разного толка. Гоголевская комедия (особенно, в добротных театральнo-постановочных версиях), заражая веселонравием, остротой и живостью комических ситуаций, финальной таинственностью, ненароком, в частности, может навести на мысль о том, что слишком большую роль в жизни мы часто отводим расчету, выгоде, корысти, интересу, разного рода сговорам и сделкам, рассудительным предположениям и отменно расчисленным планам, очень заметно полагаясь при этом на собственное хитроумие, на ловкость мысли, и чаще, чем можно было бы ожидать, с роковой случайностью, почти что с неизбежностью попадаем впросак. А роковой случай – всего лишь Хлестаков с его неотразимой «легкостью мысли».

Замечательно, что сама фамилия гоголевского героя не только стала нарицательной (хлестаковство), но и используется в русской литературно-речевой культуре для глагольного обозначения определенного рода курьезных по своему исполнению речевых жанров: *хлестаковствовать* – в значении всласть привирать, выдавать собственную мечту за реальность, красоваться себе в удовольствие, хвастать без меры, смешным образом важничать, представляться не тем, кем реально являешься и т. п.

Предлагаемые (далекие от полноты) наблюдения над сложным речежанровым составом в «Ревизоре» позволяют предположить, что генрогенные ситуации и органично порожаемые ими РЖ, с точки зрения их реальной надежности и желанной осуществимости, находятся под заметным влиянием доминирующих психологических характеристик, которыми наделены участники коммуникативных событий, под воздействием их «ментальных миров» (А. Мустайоки), их жизненного и житейского опыта.

Свидетельствующие о «парадоксальности речежанровой природы» [20: 7–26] универсальные оппозиции «простодушие – хитроумие», «доверчивость – изворотливость», «искренность – лукавство», «ребячество – серьезность» и др. свойственны фигурантам многих, диалогических по своей природе речежанровых сценариев в повседневной реальности. Личностная психологическая аттестация соучастников речежанрового осуществления – тема, которая, по всей вероятности, может оказать помощь в понимании общей и особенно конкретной оценки коммуникативной результативности РЖ.

Более или менее систематический интерес к «индивидуальности говорящего (или пишущего)» [1: 240], к «языковой личности» (хочется уже сказать «речевой личности»), к индивидуальному психолого-стилевому своеобразию участников речевого общения (Бахтин выделял «типы отношения говорящего к другим участникам речевого общения (к слушателям или читателям, партнерам, к чужой речи и т. п.)» [1: 242] со временем способен обернуться ценными, интегрального характера обретениями в персонологической

генристике. Жанроведение родственными узлами связано с психологией межличностного общения, с изучением жанров как важнейшего фактора диалогического общения людей [3: 52]. Исследовательский интерес к проблемам взаимоотношения разных характеров действующих лиц в драматических текстах подвигает нас к пониманию личностно-психологических пружин и источников многих генрогенных ситуаций в первичных речевых воплощениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 422 с. EDN: VQMUFP
2. Дементьев В. В. Интегральное описание речевых жанров. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2024. 304 с. <https://doi.org/10.18500/978-5-292-04868-8>, EDN: CXRMPPY
3. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с. EDN: REJYGG
4. Зорин А. Н. Поэтика ремарок в русской драматургии XVIII–XIX веков. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2008. 240 с.
5. Коленкина У. А. Проблема автора в драматургических текстах Н. В. Гоголя : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 24 с. EDN: QHNINH
6. Покусавев Е. И. Н. В. Гоголь об «истинно общественной» комедии // Покусавев Е. И. Статьи разных лет. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1989. 240 с.
7. Гоголь Н. В. Петербургские записки 1836 года // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. : в 14 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8. Статьи. С. 177–190.
8. Карасик В. И. Игровая символика в поэтическом тексте // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 8. Памяти К. Ф. Седова. Саратов ; Москва : Лабиринт, 2012. С. 264–281. EDN: YNVTUL
9. Кормилищан А. А. Комедия Н. В. Гоголя «Ревизор» в Англии XX века : проблемы интерпретации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2000. 19 с. EDN: ZNOCNH
10. Прозоров В. В. Немая сцена в свете теории речевых жанров // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 69–77. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-69-77>, EDN: VDNAXV
11. Прозоров В. В. Внутренняя немая сцена в автокоммуникации // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 161–170. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-161-170>, EDN: KNKZZZ
12. Мустайоки Арто. Жанры речи и риски коммуникативных неудач // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 8. Памяти К. Ф. Седова. Саратов ; Москва : Лабиринт, 2012. С. 123–140. EDN: VMCULK
13. Прозоров В. В. «Ревизор» Гоголя, комедия в пяти действиях. Саратов : Добродеев, 1996. 80 с.
14. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПБ, 2001. 704 с.
15. Захаров К. М. Мотивы игры в русской комедии-графии XIX века. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2014. 306 с. EDN: UFIPEH

16. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. М. : ЯСК, 2022. 832 с. (Studia Philologica). EDN: DGPBUC
17. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. М. : Лабиринт, 2001. 304 с.
18. Дементьев В. В. Флирт // Антология речевых жанров. М. : Лабиринт, 2007. С. 269–283.
19. Жельвис В. И. Инвектива в парадигме средств фатического общения // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 137–144. EDN: YNQGLR
20. Дементьев В. В. Парадоксы жанра : к проблеме «жанр и творчество» // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 8. Памяти К. Ф. Седова. Саратов ; Москва : Лабиринт, 2012. С. 7–26. EDN: YNVTON

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. The problem of speech genres. Bakhtin M. M. *Aesthetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo, 1979. 422 p. (in Russian). EDN: VQMUFP
2. Demytyev V. V. *Integral'noye opisaniye rechevykh zhanrov* [Integral description of speech genres]. Saratov, Saratov State University Publ., 2024. 304 p. (in Russian). <https://doi.org/10.18500/978-5-292-04868-8>, EDN: CXRMPPY
3. Demytyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, Znak, 2010. 600 p. (in Russian). EDN: REJYGG
4. Zorin A. N. *Poetika remarok v russkoy dramaturgii XVIII–XIX vekov* [The poetics of stage remarks in Russian drama of the 18th–19th centuries]. Saratov, Saratov State University Publ., 2008. 240 p. (in Russian).
5. Kopenkina U. A. *The Problem of the Author in N. V. Gogol's Dramatic Texts*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2011. 24 p. (in Russian). EDN: QHNINH
6. Pokusayev E. I. Gogol on the “Truly Social” Comedy. In: Pokusayev E. I. *Stat'i raznykh let* [Articles from Different Years]. Saratov, Privolzhskoe knizhnoe izd-vo, 1989. 240 p. (in Russian).
7. Gogol N. V. Petersburg Notes of 1836. *Gogol' N. V. Poln. sobr. soch.: v 14 t.* [Gogol N. V. Complete Works: in 14 vols]. Moscow, Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1952, vol. 8. Articles, pp. 177–190 (in Russian).
8. Karasik V. I. Playful symbolism in the poetic text. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Vyp. 8. Pamyati K. F. Sedova* [Speech Genres: Coll. of sci. arts. Iss. 8. In Memory of K. F. Sedov]. Saratov, Moscow, Labirint, 2012, pp. 264–281 (in Russian). EDN: YNVTUL

9. Kormilitsyn A. A. *Gogol's Comedy "The Government Inspector" in 20th-Century England: Problems of Interpretation*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2000. 19 p. (in Russian). EDN: ZNOCNH
10. Prozorov V. V. A silent scene in view of the speech genre theory. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 69–77 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-69-77>, EDN: VDNAXV
11. Prozorov V. V. An inner silen scene in autocommunication. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 161–170 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-161-170>, EDN: KNKZZZ
12. Mustajoki A. Speech genres and risks of communicative failures. *Zhanry rechi: sb. nauch. statey. Vyp. 8. Pamyati K. F. Sedova* [Speech Genres: Coll. of sci. arts. Iss. 8. In Memory of K. F. Sedov]. Saratov, Moscow, Labyrinth, 2012, 2012, pp. 123–140 (in Russian). EDN: VMCULK
13. Prozorov V. "Revizor" Gogolya, komediya v pyati deystviyakh [Gogol's "The Government Inspector", a comedy in five acts]. Saratov, Dobrodeya, 1996. 80 p. (in Russian).
14. Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskustvo – SPb, 2000. 704 p. (in Russian).
15. Zakharov K. M. *Motivy igrы v russkoy komedii XIX veka* [Play motifs in russian comedy of the 19th century]. Saratov, Saratov State University Publ., 2014. 306 p. (in Russian). EDN: UFIPEH
16. Balashova L. V., Dementyev V. V. *Russkiye rechevyye zhanry* [Russian speech genres]. (Studia Philologica). Moscow, LRC Publishing house, 2022. 832 p. (in Russian). EDN: DGPBUC
17. Gorelov I. N., Sedov K. F. *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow, Labyrinth, 1997. 224 p. (in Russian).
18. Dementyev V. V. Flirtation. In: *Antologiya rechevykh zhanrov* [Anthology of speech genres]. Moscow, Labirint 2007, pp. 269–283 (in Russian).
19. Zhelvis V. I. Invective in the Paradigm of Phatic Communication Means. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Vyp. 1* [Speech Genres: Coll. of sci. arts. Iss. 1]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, pp. 137–144 (in Russian). EDN: YNQGLR
20. Dementyev V. V. Paradoxes of the genre: The problem of "genre and creativity". *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Vyp. 8. Pamyati K. F. Sedova* [Speech Genres: Coll. of sci. arts. Iss. 8. In Memory of K. F. Sedov]. Saratov, Moscow, Labirint, 2012, pp. 7–26 (in Russian). EDN: YNVTOH

Поступила в редакцию 15.01.2025; одобрена после рецензирования 05.02.2025; принята к публикации 05.02.2025; опубликована 01.06.2026

The article was submitted 15.01.2025; approved after reviewing 05.02.2025; accepted for publication 05.02.2025; published 01.06.2026

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 2 (50). С. 197–205

Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 2 (50), pp. 197–205

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-197-205>, EDN: WWFYEM

Научная статья

УДК 811.112.2'38'42:821.112.2-1.09+929 Дросте-Хюльсхофф

Переход *locus amoenus* в хронотоп в лирике высокого бидермейера как признак жанра идиллии (Аннетте фон Дросте-Хюльсхофф)

Е. И. Зейферт

¹Российский государственный гуманитарный университет, Россия, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6

²Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, 38, с. 1

Зейферт Елена Ивановна, доктор филологических наук, ¹профессор кафедры теоретической и исторической поэтики, ²ведущий научный сотрудник лаборатории сравнительного литературоведения и культурной дипломатии, elena_seifert@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8117-7091>

Аннотация. Целью исследования является осмысление *locus amoenus* в поэзии высокого бидермейера на материале немецкой поэтессы А. Дросте-Хюльсхофф. Это сентиментальный уголок в парке или облагороженном участке леса либо домашний локус (родной дом, «поэтическая хижина», дом в пустоши). Исследуемый локус представляет собой прекрасное, полное покоя время-пространство и состоит из типичных для *locus amoenus* элементов, захватывая древние (любовные встречи) и сентиментальные, а также откликаясь на романтические (место творчества). Метод исследования – структурно-описательный. Водоемом у Дросте-Хюльсхофф в большинстве случаев служит пруд. В *locus amoenus* немецкой поэтессы изображается облагороженная, порой рукотворная природа (парк, ухоженный пруд). Автор использует ближний (тень дерева, цветы) и дальний (холмы, пастухи) планы. В случае расширения *locus amoenus* на весь художественный текст, перехода локуса в хронотоп стихотворение является либо чистой идиллией, либо примером лидерства идиллии в жанровой диффузии. Многа идиллические мотивы, распространяясь на весь текст, *locus amoenus* теряет свойства локуса. Его расширение обеспечивает оптимистический финал лирического сюжета, что усиливает жанровый статус стихотворения как идиллии. В таких стихотворениях идиллия побеждает как жанры-противники (эпигию, балладу и др.), нейтрализуя их константы и доминанты, так и родственные ей по положительному наполнению жанры – стихотворную молитву, оду, гимн, дружеское послание, романтический отрывок, питаясь их доминантами.

Ключевые слова: высокий бидермейер, жанр, локус, *locus amoenus*, хронотоп, идиллия, жанровая диффузия, молитва, дружеское послание, отрывок, ода, поэт-бидермейерист, Аннетте фон Дросте-Хюльсхофф

Для цитирования: Зейферт Е. И. Переход *locus amoenus* в хронотоп в лирике высокого бидермейера как признак жанра идиллии (Аннетте фон Дросте-Хюльсхофф) // Жанры речи. 2026. Т. 21, № 2 (50). С. 197–205. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-197-205>, EDN: WWFYEM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The transition of *locus amoenus* into chronotope in high biedermeier lyrics as a sign of the idyll genre (Annette von Droste-Hülshoff)

E. I. Seifert

¹Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Sq., Moscow 125993, Russia

²Moscow State Linguistic University, bld. 38, 1 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia

Elena I. Seifert, elena_seifert@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8117-7091>

Abstract. The aim of the study is to understand the locus amoenus in the poetry of the High Biedermeier era using the material of the German poetess A. Droste-Hülshoff. Locus amoenus is a sentimental corner in a park or a landscaped area of forest, or a home locus (home, “poetic hut”, house in the wilderness). The studied locus is a beautiful, peaceful time-space which consists of elements typical of the locus amoenus, capturing ancient (love encounters) and sentimental elements, as well as responding to romantic ones (place of creativity). The research method is structural and descriptive. In most cases, Droste-Hülshoff uses a pond as a body of water. The locus amoenus of the German poetess depicts landscaped, sometimes man-made nature (a park, a well-kept pond). The author uses near (a tree shadow, flowers) and distant (hills, shepherds) plans. In the case of expansion of locus amoenus to the entire artistic text, the transition of the locus to the chronotope, the poem is either a pure idyll or the leadership of the idyll in genre diffusion. Multiplying idyllic motifs, spreading to the entire text, locus amoenus loses the properties of the locus. Its expansion provides an optimistic ending to the lyrical plot, which strengthens the genre status of the poem as an idyll. In such poems, the idyll wins over both the opposing genres (elegy, ballad, etc.), neutralizing their constants and dominants, and the genres related to it in positive content – a poetic prayer, ode, hymn, friendly message, romantic passage, feeding on their dominants.

Keywords: high Biedermeier, genre, locus, locus amoenus, chronotope, idyll, genre diffusion, prayer, friendly message, excerpt, ode, Biedermeier poet, Annette von Droste-Hülshoff

For citation: Seifert E. I. The transition of locus amoenus into chronotope in high biedermeier lyrics as a sign of the idyll genre (Annette von Droste-Hülshoff). *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 2 (50), pp. 197–205 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-197-205>, EDN: WWFYEM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Внутри литературного произведения возможны локусы. Понятие локуса, активно разрабатываемое Ю. М. Лотманом [1], взявшим его из трудов С. Ю. Неклюдова [2], служит для обозначения социокультурно значимых пространств, предполагающих некий круг устойчивых ситуаций и мотивов (локусы леса, степи, храма, ресторана, улицы, подвала и т. п.). Отдельные локусы могут быть жанровыми приметами.

Жанроведение уже начало осмыслять роль локусов в формировании лирических жанров высокого бидермейера. Однако подобные исследования редки и в литературоведении пока носят дискретный характер. Так, Х. Й. Шнайдер, обстоятельно анализируя «Wald-Idylle» («Лесную идиллию») Эдуарда Мёрике и идиллически-сказочное приятное местечко в ней, обращает внимание на взаимопроникновение в стихотворении сказки и идиллии [3: 222]. Немецкий учёный замечает общее развитие творчества Мёрике от романтически-лирического к повествовательно-описательному. «Лесная идиллия» демонстрирует этот поворот. Стремление к идиллической жизни не реально, сказочно, неисполнимо вне сказочного мира. Начало стихотворения, изображающее поэта в уединённом лесном местечке весной перед раскрытой книгой сказок, включает тему буколического locus amoenus. Повествовательное вплетается не только в сказку, но и через неё в идиллию, происходит слияние внешнего и внутреннего миров. Мёрике обращается

к классической буколке, которая через природное плодородие всегда прославляет только искусство [3: 238].

В настоящей статье ставится цель изучить влияние locus amoenus на идиллию высокого бидермейера. Явление, обозначаемое термином «бидермейер (бидермайер)», изучается в литературоведении [4: 45–74, 373–380, 405–411], искусствоведении [5], музыковедении [6]. Бидермейер проявляется в отдельных видах искусства в период после окончания наполеоновских войн (Венский конгресс) до революционных событий во Франции, Италии, Германии и других странах Европы в 1848–1849 гг. Географический охват – Германия и Австрия, виды искусства – литература, живопись и музыка.

Locus amoenus (в пер. с лат. «приятное место») – подчёркивающий блаженство человека на лоне природы утопический локус, возникший в античности и развитый в средневековье. Данный локус значим не только для литературы, но и для изобразительного искусства, садово-паркового и ландшафтного дизайна, градостроительства. Как топос (общее место) locus amoenus подробно исследован Э. К. Курциусом в книге «Европейская литература и латинское Средневековье» [7]. По Курциусу, набор элементов топоса включает деревья, луг, ручей или родник, пение птиц, цветы, лёгкий ветерок и др. Н. Т. Пахарьян и Т. В. Саськова следующим образом описывают канон locus amoenus: «согласно идиллической топике, описывается, как правило, весенний, летний или раннеосенний ландшафт: ясный солнечный день, зеленею-

щие склоны холмов, цветущие поляны, рощи с тенистыми деревьями, где в полдень можно спрятаться от палящего зноя, чистый источник, журчащий ручеек и т. д.» [8: 73].

Вергилий в «Буколиках» создаёт идеальный мир Аркадии, признаком *locus amoenus* здесь являются и любовные встречи. Овидий в «Метаморфозах» осложняет этот локус описанием таящихся в нём опасностей. Средневековые соединило *locus amoenus* с образом рая, создав поражающую воображение пейзажную картину, природную и рукотворную (сад). Путь к земному эдемскому саду идёт от правой жизни. *Locus horridus* («лесной уголок»), сохраняющий фольклорные коннотации дикого, тревожного леса, развивается в сад¹.

Легко встраиваясь в жанр идиллии, *locus amoenus* как место блаженного отдыха с большой вероятностью бытовал уже в перформативе покоя (В. И. Тюпа). Речевые жанры, теория изучения которых восходит к М. М. Бахтину, по В. В. Дементьеву, относятся к духовной и материальной культуре человека, базовым жизненным ценностям и оценочным суждениям, внутреннему миру человека, структуре общества и др. [10]. Бахтин говорил о разнородности и многообразии речевых жанров, относя к ним и короткие реплики бытового диалога, и все формы выступлений, и литературные жанры. «Мы научаемся отливать нашу речь в жанровые формы» [11: 159], – правомерно заявляет Бахтин. Речевые жанры требуют особых формы, интонации, узуса и обладают специфическими коммуникативной ситуацией, экспрессией, объёмом, типической концепцией адресата. Их масштабное осмысление, в том числе развёрнутую типологию, предложил В. В. Дементьев [10].

Размышляя над генеалогией лирических жанров, В. И. Тюпа анализирует ключевые лирические жанры – оду, элегию, балладу, идиллию, инвективу – с точки зрения реализации в них перформативного начала [12]. Лирическая поэзия как «ритмическая магия» (Д. Дидро) уже традиционно связана в исследованиях с её магическими функциями. Магическое слово, по Тюпе, представляет собой чистый перформатив. «Лирический перформатив – это всегда личностное самоопределение (неведомое магической культуре), но не автокоммуникация» [12: 14]. Рассматривая в качестве конструктивных признаков лирики ценностную архитектуру пространственно-временной конфигурации, модус самоопределения в форме «я/мы» и этос суггестивности как хоровое единение реципиентов и заявляя о живущей внутри современной лирики

архаики, В. И. Тюпа выделяет в качестве базовых перформативов хулу и хвалу и добавляет к ним перформативы угрозы, тревоги, утешения, покоя, умиротворения, жалобы, желания. Указанный круг протолитературных перформативов – жанровые зародыши лирики. Путь к жанру идиллии идёт от перформатива покоя. Не «жанровую ли архитектуру вечно-го повторения, успокоительного круговорота» (В. И. Тюпа) подхватывают поэты-бидермейеристы?

Эмоция безмятежности, безусловно, меняла своё наполнение в историческом развитии. Учёные трактуют эмоции не как неизменные антропологические константы, но как исторически и культурно обусловленные феномены [13]. Вместе с эмоцией покоя эволюционирует и *locus amoenus*.

Locus amoenus неизбежно связан с жанрами и, в первую очередь, с идиллией [8, 14]. В поле идиллии, изображающей данный локус, могут входить сказка, баллада, послание, поэма [15] и другие жанры, внося свои нюансы. Фундаментальное исследование М. М. Бахтиным идиллического хронотопа в романе [16] дало импульсы для дальнейшего анализа. Идиллические хронотоп и локусы изучаются не только в лирике, но и в эпосе и драме [17–19]. Пасторальный жанр исследуется и в искусствоведении [20, 21]. Искусствовед Ю. Н. Белова демонстрирует, как выглядит *locus amoenus* на картине Жана-Антуана Ватто: «Топос идеального ландшафта “*locus amoenus*”, отдаленно апеллирующий к райским садам, в “Пейзаже с водопадом” представлен природным разнообразием растительности, зелёной свежестью деревьев и приятностью полей (“*amoenos campos*”), образ которых идеально воплощен в романе Саннадзаро “Аркадия”. Естественность сельского ландшафта только на первый взгляд представляется нетронутой: на дальнем плане отчётливо виден городок, на первом плане после водопада устроена искусственная запруда для ловли рыбы, справа – дорога с путником на ослике и собака» [21: 15, 16]. На дальнем плане художником изображена роща. Исследовательница отмечает «кажущуюся первозданную простоту, противопоставленную городу».

Автор настоящей статьи в своём монографическом исследовании жанра лирического отрывка [22] говорит о возникновении внутри этого жанра под влиянием *locus amoenus* принципиально нового локуса *locus artis*. Образ Природы (Уединения) в отрывке, художественный ландшафт, оптимальный для обитания в нем творческого человека и излюб-

¹Поэтику садов обстоятельно изучил Д. С. Лихачёв [9].

ленный вдохновением, по функциям близок locus amoenus сентиментальной элегии и «хижине» дружеского послания. Однако в отличие от сентиментальной элегии это прибежище для человека искусства, а не для частного человека, а в отличие от дружеского послания это природный ландшафт, а не домашний локус.

Locus amoenus является субпространством с явными границами. Этот локус был облюбован бидермейеристами, поскольку отвечал их художественным задачам – созданию идиллического покоя в загородном пространстве, изображению домашнего счастья. Однако мотивы, создающие его, могут проявляться в тексте по-разному. Скопление признаков locus amoenus, их обилие в одном художественном тексте и даже в лирическом цикле, распределение этих элементов по тексту или сгущение их в одном композиционном сегменте произведения зачастую свидетельствуют о разных жанровых статусах стихотворений. В настоящей статье нас большей частью интересует первый тип. Говорить о хронотопе в лирике приходится только в тех случаях, когда работает сцепка художественного пространства, времени, эмоционального состояния и мировидения. Как раз в идиллии высокого бидермейера наблюдается явная привязка к этим составляющим одновременно. К тому же сам locus amoenus – несомненно, это пространство-время (приятный пейзаж или интерьер плюс погожая погода).

Показательно изучить locus amoenus на примере лирики поэтессы – типичной бидермейеристки Анnette Дросте-Хюльсхофф (1797–1848). Переход locus amoenus в идиллический хронотоп наблюдается в таких её стихотворениях, как «Die Bank» («Скамья»), «Meine Sträuße» («Мои букеты»), «Das Haus in der Heide» («Дом в пустоши»), «Die Lerche» («Жаворонок»), лирических циклах «Der Weiher» («Пруд»), «Die Elemente» («Стихии»), «Am Weiher» («У пруда»), «Der Sântis» («Сентис») и др.

Обратимся к лирическому циклу А. Дросте-Хюльсхофф «Der Weiher» («Пруд»), состоящему из пяти стихотворений, первое из которых, «Der Weiher», служит вступлением, а четыре последующих, соответственно озаглавленные «Der Weiher» («Пруд»), «Das Schilf» («Тростник»), «Die Linde» («Липа»), «Die Wasserfäden» («Водяные нити») и «Kinder am Ufer» («Дети у берега»), изображают указанные в названиях явления. Каждое из этих произведений (и весь лирический цикл в целом) – пример превращения locus amoenus в хронотоп блаженства на безмятежном пруде, охватывающий весь художественный текст особым сгущением пространственно-временных коор-

динат. Мотивы locus amoenus здесь многочисленны: это «пруд», зеркальная гладь пруда, «стрекозы», «сияние солнца», «ирисы», «колыбельные камыша», «берег», «покой», «тишина», «камушек на берегу», «облако», «крона старого дерева», «птица», «рыбка», нитевидные водоросли («водяные нити»), «гнездо», «широкая ветка», «полог из листьев», «скамейка», «солнце», «ветки», «звёзды», отражение цветов и облаков в пруду, «орешник» и др. Слышен восхищённый ликующий шёпот явлений природы (камышей, водорослей и др.), обращённый к покою и тишине:

Als flüstere's: Friede! Friede! Friede! [23: 51]

Словно шепчут: Покой! Покой! Покой!

(«Weiher»)

Stille, er schläft! stille, stille!

Libelle, reg' die Schwingen sacht,

Daß nicht das Goldgewebe schrille [23: 51]

Тихо, он спит! Тихо, тихо!

Стрекоза, нежно взмахни крылышками,
Чтобы золотая паутина не кричала

Дети на берегу воспринимают пруд как святилище. Они перешёптываются между собой:

O sieh doch! siehst du nicht die Blumenwolke
Da drüben in dem tiefsten Weiherkolke?

O, das ist schön! hätt' ich nur einen Stecken,
Schmalzweiße Kelch' mit dunkelroten Flecken,
Und jede Glocke ist frisiert so fein

Wie unser wächsern Engelchen im Schrein.
[23: 51]

О смотри же! Ты не видишь цветочное облако
Там в самой глубине пруда?

О, как оно прекрасно! если бы у меня была
такая

Бледно-белая чашечка с тёмно-красными
пятнами,

И каждый колокольчик так красиво оформлен.

Как и у нас, в святилище растут маленькие
ангелочки.

Во всех пяти стихотворениях, как и в цикле в целом locus amoenus теряет границы локуса и становится идиллическим хронотопом. Этому способствует и спаянность цикла, возникающая на разных уровнях его поэтики. Стихотворения внутри цикла графически похожи: они написаны без пропусков строк и соответственно состоят из 12, 17, 22, 18 и 14 стихов. Помимо вступительного стихотворения, каждое из остальных четырёх произведений представляет собой завышенное пространное обращение – во втором и третьем от имени лирической героини, в двух последних произведениях от имени

водяных нитей и детей. Все пять стихотворений перекликаются общими темой и мотивами и отличаются оптимистическими финалами лирического сюжета. Этот цикл имеет единый лирический сюжет: развитие мотивов идёт от идиллическости к высокой религиозности, наблюдается усиление безмятежности от описания приятного пейзажа до благоговения перед созданной Богом природы. Заявленная в названии лирического цикла пространственная координата «Der Weiher» («Пруд»), скрещиваясь с погожей погодой, перерождается в хронотоп блаженства.

Переход locus amoenus в идиллический хронотоп наблюдается в стихотворении А. Дросте-Хюльсхофф «Wasser» («Вода») из цикла «Die Elemente» («Стихии»). Уже в подзаголовке этого стихотворения указано типичное для locus amoenus и жанра идиллии художественное время – полдень («Der Mittag, der Fischer» («Полдень, рыбак»)). В четырёх произведениях цикла в подзаголовках соответственно обозначены утро, полдень, вечер и ночь. В художественном мире стихотворения «Вода» всё вокруг пребывает в тишине («Alles still ringsum») – и птицы, и ветки. Солнце сравнивается с большим кораблём, который мчит по лазури. Однако остальная природа не просто находится в покое, она спит, свисают её «зелёные кудри». Каждая гусеница ищет листок, чтобы укрыться, у каждого жука своя ямка, чтобы спрятаться. Море лежит свободно и смотрит в небосвод. В своей лодке, отдыхая, дремлет рыбак. Он обращается к воде, называя её «драгоценной кровью земли», и, вспоминая ручей и гладь пруда у своей хижины, просит ласково укутать его. Охотник, рыбак, садовник, кузнец, заявленные в подзаголовках стихотворений цикла «Die Elemente», получают в финале каждого из произведений право на завышенное обращение, в котором делятся своими гармоничными ощущениями. Весь цикл, несмотря на элегические координаты «вечер» и «ночь», весьма идиллический. Идиллика появляется в утреннем пейзаже, усиливается в полуденном, сохраняется в вечернем, перетекая в уверенную, упругую силу ночи.

Архитектоническая отделка произведений – в целом визитная карточка Анnette фон Дросте-Хюльсхофф. Певучий хорей утра переходит в ямб полудня, затем снова обрачивается хореем вечера и превращается в ямб с анакрузами в ночном пейзаже. Каждое стихотворение здесь разбито на неравномерные композиционные сегменты. Немецкая поэтесса бережно растит лирический цикл, создавая общность стихотворений внутри него на мотивном, графическом, сюжетно-компо-

зиционном, субъектном, стиховом и других уровнях.

Интересен в аспекте исследуемой темы авторский диптих «Am Weiher» («У пруда»), два стихотворения которого озаглавлены «Ein milder Wintertag» («Мягкий зимний день») и «Ein harter Wintertag» («Холодный зимний день»). В первом произведении locus amoenus, «сухой безветренный уголок», сотканный из мотивов «тишины», «тихого пруда», «еловых стен», ограждающих пруд, «солнечных лучей», «берега», «ряби», «бухты», «зелени», «сверчка», «камышей», перерастает в свойственный жанру отрывка locus artis («место творчества»), приобретая специфические мотивы творчества. Лирическая героиня приходит к пруду «рисовать» («zu Malen»), но скорее не кистью, а словом, потому что уже дальше возникает глагол «dichten» («писать стихи»).

Da weiß ich, schön zum Malen,

<...>

Will ich den Mantel dichte [23: 108]

Лирическая героиня полна вдохновения:

Sind stumm die Nachtigallen,
So sing' ich selbst ein Lied. [23: 109]

Молчат соловьи,
Поэтому я пою песню сама.

Свой голос она добавляет к звукам природы – сверчка, камышей, веток, травы, «шёпота еловых стен». Обладая «природой как праздником», лирическая героиня – поэтесса черпает из неё вдохновение, рассматривая приятное местечко как свою мастерскую.

Большинство стихотворений А. Дросте-Хюльсхофф с расширением locus amoenus в хронотоп содержат религиозные мотивы, как правило, сгущающиеся к финалу произведения. Таково, например, произведение «Das Haus in der Heide» («Дом в пустоши»). Соломенная хижина на равнине, «окружённая вечерним светом», выступает здесь идиллическим местом. Сбоку от этого дома расположен небольшой сад. Заходящее солнце служит колоколом для дома, внутри которого «тихий ребёнок стоит на коленях», казалось бы, пропалывает землю, а потом выбирает лилию и идёт вдоль грядки. Лилия в христианстве – символ чистоты, простоты, красоты и непорочности. Этот цветок, согласно Новому Завету, упоминает Иисус Христос в Своей Нагорной проповеди: «И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядают; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них» (Матф. VI,

28). Архангел Гавриил появился с веточкой лилии перед Марией и принёс ей известие о том, что она станет матерью Сына Божьего. В своём стихотворении Дросте-Хюльсхофф показывает ближний (дом) и дальний (фон) планы *locus amoenus*. На горизонте в перспективе видны пастухи. С гумна звучат удары молотка, отлетает щепка, слышен звук пилы. Из сосновых веток восходит вечерняя звезда и наклоняется к крыше дома. Поэтесса заявляет, что эту картину, «тихую и горячую», оценят художники-монахи и положат её на золотой грунт. Пейзажные элементы постепенно здесь сменяются религиозными: «плотник» – «пастухи» – «юная дева с веточкой лилии» – «божественный покой вокруг»:

Der Zimmermann – die Hirten gleich
Mit ihrem frommen Liede –
Die Jungfrau mit dem Lilienzweig –
Und rings der Gottesfriede. – [23: 77]

Однако концовка стихотворения, в которой Дросте-Хюльсхофф решает объяснить свою идею читателю, уже заметившему явную параллель, возможно, излишня, поскольку лишает читателя эстетического удовольствия стать соавтором смыслов:

Des Sternes wunderlich Geleucht
Aus zarten Wolkenfloren –
Ist etwa hier im Stall vielleicht
Christkindlein heut geboren? [23: 77]

Удивительно сияние звезды
Из нежных облачных цветов –
Быть может, здесь в конюшне
Младенец Христос, родившийся сегодня?

Написанное разностопным ямбом 4–3, стихотворение обладает певучестью и музыкальностью, подчёркивающими ликование лирической героини.

Как видно по рассмотренному случаю, распространение *locus amoenus* на весь текст стихотворения происходит и за счёт сближения идиллии со стихотворной молитвой. Не затрагивая её константу (обращение к Богу или божественным явлениям), идиллия захватывает доминанты молитвы и, в первую очередь, комплекс религиозных мотивов. В случаях взаимодействия с отрывком и дружеским посланием идиллия также, не касаясь их констант (стилизованной фрагментарности и обращения «поэт – другу»), апеллирует к доминантам, обогащаясь.

В стихотворении «Meine Sträuße» («Мои букеты») идиллическая интенция сплетается с одической. Лирическая героиня воспекает свои букеты – гербарии на оконной решётке. В прекрасные часы, проведённые на свежем воздухе, они были собраны как счастли-

вые впечатления. Таких «милых часов» было много:

So oft mir ward eine liebe Stund'
Unterm blauen Himmel im Freien [23: 91]

Как часто у меня были милые часы
Под голубым небом на свежем воздухе

«Незабудка с розовой ленточкой», «камельия», «альпийская роза», «дикий вереск» на оконной решётке в осенний день возвращают лирическую героиню к безмятежному мироощущению, воспоминаниях о любовных встречах как элементе *locus amoenus*. Стихотворение не содержит элегических элементов, кроме ненастной погоды за окном. В такой день героиня находится в своём идиллическом «тихом доме». В «Моих букетах» одическая интонация (совпадение стиха и фразы) преобладает над говорной. К признакам оды здесь относится и обращение к неживым явлениям (цветам, букетам), и восхваление их, наименование их восторженными эпитетами, духовное присвоение:

O süße Sonne, o Einsamkeit,
Die uns redet mit heimischen Zungen! [23: 132]

О, сладкое солнце, о, одиночество,
Которые говорят с нами на родных языках!

«Вырастающие на почве магической хвалы гимн (более архаичная непосредственно хоровая форма славословия) и ода вовлекают реципиента в экстатическое переживание позитивной ценности воспеваемого объекта» [12: 16], – отмечает В. И. Тюпа. С одой идиллию высокого бидермейера как раз и роднит эйфорическое восхищение элементами дарующего покой локуса и самим покоем.

Написанное величественными октавами непростым, близким к логоэдическому стихом, произведение «Мои букеты» завершается оптимистическим финалом, свойственным как идиллии, так и оде. Но лидирует здесь, несомненно, идиллия. Гербарии вызывают в памяти лирической героини живые цветы, которые являлись частью *locus amoenus* вместе с такими мотивами, как «озеро», «ракушки», «виноград», «мягкие дни», «золотые жуки», «свой пруд», «ароматный мох» и др. Теперь цветы растут в душе лирической героини. Как вены, ласково обвивают её изнутри «водные нити и мхи».

В произведениях немецкой поэтессы *locus amoenus* не всегда овладевает всем стихотворением. Нередко он всё же остаётся локусом. Аннете Дросте-Хюльсхофф использует различную оптику в изображении идиллического места. Так, в стихотворении «Die Vogelhütte» («Птичья хижина») элементы *locus amoenus*, на первый взгляд, видны лирической героине из крохотного домика, но это не совсем так.

Стихотворение метафизично. Лирическая героиня живёт в маленькой хижине. Беспреданно идёт дождь, беспощадный дождь, умеющий «жарить и кипятить». Материя дождя в стихотворении сравнивается с материей языка («Denk' ich an die schwere Zunge» («Я думаю о тяжёлом языке»), «dieser Wasserströmen Läng' und Breite, die verkörperten Hyperbeln» («эти потоки воды вдоль и поперёк, воплощённые метафоры»). Поэта всегда ждёт борьба с родным языком, из которого нужно словно бы сделать иностранный. Язык оказывает человеку сопротивление, эта борьба непростая. О такой борьбе и пишет А. Дросте-Хюльсхофф.

Её лирическая героиня осматривает свою поэтическую хижину, условное место обитания творческого человека, состоящее из нехитрых элементов:

Ich schau mich um in meiner kleinen Zelle:
Für einen Klausner wär's ein hübscher Ort;
Die Bank, der Tisch, das hölzerne Gestelle,
Und an der Wand die Tasche dort; [23: 45]

Я оглядываю свою маленькую клеточку:
Это было бы прекрасное место

для отшельника;

Скамья, стол, деревянный книжный шкаф,
И сумка там на стене.

Такой условный локус (поэтическая хижина или чердак) свойственен жанру дружеского послания, лирический субъект которого обитает в «домашней семантике» (Ю. Тынянов), ему не интересен мир вокруг. Лирическая же героиня Анnette Дросте-Хюльсхофф, напротив, якобы выглядывает из своего скворечника во внешний мир, в котором видит элементы locus amoenus – цветущий перед дверью «тимьян», «вереск», «лес», «родниковую воду», «бессмертник», «можжевельник», «облака или дальний лес», «тропы», «обитающего на стебле сверчка», разноцветных «бабочек» и др. Изображаются то ближний, то дальний планы. Однако это, как выяснится, не совсем так. Стихотворение пуантировано: раздаётся бой часов в замке и пробуждает лирическую героиню от создания ею идиллического пейзажа. Выясняется, что locus amoenus был ландшафтом творческих грёз. Следовательно, лирическая героиня – поэтесса не покидала своей поэтической хижины. Стихотворение сочетает в себе элементы жанров идиллии и дружеского послания – константу и доминанты первой и доминанты второго. Сближению жанров служит и полиметрия: это большое стихотворение написано композиционными сегментами 8-стопного хорей, 5-стопного ямба, 4-стопного хорей и 5-стопного ямба.

Внутри элегической ситуации (разлуки влюблённых) скрыт locus amoenus в стихо-

творении «Locke und Lied» («Локон и песня»). Интересен цикл из четырёх стихотворений «Der Sântis» («Сентис»), изображающий указанную в названии гору весной, летом, осенью и зимой. Изображение горы Сентис грозит перейти в элегическое, но не переходит, перехваченное идиллическим и одическим миронастроением лирической героини. В финалах четырёх стихотворений она обращается к горе как к «серьёзному могучему старику», сожалеет, что он замёрз, просит выпустить росистый ветер. Однако нигде не происходит спада модуса художественности до элегического.

Вокруг locus amoenus сконцентрированы идиллия, молитва и баллада в произведении «Der Schloßelf» («Эльф замка»). Особыми случаями жанровой диффузии с расширением locus amoenus становятся сотрудничество идиллии и сказки. Исследователи, как было отмечено выше, обратили внимание на подобные гибриды в творчестве Э. Мёрике [3]. Для Дросте-Хюльсхофф они не характерны.

Резюмируем результаты наблюдений над лирикой А. Дросте-Хюльсхофф. Зачастую locus amoenus у немецкой поэтессы – это сентиментальный уголок в парке или облагороженном участке леса. Для Дросте-Хюльсхофф важен и домашний локус (родной дом, «поэтическая хижина», дом в пустоши). Исследуемый локус представляет собой прекрасное, полное покоя время-пространство и состоит из типичных для locus amoenus элементов, захватывая древние (любовные встречи) и сентиментальные, а также откликаясь на романтические (место творчества). Водоемом в большинстве случаев служит пруд, отсюда и составляющие этой картины – берег, камыши, нитевидные водоросли, галька, отражение в воде, рябь на воде, лодка, рыбак и др. В locus amoenus А. Дросте-Хюльсхофф изображается облагороженная, порой рукотворная природа (парк, ухоженный пруд). Поэтесса использует ближний (тень дерева, цветы) и дальний (холмы, пастухи) планы. Спецификой субъектной структуры стихотворений с locus amoenus становится представление автором права голоса лирическому персонажу, его завышенные обращения, эйфорические восклицания, то есть речевой переход от лирической героини к лирическому персонажу (рыбаку, садовнику, детям и пр.). Практикуется и прямая речь природных явлений (камышей, водорослей, цветов и др.).

В случае расширения locus amoenus на весь художественный текст, перехода локуса в хронотоп мы имеем дело с жанром идиллии или идиллическим модусом художественности. Перед нами либо чистая идиллия, либо лидерство идиллии в жанро-

вой диффузии. Множа идиллические мотивы, распространяясь на весь текст, *locus amoenus* теряет свойства локуса. Его расширение обеспечивает оптимистическую концовку лирического сюжета, что усиливает жанровый статус стихотворения как идиллии. В таких стихотворениях идиллия побеждает как жанры-противники (элегия, балладу и др.), нейтрализуя их константы и доминанты, так и родственные ей по положительному наполнению жанры – стихотворную молитву, оду, гимн, дружеское послание, романтический отрывок, питаясь их доминантами. *Locus amoenus* в идиллическом жанре А. Дросте-Хюльсхофф является местом вдохновения и покоя лирической героини. Распространяясь на хронотоп стихотворения, *locus amoenus* своими границами охватывает всё произведение, делая непроницаемым изображаемый в нём покой. Судя по мотивному полю и модусу художественности высокий бидермейер, по всей очевидности, перенимает *locus amoenus* от сентиментализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М. : Просвещение, 1988. 352 с.
2. Неклюдов С. Ю. К вопросу о связи пространственно-временных отношений с сюжетной структурой в русской былинке // Тезисы докладов II Летней школы по вторичным моделирующим системам (16–26 авг. 1966 г.). Тарту : Тарт. гос. ун-т, 1966. С. 42–44.
3. Schneider H. J. Vom Zünden der Tradition. Märchen, Idylle und lyrisches Subjekt in Mörikes 'Wald-Idylle' // Eduard Mörike: Ästhetik und Geselligkeit / hrsg. von W. Braungart, R. Simon. Tübingen : Niemeyer, 2004. S. 221–238.
4. История зарубежной литературы XIX века : учебник / отв. ред. Е. М. Апенко. М. : Проспект, 2001. 413 с.
5. Geismeier W. Biedermeier. Leipzig : E. A. Seeman Verlag, 1979. 366 S.
6. Романова Л. В. Венский бидермейер и альбом из Гавриловки // Дискуссия. Журнал научных публикаций. 2011. № 7 (15). С. 49–54. EDN: OWDIHF
7. Курциус Э. К. Европейская литература и латинское Средневековье : в 2 т. / пер., коммент. Д. С. Колчигина ; под ред. Ф. Б. Успенского. Т. 1. М. : Издательский дом ЯСК, 2021. 560 с.
8. Пахарьян Н. Т., Саськова Т. В. Историческая поэтика пасторали // Вопросы филологии. 2001. Т. 8, № 2. С. 69–82.
9. Лихачев Д. С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей: Сад как текст. М. : Согласие, 1998. 470 с.
10. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с. EDN: REJYGI
11. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. М. : Русские словари, 1996. Т. 5 : Работы 1940–1960-х гг. С. 159–206. EDN: XNAISR

12. Тюпа В. И. Генеалогия лирических жанров // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2012. № 4. С. 8–31. EDN: PUTVVD
13. Махов А. Е. Исторические исследования эмоций в современном западном литературоведении // Современная наука о литературе: основные тенденции и проблемы : сборник научных трудов. М. : ИНИОН РАН, 2018. С. 74–103. EDN: YPOTVJ
14. Балашова Е. А. Функционирование русской стихотворной идиллии в XX–XXI вв.: вопросы типологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2015. 46 с. EDN: ZPWOXF
15. Зыкова Е. П. Поэма о сельской усадьбе в русской идиллической традиции // Миф. Пастораль. Утопия / отв. ред. Ю. Г. Круглова. М. : Изд-во Московского государственного открытого педагогического университета, 1998. С. 58–71. EDN: QXZXOX
16. Бахтин М. М. Идиллический хронотоп в романе // Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб. : Азбука, 2000. С. 157–176.
17. Анисимова А. Н. Жанр идиллии и пасторальные мотивы в творчестве Х. Ф. Д. Шубарта : монография. Челябинск : Энциклопедия, 2011. 204 с. EDN: QXDYLR
18. Анисимова А. Н., Ефремова Ю. И. Специфика идиллического хронотопа в драме Г. Л. Вагнера «Детобийца» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, вып. 5. С. 1351–1357. <https://doi.org/10.30853/phil20230221>, EDN: ARZARR
19. Анисимова А. Н., Ефремова Ю. И. Повесть И. С. Тургенева «Ася»: на границах идиллии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, вып. 4. С. 1065–1070. <https://doi.org/10.30853/phil20240155>, EDN: JPLUTI
20. Белова Ю. Н. Пасторальный жанр в творчестве Антуана Ватто // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. Сер. 15. Т. 3, вып. 3. С. 48–57. EDN: QIUDZR
21. Белова Ю. Н. От пасторали Ватто к «Идиллии» Гейнсборо // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 15. Т. 5, вып. 4. С. 13–27. EDN: VJIOCZ
22. Зейферт Е. И. Неизвестные жанры «золотого века» русской поэзии. Романтический отрывок : учебное пособие. М. : Флинта ; Наука, 2014. 380 с. EDN: SSNUZF
23. Droste-Hülshoff A. Gedichte. Stuttgart, 1844. 140 S.

REFERENCES

1. Lotman Yu. M. V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol' [In the school of poetic words: Pushkin. Lermontov. Gogol']. Moscow, Prosveshchenie, 1988. 352 p. (in Russian).
2. Neklyudov S. Yu. On the issue of the connection between spatio-temporal relations and the plot structure in the Russian epic. *Tezisy dokladov II Letnej shkoly po vtorichnym modeliruyushchim sistemam* (16–26 avg. 1966 g.) [Abstracts of the II Summer School on Secondary Modeling Systems (August 16–26, 1966)]. Tartu, Tartu State University Publ., 1966, pp. 42–44 (in Russian).
3. Schneider H. J. Vom Zünden der Tradition. Märchen, Idylle und lyrisches Subjekt in Mörikes 'Wald-Idylle' In: Braungart W. von, Simon R., hrsg. *Eduard Mörike: Ästhetik und Geselligkeit*. Tübingen, Niemeyer, 2004, S. 221–238 (in German).

4. *Istoriya zarubezhnoj literatury XIX veka: uchebnik. Otv. red. E. M. Apenko* [Apenko E. M., ed. History of Foreign Literature of the 19th Century: Textbook]. Moscow, Prospekt, 2001. 413 p. (in Russian).
5. Geismeyer W. *Biedermeier*. Leipzig, E. A. Seeman Verlag, 1979. 366 S. (in German).
6. Romanova L. V. Viennese Biedermeier and an album from Gavrilovka. *Discussion. Journal of scientific publications*, 2011, no. 7 (15), pp. 49–54 (in Russian). EDN: OWDIHF
7. Kurtsius E. K. *Evropejskaya literatura i latinskoe Srednevekov'e: v 2 t. Per., komment. D. S. Kolchigina. Pod red. F. B. Uspenskogo. T. 1* [Kolchigin D. S., tr. and comment., Uspenskogo F. B., ed. European Literature and the Latin Middle Ages: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, LRC Public House, 2021. 560 p. (in Russian).
8. Pakhsar'yan N. T., Sas'kova T. V. Historical poetics of pastoral. *Questions of Philology*. 2001, vol. 8, no. 2, pp. 69–82 (in Russian).
9. Likhachev D. S. *Poeziya sadov: K semantike sadovoparkovykh stilej: Sad kak tekst* [Poetry of Gardens: Towards the Semantics of Garden and Park Styles: Garden as Text]. Moscow, Soglasie, 1998. 470 p. (in Russian).
10. Dement'ev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak, 2010. 600 p. (in Russian). EDN: REJYGG
11. Bakhtin M. M. The problem of speech genres. *Bakhtin M. M. Sobr. soch. T. 5. Raboty 1940–1960-kh gg.* [Bakhtin M. M. Collected works. Vol. 5. Works 1940–1960]. Moscow, Russkie slovari, 1996, pp. 159–206 (in Russian). EDN: XNAISR
12. Tyupa V. I. Genealogy of lyrical genres. *News of the Southern Federal University. Philological Sciences*, 2012, no. 4 (30), pp. 8–31 (in Russian). EDN: PUTVVD
13. Makhov A. E. Historical studies of emotions in modern Western literary criticism. In: *Sovremennaya nauka o literature: osnovnye tendentsii i problemy: sbornik nauchnykh trudov* [Modern Literary Science: Main Trends and Problems: Collection of Scientific Papers]. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Science of the RAS Publ., 2018, pp. 74–103 (in Russian). EDN: YPOTVJ
14. Balashova E. A. *Functioning of Russian Poetic Idyll in the 20th–21st Centuries: Issues of Typology*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Smolensk, 2015. 46 p. (in Russian). EDN: ZPWOFX
15. Zykova E. P. A poem about a rural estate in the Russian idyllic tradition. In: *Mif. Pastoral' Utopiya. Otv. red. Yu. G. Kruglova* [Kruglova Yu. G., ed. Myth. Pastoral. Utopia]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 1998, pp. 58–71 (in Russian). EDN: XQXZOX
16. Bakhtin M. M. Idyllic chronotope in the novel. In: *Bakhtin M. M. Epos i roman* [Bakhtin M. M. Epic and Novel]. Saint Petersburg, Azbuka, 2000, pp. 157–176 (in Russian).
17. Anisimova A. N. *Zhanr idillii i pastoral'nye motivy v tvorchestve H. F. D. Schubarta: monografiya* [The genre of idyll and pastoral motifs in the works of H. F. D. Schubart: Monograph]. Chelyabinsk, Entsiklopediya, 2011. 204 p. (in Russian). EDN: QXDYLR
18. Anisimova A. N., Efremova Yu. I. The specificity of the idyllic chronotope in G. L. Wagner's drama "The Child Killer". *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, 2023, vol. 16, iss. 5, pp. 1351–1357 (in Russian). <https://doi.org/10.30853/phil20230221>, EDN: ARZARR
19. Anisimova A. N., Efremova Yu. I. The story of I. S. Turgenev "Asya": On the borders of the idyll. *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, 2024, no. 17, iss. 4, pp. 1065–1070 (in Russian). <https://doi.org/10.30853/phil20240155>, EDN: JPLUTI
20. Belova Yu. N. Pastoral genre in the works of Antoine Watteau. *Vestnik of Saint Petersburg University*, 2013, ser. 15, vol. 3, iss. 3, pp. 48–57 (in Russian). EDN: QIUDZR
21. Belova Yu. N. From Watteau's Pastoral to Gainsborough's Idyll. *Vestnik of Saint Petersburg University*, 2015, ser. 15, vol. 5, iss. 4, pp. 13–27 (in Russian). EDN: VJIOCZ
22. Zeffert E. I. *Neizvestnye zhanry "zlotogo veka" russkoj poezii. Romanticheskij otryvok* [Unknown Genres of the "Golden Age" of Russian Poetry. Romantic Excerpt]. Moscow, Flinta, Nauka, 2014. 380 p. (in Russian). EDN: SSNUZF
23. Droste-Hülshoff A. *Gedichte*. Stuttgart, 1844. 140 S. (in German).

Поступила в редакцию 19.03.2025; одобрена после рецензирования 12.05.2025;
принята к публикации 12.05.2025; опубликована 01.06.2026

The article was submitted 19.03.2025; approved after reviewing 12.05.2025;
accepted for publication 12.05.2025; published 01.06.2026

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 2 (50). С. 206–217

Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 2 (50), pp. 206–217

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-206-217>, EDN: XGNVIS

Научная статья

УДК [811.161.1'38'42:004.738.5]:342.6(470+571)

Жанры цифрового дискурса исполнительной власти

Е. А. Баженова[✉], М. А. Ширинкина

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 614068,
г. Пермь, ул. Букирева, д. 15

Баженова Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и стилистики, bazhenova_e2000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4580-4128>

Ширинкина Мария Андреевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и стилистики, m555a@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6951-0653>

Аннотация. В статье представлена систематизация жанров цифрового дискурса исполнительной власти РФ. С учетом типа коммуникативной интенции выделены следующие группы жанров: 1) информационные (бюллетень, дайджест, лонгрид, новостная заметка, объявление, отчет, реестр и др.); 2) инструктивные (инструкция, рекомендация); 3) эпидейктические (поздравление, благодарность, персоналия); 4) интерактивные (викторина, опрос, тест и др.); 5) мотивационные (объявление, цитатник); 6) фатические (геймифицированный контент). На материале постов трех федеральных министерств в социальной сети «ВКонтакте» описано явление жанровой гибридизации, в результате которой создается новый в структурно-содержательном, стилистическом или форматном отношении коммуникационный продукт. Утверждается, что гибридизация жанров усиливается под влиянием технологических возможностей веб-платформ. Высказано мнение, что с развитием социальных сетей и мессенджеров органы государственного управления все больше используют «неформальные форматы» сообщений, жанр которых не вписывается в регламенты официального общения. На конкретном материале показано, что неформатный деловой текст характеризуется непринужденной тональностью, эмоциональностью и другими чертами, свидетельствующими о стремлении публикатора сократить дистанцию с аудиторией. Сделан вывод, что использование в контенте государственных институтов иноязычных для официально-деловой речи гибридных жанров способствует более эффективному диалогу власти и общества.

Ключевые слова: цифровой дискурс исполнительной власти, медиакommunikation, жанр, жанровая гибридизация, гибридные жанры, дискурсивно-стилистический анализ, жанрово-стилистический подход

Для цитирования: Баженова Е. А., Ширинкина М. А. Жанры цифрового дискурса исполнительной власти // *Жанры речи*. 2026. Т. 21, № 2 (50). С. 206–217. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-206-217>, EDN: XGNVIS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Genres of digital discourse of the executive power

Е. А. Bazhenova[✉], М. А. Shirinkina

Perm State University, 15 Bukireva St., Perm 614068, Russia

Elena A. Bazhenova, bazhenova_e2000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4580-4128>

Mariya A. Shirinkina, m555a@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6951-0653>

Abstract. The article presents the systematization of genres of digital discourse of the executive power of the Russian Federation. Taking into account the type of communicative intention, the official content is systematized and the following groups of genres are identified: 1) informative (bulletin, digest, long read, news article, report, register, etc.); 2) instructional (instruction, recommendation); 3) epideictic (congratulation, gratitude,

personification); 4) interactive (quiz, survey, test, etc.); 5) motivational (announcement, citation book); 6) phatic (gamified content). Based on posts of three federal ministries in the social network “VKontakte”, the paper describes the phenomenon of genre hybridization, which results in the creation of a new communication product in terms of structure, content, style or format. It is argued that hybridization of genres is enhanced under the influence of technological capabilities of web platforms. It is suggested that with the development of social networks and messengers, public administration bodies increasingly use “informal formats” of texts, the genre of which does not fit into the regulations of official communication. The analysis of the empirical material has shown that the informal business text is characterized by a relaxed tone, emotionality and other features indicating the publisher’s desire to reduce the distance with the audience. It is concluded that the use of hybrid genres in the content of state institutions, which are foreign to official business speech, contributes to a more effective dialog between the authorities and society.

Keywords: official business style of speech, digital discourse of executive power, media communications, genre, genre hybridization, discourse and stylistic analysis, genre and stylistic approach

For citation: Bazhenova E. A., Shirinkina M. A. Genres of digital discourse of the executive power. *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 2 (50), pp. 206–217 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-206-217>, EDN: XGNVIS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий коренным образом изменило механизмы коммуникации между властью и обществом. Переход от традиционных деловых текстов к многочисленным медийным форматам открыл новые горизонты взаимодействия государственных структур и граждан, создавая уникальные условия, с одной стороны, для обмена информацией, с другой – для формирования новых жанровых моделей официального общения. Данное исследование является частью цикла опубликованных в журнале «Жанры речи» статей [1, 2], посвященных проблеме жанровой систематизации дискурса исполнительной власти. В данной статье получает дальнейшее развитие идея преобразования жанрового репертуара текстов, размещаемых в медиасреде от имени органов государственного управления. Новым является обоснование понятия жанровой гибридации, которая стала важным инструментом в арсенале коммуникационных стратегий власти. В условиях, когда информация обрабатывается и воспринимается через призму многообразия цифровых платформ, способность публикатора к творческому переосмыслению жанровых традиций приобретает особую значимость. В данной статье жанровая гибридация расценивается как ответ на вызовы современности. Исследование гибридации жанров позволяет описать новое концептуальное пространство публичных коммуникаций. Следует подчеркнуть, что гибридные тексты российской исполнительной власти до сих пор не подвергались лингвистическому изучению.

Объектом исследования является цифровой дискурс исполнительной власти, в текстах которого официально-деловой стиль трансформируется под воздействием цифровизации

и медиатизации, **предмет** исследования – гибридные жанры медиапродуктов органов государственного управления.

Исследование направлено на изучение процессов речевого взаимодействия власти и общества в цифровую эпоху, классификацию жанров и форматов распространяемого от имени власти контента. Для решения поставленной проблемы необходимо учитывать экстралингвистические факторы, характеризующие медиасферу, в которой осуществляется информирование населения о деятельности органов государственного управления, формирование общественного мнения и вовлечение социально активных граждан в диалог с властью с целью создания позитивного имиджа и управления репутацией государственных институтов.

Исследование проведено посредством **жанрово-стилистического** анализа на основе **дискурсивного** подхода, т. е. с учетом экстралингвистической обусловленности диалога власти и общества. К дискурсивным факторам этого диалога мы относим законодательно установленные функции органа власти и направления его деятельности (здравоохранение, образование, культура), особенности целевой аудитории, а также технические возможности медиаплатформ. Жанрово-стилистический анализ нацелен на изучение приемов создания и распространения официальных сообщений в медиасреде. Применяемая методика позволяет определить, как органы государственного управления используют жанровую гибридацию для формирования повестки дня, создания общественного мнения, легитимации своих действий, влияния на социальные процессы и стимулирования гражданской активности населения.

Обсуждение результатов исследования

1. Особенности диалога власти и общества в медиасреде

Одной из важных, законодательно установленных функций органов исполнительной власти является обеспечение доступа к информации об их деятельности [3–5]. В интернет-среде информирование является мультиканальным, т. е. осуществляется на нескольких платформах: на официальных сайтах, в социальных сетях («ВКонтакте», «Одноклассники»), мессенджере Telegram, а также на видеохостинге Rutube. В рамках публичного взаимодействия государственных институтов с населением создается комплекс коммуникационных продуктов [6]. Медиасегмент диалога власти и общества мы называем **цифровым дискурсом исполнительной власти** [7: 15].

В настоящее время одной из наиболее востребованных веб-платформ являются социальные сети. Эта коммуникативная среда активно изучается представителями социогуманитарных наук в самых разных аспектах: с точки зрения трансформации межличностной коммуникации цифрового поколения [8]; на предмет определения стратегий взаимодействия органов власти с гражданами [9, 10]; с позиций когнитивной лингвистики, теории дискурса, лингвоконфликтологии и лингводидактики [11]. На основе анализа приведенных исследований можно сделать вывод, что в социальных сетях создана уникальная речевая среда, существенно изменившая способы взаимодействия и обмена информацией. В аспекте теории коммуникации социальные сети представляют собой многомерную систему взаимодействий, в рамках которой пользователи не только осуществляют горизонтальные связи с равными по статусу коммуникативными партнерами, но и участвуют в вертикальных коммуникациях с качественно иными «собеседниками» – от крупных коммерческих компаний до правительственных организаций и государственных учреждений.

По мнению Н. Д. Голева, социальные сети обладают большой значимостью в общественной жизни страны, существенно влияя «на формирование политического и правового сознания, идеологических и культурных ценностей, коммуникативного поведения, культуры и мировоззрения россиян всех поколений, но прежде всего – молодого» [12]. Эти обстоятельства обусловили тот факт, что в последние годы социальные сети, предоставляющие новые возможности для взаимодействия с гражданами и формирования общественного мнения, стали важным средством реализации коммуникационных стратегий органов исполнительной власти.

2. Понятие жанровой гибридации

Как известно, М. М. Бахтин называл речевыми жанрами относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний [13: 241–242]. Подчеркивая динамичность жанра, вызванную воздействием ситуационных факторов (коммуникативной цели и ожиданий адресата), М. М. Бахтин выделил три типа жанровой подвижности. Первый тип связан с тем, что «в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения» на базе первичных жанров формируются более сложные вторичные жанры [13: 239]. Второй тип проявляется в переакцентуации жанров, т. е. переносе жанра из одной сферы в другую, сопровождающемся изменением типической жанровой экспрессии [13: 259; 267–269]. Третий тип обнаруживается в нарочитом смешении жанров разных сфер коммуникации [13: 259]. В результате каждого из этих процессов рождаются новые типы высказываний, т. е. новые жанры.

В современных условиях стремительного обновления технологий и эволюции форм коммуникации одним из путей развития бахтинской теории жанров можно признать изучение их гибридации (контаминации, конвергенции, смешения, трансформации), которая неизбежно влечет за собой необходимость проведения «жанровой ревизии» в разных сферах общения (см., напр. [6, 14–18 и др.]). Так, развивая идеи М. М. Бахтина применительно к PR-коммуникации, В. Н. Степанов и А. Д. Кривососов выделили три типа симбиоза жанров: «конвергенцию первичных и вторичных речевых жанров, конвергенцию первичных простых жанров PR-текста, интермедийную конвергенцию» [19: 222].

Явление жанровой гибридации наблюдается в самых разных сферах – от художественной литературы до цифровых медиа, от рекламных текстов до социальных сетей. Нельзя не согласиться с В. Е. Чернявской и Н. Э. Горшковой, которые считают, что гибридация жанров в медиасреде вызвана использованием текста «в нетипичных для него коммуникативных условиях» [18: 79]. Другие авторы связывают контаминацию жанров с микшированием институционального и персонифицированного общения, пересечением дискурсивных практик, совмещением черт разных функциональных стилей, комбинированием вербальных и невербальных (параграфемных и технических) инструментов, конвергенцией различных форматов и др. Несмотря на различия в интерпретации гибридных жанров, все исследователи сходятся во мнении, что в медиасфере жанровые трансформации порождают потребность повы-

сильный интерес к публикации и вызвать ответную реакцию адресата.

Мы под **жанровой гибридизацией** понимаем совмещение различных жанровых моделей, в результате которого создается новый в структурно-содержательном, стилистическом или форматном отношении коммуникационный продукт. Применительно к цифровому дискурсу исполнительной власти можно утверждать, что жанры письменной и устной официально-деловой речи, которые использовались в доцифровую эпоху, в пространстве социальных сетей и мессенджеров подвергаются радикальному преобразованию. Результаты этого преобразования привели к деконструкции коммуникационных продуктов [19] и утрате медиатекстом четких жанрообразующих признаков [20]. К сказанному можно добавить, что энтропия жанров усиливается под влиянием технологических возможностей разных веб-платформ, на которых одна и та же информация предъясняется пользователю в разной форматной «упаковке» – в виде линейного текста, слайд-шоу, видео и др.

Таким образом, в виртуальной среде границы между жанрами объективно становятся более подвижными, чем в традиционной коммуникации. В то же время развитие и совершенствование интернет-технологий стимулируют появление новых жанров, отвечающих потребностям общения в различных сферах, в том числе в сфере государственного управления.

3. Жанровый состав медиакommunikаций исполнительной власти и его развитие

Представим в виде схемы и опишем совокупность медиапродуктов исполнительной власти с учетом их форматно-жанровых признаков (рис. 1).

Наше понимание **формата** опирается на точку зрения Л. Ю. Щипициной, которая определяет его как совокупность медийных параметров жанра – поликодовости, гипертекстуальности, интерактивности, синхронности и др., которые зависят от технологических возможностей каналов связи [21]. Помимо этого, формат контента, на наш взгляд, обусловлен творческим замыслом публикаторов, их коммуникативной интенцией, информационным поводом, а также целевой аудиторией. Например, посты Министерства науки и высшего образования РФ часто представлены в виде *теста*, *викторины*, *опроса* с присущей им интерактивной формой подачи материала, привычной для студентов и преподавателей вузов. *Публичные отчеты* Министерства культуры РФ обычно предъясняются в поликодовой форме фотоальбома с комментариями,

что отвечает запросам подписчиков, интересующихся событиями культурной жизни.

На рис. 1 видно, что самый широкий выбор форматов и жанров деловой речи, не применявшихся в официальном общении в «доцифровую эпоху», предлагают социальные сети и мессенджеры. Следует заметить, что на официальных сайтах органов власти, помимо сообщений в новом форматно-жанровом воплощении, представлены деловые тексты таких традиционных жанров, как *постановление*, *указ*, *распоряжение* и др. Однако они выполняют первичные задачи официально-делового общения, не меняют своих жанровых признаков и, оставаясь монологическими по природе, принимают «пассивное» участие в реализации диалога власти с обществом в медиасфере.

В XX в. диалог власти и общества носил ритуализованный характер с ограниченным набором протокольных документных жанров – *официального письма*, *отчета* и *пресс-релиза*, текст которых должен был соответствовать стандартному формату. С развитием социальных сетей и мессенджеров органы управления получили возможность использовать «неформальные форматы» сообщений, жанр которых не вписывается в регламенты официального общения. К таким жанрам относятся, например: *новостная заметка*, *дайджест*, *анонс*, *викторина*, *опрос*, *тест* и др. Неформальный текст характеризуется непринужденной тональностью, эмоциональностью, относительной свободой выбора лексических единиц и другими чертами, отражающими стремление публикатора привлечь внимание адресата и сократить дистанцию с ним. Использование в официальных пабликах органов управления иностилевых для государственных институтов жанров речи позволяет более оперативно и эффективно взаимодействовать с различными аудиториями, повышая прозрачность работы этих институтов, что благоприятно сказывается на их репутации.

В качестве материала, иллюстрирующего процесс жанровой гибридизации, нами использованы посты в официальных пабликах, размещенные в 2024 г. в социальной сети «ВКонтакте» тремя федеральными министерствами: Министерством науки и высшего образования, Министерством здравоохранения и Министерством культуры.

В настоящее время жанрово-стилевая гибридизация медиапродуктов стала основной тенденцией в развитии жанровой системы цифрового дискурса исполнительной власти. В этой коммуникативной сфере гибридизацию можно считать намеренным приемом построения текста. Вместе с тем для исследователя гибридизация жанров создает трудности

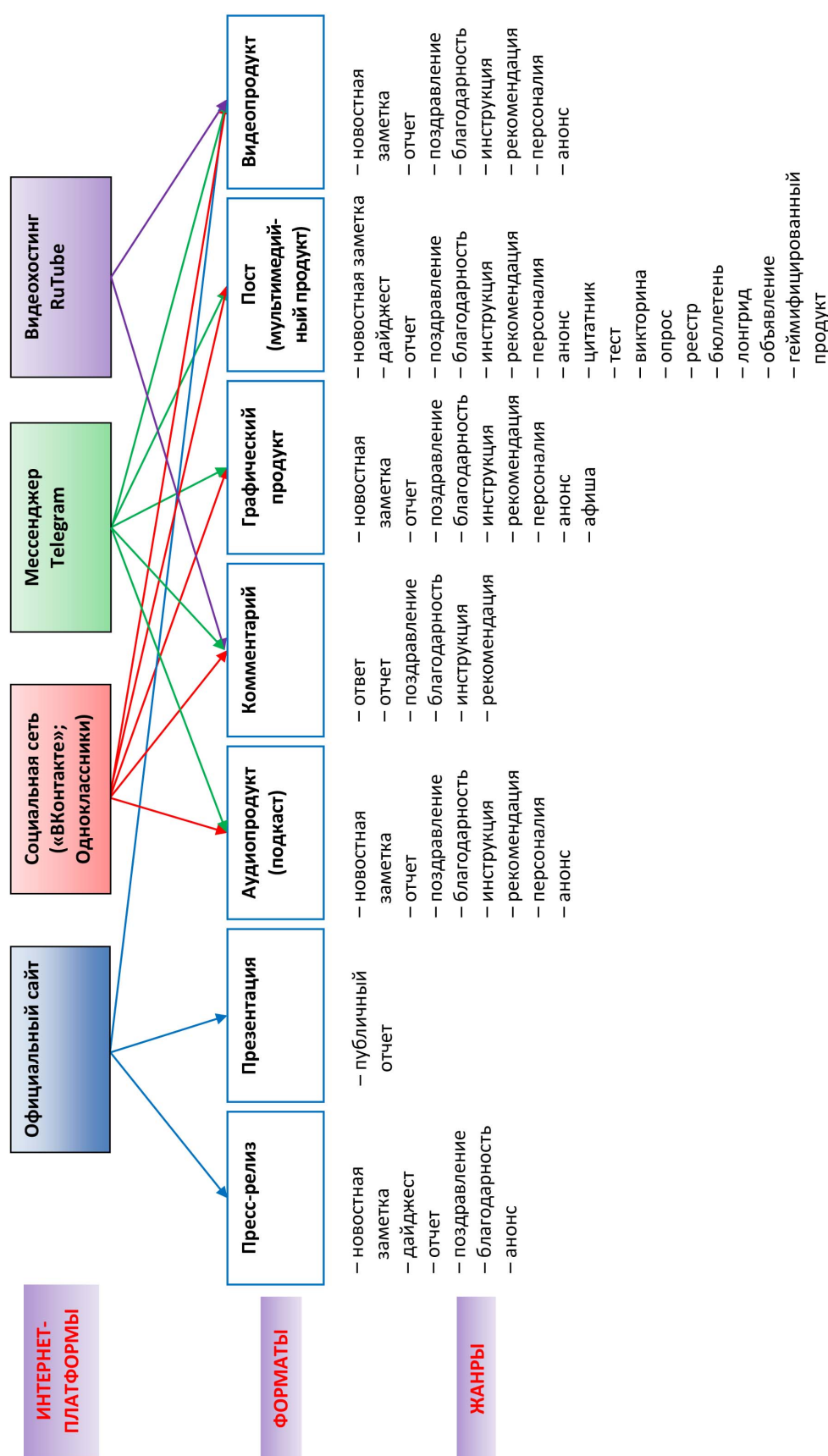

Рис. 1. Форматы и жанры медиакommunikаций исполнительной власти

Рис. 1. Formats and genres of media communications of the executive power

при их анализе и классификации, поскольку один и тот же жанр может быть представлен в разных форматах. Например, жанры *новостной заметки, благодарности, поздравления, рекомендации, персоналии* в пабликах министерств реализуются в аудио-, видео-, мультимедиа- и графическом форматах. Так, *поздравление* может выглядеть как *видеоролик* с выступлением должностного лица или *открытка*; *отчет* — как *пресс-релиз, видеоролик* или *фотоальбом*. В паблике Минобрнауки РФ нами зафиксированы публикации, названные составителями *календарными датами*. По дизайну и функционально-целевой направленности эти посты напоминают *листки отрывного календаря*, на которых указана дата и название знаменательного события или праздника, размещена соответствующая тематике иллюстрация и содержится краткая информация об этом событии (рис. 2).

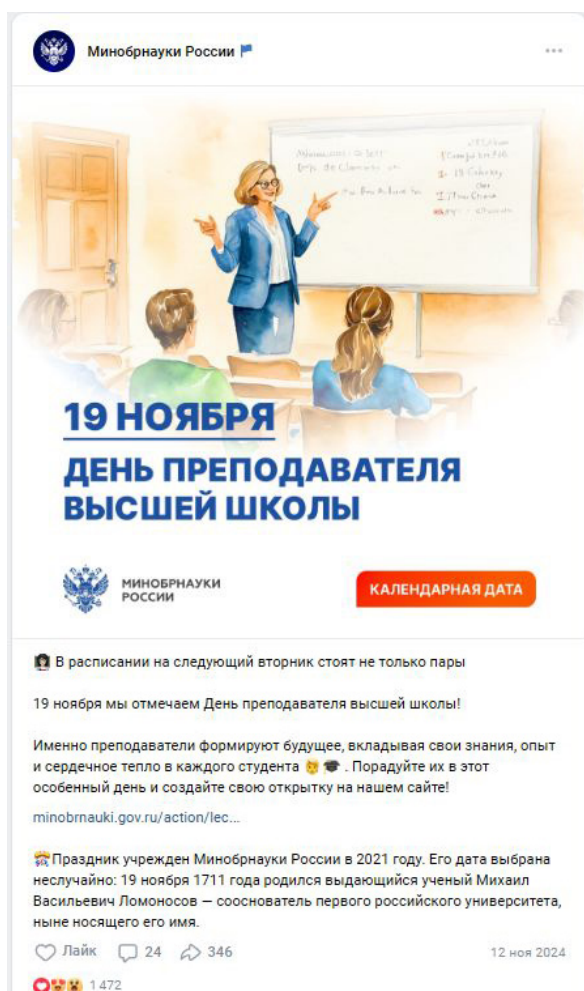

Рис. 2. Пост в форме листка отрывного календаря в паблике Минобрнауки РФ

Рис. 2. A post in the form of a tear-off calendar in the public domain of the Ministry of Education of the Russian Federation

С учетом вышесказанного в процессе определения жанровой принадлежности гибридных публикаций следует учитывать и те жанровые наименования, которые дают этим публикациям сами составители, например: *инструкция, памятка, цитата, календарная дата, викторина, тест* и др. По-видимому, практика жанрового маркирования постов связана с тем, что SMM-специалисты, во-первых, строят сообщение по определенной жанровой модели; во-вторых, задают вектор восприятия информации целевой аудиторией. Вместе с тем многие посты не имеют жанрового идентификатора, так что распознать жанр можно лишь по содержанию и оформлению текста, а также по реализованной целеустановке.

В контенте органов государственного управления в социальной сети «ВКонтакте» нами выявлено 20 жанров (см. рис. 1), которые в зависимости от доминирующей коммуникативной интенции мы разделили на шесть групп.

1. **Информационные жанры** направлены на сообщение фактов и событий, отражающих текущую деятельность органа исполнительной власти или должностного лица: *анонс, афиша, бюллетень, дайджест, лонгрид, новостная заметка, объявление, отчет, реестр*.

2. **Инструктивные жанры** носят предписательный характер и включают перечень действий, связанных с осуществлением какой-либо деятельности: *инструкция, рекомендация (совет)*.

3. **Эпидейктические жанры** обращены преимущественно к эмоциональной сфере адресата, выражают реакцию на какое-либо знаменательное событие и реализуют интенцию на сплочение аудитории: *поздравление, благодарность, персоналия*.

4. **Интерактивные жанры** ориентированы на взаимодействие с аудиторией в режиме реального диалога, предполагающего получение ответной реакции: *викторина, игра, опрос, ответ, тест*.

5. **Мотивационные жанры** служат стимулированию поведенческой активности и целеустремленности адресата, формированию у него потребности в саморазвитии: *объявление, цитатник*.

6. **Фатические жанры** обеспечивают поддержание позитивной атмосферы паблика, стимулируют креативность пользователей и повышение их вовлеченности. К этой группе жанров мы считаем целесообразным отнести описанные В. Н. Степановым и А. Д. Кривоносовым «геймифицированные продукты», основанные на игровых механиках [19: 215].

Из всех выявленных жанров лишь два — *инструкция* и *отчет* — традиционно относятся к официально-деловому стилю [22: 71].

Однако в медиасреде и эти жанры демонстрируют ослабление стиливых черт деловой речи, трансформацию первичных прагматических функций и актуализацию новой функциональной доминанты. Приведем пример инструкции, размещенной в паблике Министерства культуры РФ в день рождения Деда Мороза 18 ноября (рис. 3).

Рис. 3. Пост-инструкция в паблике Министерства культуры РФ

Рис. 3. Post-instructions in the public domain of the Ministry of Culture of the Russian Federation

Очевидно, что предписательная функция инструкции как жанра деловой речи здесь уступает место информационно-развлекательной функции. Тем не менее некоторые черты традиционной инструкции сохраняются,

в частности: 1) структура и четкость изложения (текст разделен на короткие абзацы, каждый из которых содержит конкретную информацию); 2) маркированный список, включающий три пункта (■ написать адрес Деда Мороза, ■ написать о своих пожеланиях Деду Морозу, ■ выбрать правильную бумагу для письма).

Однако основная цель текста — не столько дать четкие указания «маленьким подписчикам», сколько, побуждая их написать письмо Деду Морозу, создать праздничное настроение, увлечь мечтой о подарке, развить фантазию, развлечь детей и их родителей. Все эти интенции, характерные для текстов досугового дискурса, не имеют прямого отношения к прагматике официально-делового общения.

Жанровая модификация инструкции проявляется в следующем:

- вопросно-ответной структуре текста;
- адресованности поста *самым маленьким подписчикам*;
- употреблении коротких простых предложений, в том числе восклицательных;
- использовании эмоционально окрашенной лексики (*самое время, волшебник, душевные письма*);
- преобладании разговорных речевых конструкций (*Давайте разбираться! Самую красивую, конечно! Пишите письма, ждите чудес и не забывайте..., самое время это сделать*);
- приветливой и дружелюбной тональности сообщения.

Как видим, текст сочетает в себе жанровые элементы инструкции и информационно-развлекательного контента, адаптированного для детской аудитории.

На следующем рисунке представлена заставка поста, в котором Министерство науки и высшего образования РФ сообщает подписчикам об итогах календарного года (рис. 4).

Хотя в этой публикации и имеется жанровое наименование *годовой отчет*, в видеоролике содержатся интервью с руководителями, преподавателями и студентами разных российских вузов в преддверии Нового года. Заголовок создает эффект обманутого ожидания. У одних подписчиков это может вызвать удивление, у других — интерес, у третьих даже раздражение. Несомненно, что этот эффект запланирован публикатором и нацелен на привлечение внимания и усиление эмоционального воздействия на аудиторию. В данном случае гибридизация проявляется в подмене жанра. Действительно, стандартный министерский отчет представляет собой объемный текст, имеющий четкую структуру,

содержащий конкретные данные и написанный в формальном стиле, исключающем эмоциональную тональность в связи с необходимостью изложить объективную информацию.

Рис. 4. Пост-отчет в паблике Министерства науки и высшего образования РФ

Рис. 4. Post-report published by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

Отчет, хотя и представленный в жанре *видеоинтервью*, раскрывает деятельность министерства как учредителя вузов, т. е. назначение исходного жанра сохраняется, но реализуется в измененной форме. Совмещение содержания отчета с формой видеоролика позволило придать официальной информации более привлекательный – персонализированный – характер.

За исключением жанров *инструкции* и *отчета*, все другие жанры цифрового дискурса исполнительной власти (*анонс*, *афиша*, *викторина*, *новостная заметка*, *опрос*, *рекомендация*, *тест* и др.) являются не документными, а преимущественно публицистическими, для которых официальный паблик – иностилевая среда. В этом аспекте гибридизацию жанров можно интерпретировать как межстилевое взаимодействие, в котором жанры, периферийные в «материнском» стиле, в медиасфере могут стать основными в силу своего высокого персуазивного потенциала.

Например, в контенте Министерства здравоохранения одну из центральных позиций в системе жанров занимают *рекомендации* (*советы*), помогающие гражданам бороться с дезинформацией и принимать обоснованные решения о своем здоровье, формирующие правильные привычки и укрепляющие

доверие населения к системе здравоохранения. Пример такого поста см. на рис. 5.

Как видим, первичный жанр *рекомендации* (*совета*) в медиасреде приобретает синкретичные стилистические признаки. Приметами *деловой* речи можно считать следующее: 1) достоверность и точность информации, полученной из авторитетного официального источника – паблика федерального органа исполнительной власти; 2) соответствие содержания поста законодательно установленной функции Министерства здравоохранения информировать и просвещать население по вопросам здоровья; 3) стандартизованность подачи материала с использованием рубрикации.

Приметы *публицистического* стиля: 1) популяризация актуальной научной информации для широкой аудитории; 2) использование общепонятных медицинских терминов (*риск серьезных заболеваний, инфаркт, инсульт, патологии, травматизм, пищевое отравление*); 3) вопросно-ответная форма текста (*Как не получить пищевое отравление, Как безопасно кататься на коньках*); 4) доступность и легкость восприятия информации.

К *форматным* признакам поста следует отнести наличие хэштега *#ПростыеПравила* и метаданных (дата публикации); поликодовость (карточный способ подачи информации, пространственный и цветовой дизайн); интерактивность (возможность для подписчиков выражать реакции посредством лайков, комментариев и перепостов).

Таким образом, из традиционных жанров деловой речи в этой сфере оказываются востребованными лишь *инструкция* и *отчет*, но даже они претерпевают существенные изменения. Основной же массив текстов создается либо по канонам простых первичных жанров (*благодарность*, *поздравление*, *рекомендация*), либо с использованием готовых жанровых моделей публицистики (*новостная заметка*, *интервью*, *дайджест*, *бюллетень* и др.).

Ограниченный объем статьи не позволяет проиллюстрировать все выявленные нами динамические процессы в жанровой системе цифрового дискурса исполнительной власти. Однако даже представленный материал свидетельствует об адаптации ее коммуникационных стратегий к быстро меняющимся условиям диалога с гражданами в социальных сетях. Дальнейшие исследования позволят выявить новые аспекты жанровой гибридизации, а также оценить эффективность различных цифровых инструментов в формировании общественного мнения и укреплении доверия к государственным институтам.

Рис. 5. Пост-рекомендация в паблике Министерства здравоохранения РФ

Рис. 5. Post-recommendation in the public domain of the Ministry of Health of the Russian Federation

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что жанрово-стилевая гибридизация играет важную роль в становлении жанровой системы цифрового дискурса исполнительной власти. Анализ постов, размещенных тремя федеральными министерствами в социальной сети «ВКонтакте», выявил значительное разнообразие форматов и жанров, которые используются государственными структурами в общении с гражданами. На основе авторской интенции официальный контент органов управления образует шесть групп жанров: информационные, инструктивные, эпидейктические, интерактивные, мотивационные и фатические. При этом один и тот же жанр может быть представлен в разных форматных вариантах (аудио-, видео-, мультимедиа- или графическом формате).

Цифровые технологии кардинально преобразуют традиционные формы диалога между властью и обществом, создавая принципиально новую среду взаимодействия и информирования. Для реализации законодательно предписанных функций органы власти широко используют социальные сети. Этот уникальный медиасегмент с присущими ему мультимедийностью и многомерностью становится

в современной России инструментом формирования политических, правовых, культурных и других установок.

Виртуальная среда усиливает неопределенность жанровых границ, стимулирует создание инновационных жанров, адаптированных к современным технологиям и потребностям онлайн-взаимодействия. С одной стороны, традиционные для деловой речи жанры (*инструкция* и *отчет*) подвергаются значительным трансформациям: вбирают в себя элементы публицистики и развлекательного дискурса. С другой – в официальную коммуникацию вовлекаются «неформальные форматы»: простые первичные жанры (*благодарность*, *поздравление*, *рекомендация*) и нестандартные жанровые модели (*анонс*, *афиша*, *викторина*, *тест*, *опрос*). В целом, применение гибридных жанров ориентировано на повышение прозрачности в деятельности государственных учреждений, укрепление доверия граждан и формирование положительного имиджа власти.

В этом плане деконструкция традиционных жанров может рассматриваться как фактор становления новой речевой системности, связанной с коммуникационными и технологическими условиями медиасферы.

ИСТОЧНИКИ

Официальный паблик Министерства науки и высшего образования РФ в социальной сети «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/minobrnauki> (дата обращения: 13.03.2024).

Официальный паблик Министерства здравоохранения РФ в социальной сети «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/minzdravru> (дата обращения: 13.03.2024).

Официальный паблик Министерства культуры РФ в социальной сети «ВКонтакте». URL: https://vk.com/minkultury_rf (дата обращения: 13.03.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ширинкина М. А. Жанры письменного дискурса исполнительной власти // *Жанры речи*. 2019. № 2 (22). С. 110–118. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-110-118>, EDN: NCVRUX

2. Ширинкина М. А. Форматы и жанры медиакommunikации исполнительной власти // *Жанры речи*. 2021. № 1 (29). С. 66–77. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-66-77>, EDN: IAPYXG

3. Ветров К. В. Информирование населения о деятельности органов власти как фактор управления : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2003. 25 с. EDN: NMHWPF

4. Котилов Д. А. Распространение информации федеральным органом исполнительной власти в гражданском обществе : теоретические аспекты правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Люберцы, 2012. 25 с. EDN: ZOORVD

5. Селихова Н. Л. Развитие коммуникативно-информационных связей органов регионального управления и общества: на материалах Брянской области : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. 27 с. EDN: ZNBHZZ

6. Кривоносов А. Д. Деконструкция коммуникационного продукта в условиях цифровизации // *Медиалингвистика : материалы VIII международной научной конференции (Санкт-Петербург, 26–29 июня 2024 г.)*. СПб. : Медиапапир, 2024. С. 501–504. EDN: QBYYYN

7. Баженова Е. А., Ширинкина М. А., Мокан А. Д., Овчинникова С. А. Цифровой дискурс исполнительной власти в современной России : монография. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2024. 188 с.

8. Социальные сети как инфраструктура межличностного общения цифрового поколения : трансформация фреймов коммуникации : коллективная монография / науч. ред. И. П. Кужелева-Саган. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. 220 с.

9. Алазоз А. В. Стратегии политических интернет-коммуникаций региональных органов власти и общества в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2024. 22 с. EDN: LIHCTS

10. Филатова О. Г. Электронное взаимодействие власти и общества : медиаэкологический подход : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2024. 50 с. EDN: AILWAF

11. Социальные сети : комплексный лингвистический анализ : монография : в 2 т. Кемерово :

Кемеровский государственный университет, 2021. Т. 1. 430 с.

12. Голев Н. Д. Введение. Социальные сети как актуальный объект междисциплинарного научного изучения // Социальные сети : комплексный лингвистический анализ : монография : в 2 т. / под науч. ред. Н. Д. Голева ; отв. ред. Л. Г. Ким. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2021. Т. 1. С. 5–9.

13. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Художественная литература, 1975. 504 с. EDN: WTJALN

14. Зеленцов М. В. К вопросу об определении гибридного новостного формата в цифровой среде // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2021. Т. 6, № 3. С. 5–22. <https://doi.org/10.17323/cmd.2021.13305>, EDN: LTAKZT

15. Чалова О. Н. Жанрово-стилистическая гибридизация и диверсификация современного медиадискурса // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. 2021. Т. 33. С. 172–176. EDN: GCECTM

16. Власова Е. Г., Абашев В. В. Жанры и форматы районных СМИ в условиях медиаконвергенции // Районные газеты Пермского края на рубеже 2010–2020 годов : монография / под общ. ред. Л. Л. Черепановой. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2022. С. 228–248. EDN: AEFWZO

17. Карпенко И. И. Медиаконвергенция в теории и практике российских региональных СМИ : дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2024. 398 с. EDN: FHOTLA

18. Чернянская В. Е., Горшкова Н. Э. Гибридизация жанра в персуазивной коммуникации // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, № 1. С. 74–89. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2025-1-5>, EDN: BLXESJ

19. Степанов В. Н., Кривоносов А. Д. Жанровая пиарология и конвергенции жанров PR-текста // Жанры речи. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 212–224. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-212-224>, EDN: BXKHSE

20. Кривоносов А. Д. Жанровая типология PR-текста: от теории к вульгаризации // Российская школа связей с общественностью. 2017. № 9. С. 215–221. EDN: XXIHNP

21. Щипицина Л. Ю. Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2011. 40 с. EDN: ZODWYV

22. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М. : Флинта : Наука, 2003. 696 с.

REFERENCES

1. Shirinkina M. A. Genres of written discourse of the executive branch. *Speech of Genres*, 2019, no. 2 (22), pp. 110–118 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-110-118> EDN: NCVRUX

2. Shirinkina M. A. Formats and genres of media communication of the executive power. *Speech of Genres*, 2021, no. 1 (29), pp. 66–77 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-66-77> EDN: IAPYXG

3. Vetrov K. V. *Informing the Population About the Activities of the Authorities as a Factor of Administration*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Sociol.). Moscow, 2003. 25 p. (in Russian). EDN: NMHWPF

4. Kotikov D. A. *Dissemination of Information by a Federal Executive Body in Civil Society: Theoretical Aspects of Legal Regulation*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jurispr.). Lyubertsy, 2012. 25 p. (in Russian). EDN: ZOORVD

5. Selikhova N. L. *Development of Communication and Information Links Between Regional Government and Society: On the Materials of the Bryansk Region*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Politic.). Moscow, 2005. 27 p. (in Russian). EDN: ZNBHSD

6. Krivonosov A. D. Deconstruction of communication product in the conditions of digitalization. *Medialinguistics: Proceedings of the VIII International Scientific Conference (St. Petersburg, June 26–29, 2024)*. St. Petersburg, Mediapir, 2024, pp. 501–504 (in Russian). EDN: QBYYYN

7. Bazhenova E. A., Shirinkina M. A., Mokaev A. D., Ovchinnikova S. A. *Tsifrovoy diskurs ispolnitel'noi vlasti v sovremennoi Rossii: monografiya* [Digital discourse of executive power in modern Russia: Monograph]. Perm, Perm State University Publ., 2024. 188 p. (in Russian).

8. *Sotsial'nye seti kak infrastruktura mezhluchnostnogo obshcheniya tsifrovogo pokoleniya : transformatsiya freimov kommunikatsii: kollektivnaya monografiya*. Nauch. red. I. P. Kuzheleva-Sagan [Kuzheleva-Sagan I. P., sci. ed. Social networks as an infrastructure of interpersonal communication of the digital generation: Transformation of communication frames]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2017. 220 p. (in Russian).

9. Alagöz A. V. *Strategies of Political Internet Communication Strategies of Regional Authorities and Society in the Russian Federation*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Politic.). Ekaterinburg, 2024. 22 p. (in Russian). EDN: LIHCTS

10. Filatova O. G. *Electronic Interaction Between Government and Society: A Media Ecosystem Approach*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Politic.). Moscow, 2024. 50 p. (in Russian). EDN: AILWAF

11. *Sotsial'nye seti: kompleksnyi lingvisticheskii analiz: monografiya: v 2 t. Pod nauch. red. N. D. Goleva, отв. ред. L. G. Kim* [Goleva N. D., sci. ed., Kim L. G., ed.-in-chief. Social networks: Complex linguistic analysis: Monograph: In 2 vols]. Kemerovo, Kemerovo State University Publ., 2021. 430 p. (in Russian).

12. Golev N. D. Social networks as an actual object of interdisciplinary scientific study. In: *Sotsial'nye seti: kompleksnyi lingvisticheskii analiz: monografiya: v 2 t. Pod nauch. red. N. D. Goleva, отв. ред. L. G. Kim* [Goleva N. D., sci. ed., Kim L. G., ed.-in-chief. Social networks: Complex linguistic analysis: Monograph: In 2 vols]. Kemerovo, Kemerovo State University Publ., 2021, pp. 5–9 (in Russian).

13. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics. Studies of different years]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1975. 504 p. (in Russian). EDN: WTJALN

14. Zelentsov M. V. Toward the definition of a hybrid news format in the digital environment. *Communications. Media. Design*. 2021, vol. 6, no. 3, pp. 5–22. (in Russian). <https://doi.org/10.17323/cmd.2021.13305>, EDN: LTAKZT

15. Chalova O. N. Genre and stylistic hybridization and diversification of modern media discourse. *Academic Notes of the P. M. Masherov State University*, 2021, vol. 33, pp. 172–176 (in Russian). EDN: GCECTM

16. Vlasova E. G., Abashev V. V. Genres and formats of district mass media in the conditions of media convergence. In: *Raionnye gazety Permskogo kraia na rubezhe 2010–2020 godov : monografiya. Pod obshch. red.*

L. L. Cherepanovoi [Cherepanova L. L., ed. District newspapers of Perm Krai at the turn of 2010–2020: Monograph]. Perm State University Publ., 2022, pp. 228–248 (in Russian). EDN: AEFWZO

17. Karpenko I. I. *Media Convergence in the Theory and Practice of Russian Regional Mass Media*. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Belgorod, 2024. 398 p. (in Russian). EDN: FHOTLA

18. Chernyavskaya V. E., Gorshkova N. E. Genre hybridization in persuasive communication. *Slovo.ru: Baltic accent*, 2025, vol. 16, no. 1, pp. 74–89 (in Russian). <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2025-1-5> EDN: BLX-ESJ

19. Stepanov V. N., Krivososov A. D. Genre PR and convergences of PR-text genres. *Speech of Genres*,

2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 212–224 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-212-224> EDN: BXXHSE

20. Krivososov A. D. Genre typology of PR-text: from theory to vulgarization. *Russian School of Public Relations*, 2017, no. 9, pp. 215–221 (in Russian). EDN: XXIHP

21. Shchipitsina L. Ju. *Comprehensive Linguistic Characteristics of Computer-mediated Communication (Based on the Material of the German Language)*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Voronezh, 2011. 40 p. (in Russian). EDN: ZODWYV

22. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka*. Pod red. M. N. Kozhinoi [Kozhina M. N., ed. Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Flinta, Nauka, 2003. 696 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 13.05.2025; одобрена после рецензирования 08.07.2025; принята к публикации 08.07.2025; опубликована 01.06.2026

The article was submitted 13.05.2025; approved after reviewing 08.07.2025; accepted for publication 08.07.2025; published 01.06.2026

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 2 (50). С. 218–226

Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 2 (50), pp. 218–226

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-218-226>, EDN: YKXDG Y

Научная статья

УДК [811.161.1'38'42:004.738.5]+821.161.1.09

Мультиmodalность литературно-критических отзывов в Сети: новые требования жанра

Ю. А. Говорухина

Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Россия, 236041, г. Калининград,
ул. Александра Невского, д. 14

Говорухина Юлия Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор высшей
школы коммуникаций и креативных индустрий, IGovorukhina@kantiana.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2675-5909>

Аннотация. Формат книжного телеграм-канала как один из самых востребованных и эффективных инструментов развития книжной коммуникации демонстрирует новое видовое свойство метатекстовой рефлексии – мультиmodalность. В связи с этим актуальным представляется определить функции визуального модуса предъявления информации. В статье представлены результаты анализа использования фотографий, эмодзи, различных форм выделения слова (шрифтовое выделение, подчеркивание, зачеркивание) в сетевых читательских отзывах, доказывається, что мультиmodalность в суждении критика-любителя является формой замещения тех свойств литературной критики, которые сложились в профессиональном сообществе в ходе истории развития литературы. Осмысливается содержание таких понятий, как эстетическое восприятие, оценка, интерпретация в применении к любительской читательской рефлексии, представленной в сетевой модификации жанра отзыва на книгу. Доказывается, что автор книжного телеграм-канала существует в пространстве противоречивой идентичности.

Ключевые слова: мультиmodalность, литературная критика, читательская критика, любительская критика, книжный телеграм-канал, отзыв как жанр

Для цитирования: Говорухина Ю. А. Мультиmodalность литературно-критических отзывов в Сети: новые требования жанра // *Жанры речи*. 2026. Т. 21, № 2 (50). С. 218–226. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-218-226>, EDN: YKXDG Y

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Multimodality of literary critical reviews on the Internet: New requirements of the genre

Yu. A. Govorukhina

Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 Alexandra Nevskogo St., Kaliningrad 236041, Russia

Yulia A. Govorukhina, IGovorukhina@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2675-5909>

Abstract. The format of the book Telegram channel as one of the most popular and effective tools for the development of book communication demonstrates a new specific property of metatextual reflection – multimodality. In this regard, it seems relevant to determine the functions of the visual mode of presenting information. The article presents the results of the analysis of the use of photographs, emoji, various forms of highlighting a word (font highlighting, underlining, strikethrough) in online reader reviews. It is proved that multimodality in the judgment of a non-professional reader is a form of substitution of those properties of literary critics that have formed in the professional community during the history of literary development. The content of such concepts as aesthetic perception, evaluation, interpretation is considered in relation to amateur reader reflection, presented in the online modification of the book review genre. It is proved that the author of the book Telegram channel exists in the space of contradictory identity.

Keywords: multimodality, literary critics, reader criticism, amateur criticism, book Telegram channel, review as a genre

For citation: Govorukhina Yu. A. Multimodality of literary critical reviews on the Internet: New requirements of the genre. *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 2 (50), pp. 218–226 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-218-226>, EDN: YKXDG Y

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Читательская литературная критика как одна из разновидностей критики, существующая наряду с писательской, профессиональной толстожурнальной и газетной, уже становилась объектом исследования – главным образом, в социальном и социологическом аспекте. Литературоведение рубежа XX–XXI вв. практически игнорировало данный феномен металитературной рефлексии: по-видимому, сказался некоторый снобизм в отношении к наивному письму (хотя заметим, что корпус читательской критики весьма неоднороден и включает образцы достаточно глубокого осмысления текста). Период активной цифровизации изменил статус читательской критики. Прежде размещаемая на последних страницах журналов и газет, используемая редакторами в прагматических целях (как способ усилить позиции в литературном поле и повысить символический капитал, заручившись поддержкой аудитории), она стремительно увеличилась в объеме, стала претендовать на особый статус, заняла пустующую нишу. Книжные издательства начинают сотрудничать с блогерами (отправляют книги для обзора, приглашают на пресс-конференции и книжные завтраки с писателями, на вечеринки (например, «Кактус-пати» издательства «АСТ»), организуют круглые столы с участием блогеров, размещают отзывы читателей на обложках книг. Директор издательства «Фантом Пресс» А. Штейнман признается: «...мы выбираем уже по контенту: насколько человек интересно пишет, насколько у него оригинальное мнение, наверное, еще важно, как часто он пишет. Конечно, предпочтительны хорошо пишущие с большим числом подписчиков, но, если человек хорошо пишет и у него 700 подписчиков, мы все равно дадим ему книги»¹. Руководитель отдела продвижения издательства «Росмэн» Н. Пушкарева замечает: «...Сложно не воспринимать блогера всерьез, когда количество его подписчиков равно или превышает тираж традиционных изданий»².

Книжные блогеры вовлекаются в поле литературы и, как следствие, обретают статус экспертов. Кроме того, любительская критика сегодня осваивает те литературные потоки, которые не входят в поле зрения критика-профессионала (массовая литература, классические тексты), обращается к такому читателю, на которого не ориентирован профессионал (простой неподготовленный читатель, процесс чтения для которого – прежде всего погружение в придуманный сюжет, эмоции). Как следствие изменившегося статуса любительской критики появилось несколько статей-попыток отразить эту «экспансию». Книжного блогера как актора исследует Е. Власенко [1]; инструментарий и язык непрофессионального критика в Сети изучают Е. Г. Елина и Р. И. Павленко [2], Л. А. Мосунова [3], Н. Е. Беляева [4], М. Ю. Матвеев [5], Ю. А. Говорухина [6]; читательская рефлексия как способ самовыражения становится предметом изучения Т. В. Савельевой [7].

Формат книжного телеграм-канала – один из самых востребованных и эффективных инструментов развития книжной коммуникации, который существует наряду с «букстаграмом» (на площадке Instagram), Youtube-каналами (BookTube: «Библионариум», «Книга-гид», «Переулочек Контрастов – книжные обзоры», «Читайте хорошие книги», «Bookspace» и др.), форматом рецензий на сайтах книголюбов (LiveLib) и др. Он демонстрирует новое видовое свойство метатекстовой рефлексии – мультимодальность. В связи с этим актуальным представляется определить функции визуального модуса предъявления информации. Исследование сетевой читательской критики в мультимодальном аспекте позволяет прояснить некоторые аспекты жанра сетевого литературно-критического отзыва, специфику текстопорождения, интерпретации и оценки.

Визуальный модус коммуникации

Любительская критика в Сети представляет собой чтение как творческий процесс в бук-

¹Книжный бартер: чем издательства платят блогерам за отзывы [видеоинтервью с Т. Стояновой, О. Бушуевой, А. Штейнман]. URL: <https://youtu.be/NlAsZDq1eY4> (дата обращения: 22.02.2025).

²Что происходит с книжным блогингом в России? Свод правил для блогеров, их читателей и издателей. URL: <https://www.livelib.ru/articles/post/24423-chto-proishodit-s-knizhnym-bloggingom-v-rossii-svod-pravil-dlya-bloggerov-ih-chitatelej-i-izdatelej> (дата обращения: 24.02.2025).

вальном смысле, когда создается собственный метатекст с привлечением вербального, визуального, голосового каналов. Визуальная составляющая книжного блога становится необходимой частью отзыва, не менее важной, чем собственно текстовая. На этом акцентируют внимание авторы многочисленных рекомендаций для книжных блогеров. Так, на сайте «Эксмо» в статье «Как сделать книжный блог» читаем: «Используйте все технические возможности. Итак, вы остановились на одном из заявленных форматов и, возможно, даже попробовали снять несколько роликов, записать пару-тройку подкастов или выложить что-то в Инстаграм³. Но стабильность очень быстро превращается в рутину, и, если вы не хотите потерять подписчиков, сделайте так, чтобы пользователи остались с вами как можно дольше»⁴. А. В. Бабяшкина, главный редактор издательства «Лайвбук», соорганизатор премии «Блог-пост. Лучший книжный блог года» признается: «Интересно смотреть, как блогеры выжимают максимум из особенностей площадки, на которой они работают: играют со звуком, видеоэффекта-

ми, фотофильтрами. Особенно здорово это делают авторы из Инстаграма. Я в своих оценках (определение финалистов премии «Блог-пост») учитывала, насколько «цепляет» визуальная составляющая букстаграмов»⁵.

Визуальный модус в книжных телеграм-каналах представлен разными типами изображений, выполняющими те или иные функции.

Предтекстовое изображение книги. Сравнительный анализ фотографий позволил прийти к выводу о том, что на сегодняшний день сложились следующие «тренды», негласные правила (групповые культурные конвенции) визуального представления книги. Картинка обложки/раскрытой книги должна быть качественной. Книга может занимать всю площадь фотографии либо быть вписанной в композицию. Частотными оказываются следующие типы фона: природный объект/пейзаж (яркие осенние краски, лето), стол, кровать, книжная полка, абстрактные формы, по цвету гармонирующие с обложкой. Повторяющиеся детали – чай/кофе, выпечка, закладка, декоративные украшения.

t.me/bookvinist

t.me/millashlilis

t.me/readwithmasha

Если рассматривать композиции в телеграм-каналах как сложносоставные иконические знаки, то можно сделать вывод, что визуальный канал коммуникации транслирует идею чтения-удовольствия, неторопливого погружения в художественный мир, важной составляющей уюта домашнего пространства. Одновременно композиция выражает важный (само)идентификационный смысл: я – читатель, я обладаю эстетическим вкусом. Создается эффект внешней эстетизации про-

цесса чтения. По сути, происходит подмена в понимании эстетического восприятия, восполнение эстетического как целостного восприятия текста в единстве содержательных и формальных элементов с установкой на семантическую насыщенность каждого элемента – специфической эстетикой антуража. В то же время отметим, что выбранный нами материал исследования в большинстве случаев представлен нейтральными визуальными пре-

³Запрещён в России, принадлежит Meta.

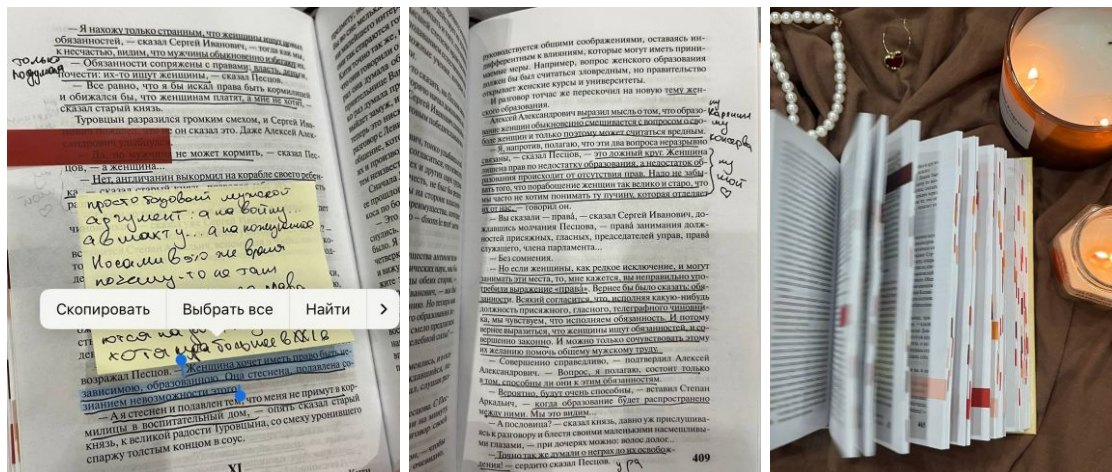
⁴Как сделать книжный блог. URL: <https://eksmo.ru/articles/kak-sdelat-knizhnyy-blog-ID15494286/> (дата обращения: 10.04.2025).

⁵Там же.

зентациями книг (обложка на полный объем экрана или на монохромном фоне).

Отдельный вид изображений – изображение-оценка. Аргументация замещается привлекающим фото книги, книги со мно-

жеством закладок, подчеркиваний, заметок на полях – тем, что должно создать у подписчика представление об произведении интересном, заставляющем размышлять, перечитывать.

Автор телеграм-канала «Женя читает» (@v_knigah_sidela) пишет: «Количество закладок и подчеркиваний в этой книге, я думаю лидирует среди всех мною прочитанных книг, а это о чем-то да говорит. Книга и история хороша, она заставляет ужасаться, умиляться, кричать, плакать и улыбаться. Все то, что и должна делать художественная книга – вызывать эмоции и заставлять думать. В этом контексте роман шикарный»⁶. В данном отзыве не фиксируются ни строки, обратившие на себя внимание автора, ни мысли, вызванные ими. В качестве аргументации оценки «шикарный» выступает обозначение ряда эмоций и картинка. Причем именно фото в большей степени запечатлело следы читательской рефлексии. Пометы на полях – «только подумать», «ну Каренин, ну консерва», «ура» – позволяют реконструировать поток эмоций и внутренних движений читателя.

Использование эмодзи. Наиболее частотны в книжных телеграм-каналах эмодзи, которые дублируют, усиливая, вербализированную эмоцию (выполняя одновременно функцию смыслового дополнения и интенсификации, эмотивную и декоративную функции). Так, автор канала «Книжный кот» (@bookishkot) дублирует словесное выражение надежды – эмодзи с соответствующим значением: «Вообщем, финишная прямая трилогии, i hope 🍀 последняя часть меня не подведёт»; автор «Читаем вместе с вами» (@chitaem_vmeste_s_vami) визуализирует-дублирует действие «призадумалась»:

«Очень-очень маловероятно, что я рискну когда-нибудь перечитать эту книгу. И начал собирать книги Геймана, я что-то призадумалась, а нужна ли мне ЭТА🤔»; «Корица» (@vsluhmislimoi) в отзыве о «Не отпускай меня» Кадзуо Исигуро» визуализирует «ком эмоций»:

В горле стоит ком от осознания смыслов.

Какой жестокий мир 🍀💔🍀

Автор канала «Книжки и кочерыжки» (@poli_mal_reads) в отзыв о «Нежные листья, ядовитые корни» Е. Михалковой включает эмодзи клоуна-паяца, который должен лишний раз убедить нас, что персонажи неживые, неинтересные:

Но тут еще и зачем-то мистику накрутили (зачем?), персонажи все какие-то паяцы, стереотипы на шарнирчиках 🍀

Активное использование эмодзи книжным блогером – следствие самой природы непрофессиональной критики. Широко распространенные в период цифровизации букстаграмы, книжные телеграм-каналы, платформы читательских отзывов обеспечили реализацию сразу нескольких потребностей читательской аудитории: в критике субъекта переживания и в потребности к письму. Альтернативой критика-эксперта становятся сотни простых читателей, чей читательский опыт, чувства оказались интересны другим сотням и тысячам подписчиков. Непосредственные эмоции

⁶URL: https://t.me/v_knigah_sidela/2892 (дата обращения: 12.04.2025). Здесь и далее сохранена авторская орфография и пунктуация.

от чтения как содержательная основа читательского блога находит свое выражение в том числе в эмодзи. Заметим: чем более профессиональна читательская рефлексия в телеграме, тем менее текст будет дополнительно визуализирован.

В то же время эмодзи в книжных блогах выполняют, на наш взгляд, и другую функцию. Это упрощенная форма литературно-критической оценки. Блогер свободен от требования объективности оценки и аргументированности. Своеобразной формой убедительности становится визуализированная эмоция, которая будто подтверждает (словно аргумент) заявленную эмоцию-оценку.

Ух, товарищи, что это за книга 🍷.

В общем, первое впечатление отличное! Мне нравится. Читается легко, все понятно и доходно. Делитесь, читали ли вы эту трилогию? Если да, то жду ваши впечатления в комментариях 🍷❤️

Автор канала «AnnaV» (@AnnaVjewelry) о книге Ч. Паланика «Наследие»:

Немножечко смазанной концовка показалась, не принесла мне должного удовлетворения))) Но не смотря на это, считаю что книга просто отличная 🍷

Советую как прожжённым любителям Паланика, так и начинающим 😊 У меня она на втором месте в топе лучших Чаковских произведений ❤️

Другой формой визуальной псевдубедительности выступает **выделение слов жирным шрифтом и подчеркивание**.

Автор канала «Книжный кот» (@bookishkot) о романе Джона Ирвинга «Мир глазами Гарпа»:

и в каждое слово здесь становится оружием, оружием в борьбе за право быть видимой частью общества, за право совершать ошибки. жизнь Гарпа - неугасающее стремление к счастью, попытка длинной в жизнь 🍷

Гарп - лучший друг и лучший подарок. самое ценное в жизни - время. время, которое вы проведёте вместе с Гарпом будет незабываемым. этот герой принадлежит к совершенно особенному типу людей, играющих только по своим правилам. он живой, настоящий, правдивый, он одновременно про каждого и в каждом.

Выделенное означает как важное и в ситуации отсутствия доказательства

выполняет роль аргумента. «Время, которое вы проведёте вместе с Гарпом будет незабываемым» – суждение эмоциональное и не подкрепленное суждениями о сюжете, характере героя, стилистике, интерпретацией.

Формой редукции аргументированной оценки являются в блогах визуально разнообразные обозначения баллов

ИТОГ → 4 из 10

Ставлю этой книге 6 кружечек сбитня из 10 🍷🍷🍷

✓ Моя оценка: 10 русалок, заразивших озера из 10

Зачеркивание (или литуратив [8]) – явление, интересное с точки зрения лингвокреативного мышления, – уже было объектом ряда исследований [8–10]. В них был дан ответ на вопрос о причинах популярности такого знака: достаточно радикальный в плане выразительности, он более смыслогенен, парадоксален и философичен. Изначальная фиксация и последующее зачеркивание (визуализированная отмена) образуют целостное многослойное выражение. Цель литуратива – демонстрация смысла, который по тем или иным причинам должен был быть скрыт.

Изученный нами материал позволил выделить следующие функции зачеркивания в книжных каналах:

функция «разрешение на мат». Правила приличия, или, другими словами, запрет на потерю позитивного лица, ограничивают прямое использование нецензурной лексики, ругательства. Соответствующее слово зачеркивается (формально потери лица не происходит), но не удаляется (поскольку важно как выражение эмоции/оценки);

функция выражения этического протеста, своеобразной цезуры: автор при пересказе текста зачеркивает то, что представляется ему неэтичным, чуждым ценностно. Так, автор канала «Жена Александра Чацкого» (@librariamarlenabook) в отзыве на «Жизнь на продажу» Ю. Мисима зачеркивает упоминание о самоубийстве героя: «История повествует о Ханио, который решил свести счеты с жизнью <...> Конец меня удивил. Я думала, что главный герой совершит самоубийство. Но японские писатели удивляют...»⁷;

функция саморедактирования: зачеркивание субъективных мыслей/оценок, эмоций, которые не вписываются в критический дискурс, выдают непрофессионализм автора, но при этом ценны как проявление личной эмоции. Так, автор канала «Архив» (@asya_ree) в отзыве на роман К. Макманус «Один из нас лжет» пишет: «Эдди – вторая девушка. Но более бесчая. Много соплей от нее, но в

⁷URL: <https://t.me/librariamarlenabook> (дата обращения: 10.04.2025).

какой-то момент можно её понять. Но изменить своему парню нет»⁸; в канале «Не только апельсины» (@ne_apelsinki) в отзыве о книге «Ступает слон» М. Сониной⁹:

Концовка убила. Я догадалась кто убил Саймона уже на половине книги. Слишком легко было вычислить, тем более это было очевидно. Но... Кто помог это сделать – я в шоке:

Скучно, путаешься сначала в именах и персонажах (кто из них девушка, а кто парень), потом становится все монотонно и в итоге дело раскрыли за три минуты. Зачем было расписывать на 360 страниц?

Девушка, которую гг обвиняет, что та парень манипулятор, зачем то при всех, снимает штаны и нижнее белье, чтобы доказать обратное, и потом сама же убегает. Зачем? Маруся называет трансженщину, как женщину, при этом в голове у нее звучат мужские местоимения. Игра на публику? Нам много страниц показывают поэтический вечер, досконально, каждое выступление, чтобы потом эта арка ни к чему не привела. Растягивание страниц?

Маруся отвратительный персонаж. Действует нелогично, соглашается на авантюры, не соответствует заявленной в начале книги себе. Никакого роста личности, никаких выводов из происходящего. Говорит, что дорожит девушкой, при этом игнорирует ее.

Я оставляю эту книгу в коллекции, только из-за того, что там есть влв линия. Даже такая

Само фем. комьюнити показано странным сборищем, которое само в себе разобраться не может. Бывает

Да и взгляды героини будто пытались высмеять. Почему? Ну вот представьте, все вокруг твердят что приставание к гг со стороны певицы было не здорово, а сама Маруся ничего такого в этом не видит... нормальная?

«Память дискурса» (профессионального литературно-критического) требует объективности, отсюда эффект «неловкости за откровенность» в форме зачеркивания. Двойственная коммуникативная ситуация, в которой находится автор отзыва, визуально репрезентируется в зачеркивании: когда осознается как важность запечатления эмоции, так и желание соответствовать роли эксперта-критика.

Инструмент «скрытый текст» чаще всего используется, чтобы скрыть спойлер или эмоции, суждения, которые, как кажется автору, не вписываются в критический дискурс.

Из канала «Diagon Alley» (@Diagon_Alley_Channel)¹⁰:

Отдельно хочу отметить то, что автор проделала действительно большую работу, поднимая исторические источники. В книге есть даже объявления из настоящих московских газет 1920х годов!

А ещё чуть раскрою вам секрет, так что тут мои писки восторга были слышны ооооочень далеко...

Отдельно хочу отметить то, что автор проделала действительно большую работу, поднимая исторические источники. В книге есть даже объявления из настоящих московских газет 1920х годов!

А ещё чуть раскрою вам секрет (убийства тесно связаны с искусством), так что тут мои писки восторга были слышны ооооочень далеко...

Из канала «Helly Higge» (@helly_hygge)¹¹ в отзыве о «Докторе Живаго»:

Болючая, горькая, пронзительная книга. Я не все поняла и почувствовала, точно буду перечитывать. И вам тоже советую)

Зато главный антагонист, если можно так назвать Стрельникова, сразу проник в мое сердечко. И к концу книги закрепился там прочно и основательно.

Болючая, горькая, пронзительная книга. Я не все поняла и почувствовала, точно буду перечитывать. И вам тоже советую)

Особенностью любительской критики в телеграм-каналах является ее вписанность в сюжет цифрового дневника жизни автора канала. В этом случае отзывы выполняют функцию, аналогичную миромоделирующей: создают образ критика, его жизни (рассказывается история покупки/приобретения книги, ожиданий, обстоятельств чтения, описываются события, не связанные непосредственно с чтением). И наоборот, история жизни автора канала, концепция этого образа предъявляет требования к отзыву (это касается и выбора книг, и языкового/визуального воплощения) и влияет на восприятие рецензии читателем. С этим связана еще одна функция визуального модуса – быть каналом манифестации образа читателя и связанного с ним ценностного комплекса. Важной составляющей этого образа является роль читателя-эксперта.

Экспертность любительской критики: к вопросу о (само)идентичности

Используемые мультимодальные каналы передачи информации в книжных телеграм-каналах заставляют осмыслить явление непрофессиональной литературной критики в Сети в новом ракурсе. Перед нами, несомненно, запечатленная работа эстетического сознания (эстетическое понимается как эмоционально-оценивающее освоение реальности, в данном случае реальности художественной). При

⁸URL: https://t.me/asya_ree (дата обращения: 08.04.2025).

⁹URL: https://t.me/ne_apelsinki/749 (дата обращения: 08.04.2025).

¹⁰URL: https://t.me/Diagon_Alley_Channel/4184 (дата обращения: 08.04.2025).

¹¹URL: https://t.me/helly_hygge/1087 (дата обращения: 10.04.2025).

этом автор отзыва отдает отчет в том, что он непрофессиональный читатель. Так, автор канала «Читаю, вникаю» (@nellyreads) в отзыве на книгу Донны Тартт «Тайная история» признается: «Я не критик, не филолог, не литературовед. Я не понимала ничего из того, что могла бы понять, прочитай я Платона, Еврипида и иже с ними. Да, я наверняка получила бы больше удовольствия, улавливая все эти отсылки, но, боюсь, с таким экстазом я бы уже не совладала»¹².

Тем не менее авторы книжных телеграм-каналов претендуют на роль экспертов. В ряде случаев эта роль визуально поддержана с помощью эмодзи 📖👤. Позиция эксперта требует речевой реализации в пределах определенного дискурса. Очевидно, в случае читательской рецепции это должен быть литературно-критический дискурс. Как было показано выше, косвенно доказывает это зачеркивание зафиксированных очень личных эмоций, которые не вписываются в критический дискурс и обнаруживают непрофессионализм автора.

Как отмечает Ю. В. Щербинина, «нынче экспертом становится каждый, объявивший себя экспертом <...> К любительской („народной») критике прислушиваются уже не только сетевые авторы, но и публикуемые в печатных изданиях. Заводишь профиль в соц-сети, начинаешь вести персональный блог, регистрируешь свой интернет-видеоканал – и ты уже критик, колумнист, обозреватель. Устанавливается формат автолегитимности любого высказывания – достаточно лишь его обнародования, публичной фиксации. При таком порядке вещей институция экспертизы не то чтобы вовсе отмирает, но становится отчасти фикцией» [11: 185]. Экспертность – понятие, которое сегодня предполагает широкий уровневый спектр, высшим в нем является позиция профессионального литературного критика, филолога. В непрофессиональной критике позиция эксперта – позиция читателя, который оценивает и транслирует свою оценку на большую аудиторию интернет-пространства. Эта позиция поддерживается не знанием литературного контекста, опытом анализа текста, владением понятийным аппаратом и т. п., но уверенностью в том, что «мое личное мнение» о прочитанном значимо и будет интересно подписчику, количеством подписчиков, самим фактом чтения, участием в литературных мероприятиях (встречи с писателями, презентации книг, взаимодействие с издательствами). Этот феномен подтверждает верность выводов, к которым приходят А. Г. Жукова и О. И. Северская: слова «эксперт»,

«экспертность» в сознании носителей языка сопрягаются как со словарным значением, так и контекстным, связанным с медийностью, публичностью, рыночной экономикой, что обусловлено воздействием «межъязыковой интерференции, глобализации и маркетизации дискурса, цифровизации и текстинга» [12:24]. В значении слова «экспертность» исследователи выделяют компоненты: специфические знания и опыт, медийность, доступность изложения, востребованность аудиторией и продаваемость.

Описанные выше визуальные формы коммуникации, которые используют авторы книжных телеграм-каналов, «работают» на образ читателя-эксперта. Однако осознаваемый непрофессионализм является причиной целого ряда замещений дискурсных компетенций, а мультимодальные ресурсы оказываются своеобразными «протезами».

Стереотипный образ критика-профессионала становится неким воображаемым Другим, представление о котором сформировано школой, другими культурными институтами в процессе социализации.

Собственно авторское Я в этой коммуникации – это и Я как субъект чтения и письма, выражающий свои эмоции от прочитанного, и Я как исполнитель роли, заданной жанром книжного блога, сетевой средой коммуникации, и в этом смысле это Я конструируемое. В нем целый комплекс Других, что проблематизирует вопрос о (само)идентичности автора канала. С одной стороны, перед нами критик-любитель как часть общности «коммуникаторы в Сети», «активные пользователи», принадлежность к которой осознается либо не рефлексирована. Читатель здесь – «Я такой же как Другие» в этой общности. С другой стороны, критик-любитель представляет как часть общности «критик» и в то же время, как видим, противоречиво фиксирует эту идентичность. Ему важно уйти от образа профессионального критика и его установки на общезначимость суждения (Я не такой как ты, я Другой). Не менее важно приблизиться к образу критика-эксперта, однако осознание недотягивания до желаемого уровня рождает идентификационный вариант «Я – Другой (в смысле “чужой”»)» в этой общности. В этом пространстве противоречивой идентичности существует сетевой критик-любитель.

Заключение

Отзывы читателей-авторов книжных телеграм-каналов демонстрируют признаки наивного спонтанного письма, которое одновременно и претендует на экспертность, и боится

¹²URL: <https://t.me/nellyreads> (дата обращения: 10.04.2025).

сравнения с экспертным профессиональным мнением. Псевдопрофессионализм читателя-любителя, который выступает в роли эксперта, становится причиной целого ряда замещений дискурсных компетенций. А мультимедальные ресурсы оказываются своеобразными «протезами». Они создают эффект внешней эстетизации процесса чтения, восполняя нехватку целостного восприятия текста с установкой на семантическую насыщенность каждого элемента; замещают аргументацию критического суждения эмоциональной реакцией. Впечатление от прочитанного («увлекательно», «сложно», «скучно», «зацепило») подается как суждение вкуса. Неспособность объяснить вызванную текстом эмоциональную реакцию замещается

дублирующим ее эмодзи, выделением шрифтом.

Если претензия литературного критика-профессионала на общезначимость суждения определяет использование разных форм «очищения» от субъективного (ссылка на собственный авторитет/осведомленность, на авторитет общественного мнения, на авторитетное лицо, апелляция к тексту, фактам), то любитель-критик не скрывает субъективность оценки, описывает непосредственные впечатления от прочитанного. Вместе с тем он претендует на роль эксперта. Об этом свидетельствуют в том числе визуальные формы редактирования текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власенко Е. Книжный блогер как актер: трансформация социальных ролей в литературе // Новое литературное обозрение. 2022. № 4 (176). С. 360–376. http://doi.org/10.53953/08696365_2022_176_4_360, EDN: JZEIPQ
2. Елина Е. Г., Павленко Р. И. Жанровые дефиниции в современной читательской литературной критике // Жанры речи. 2024. Т. 19. № 2 (42). С. 125–134. <http://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-125-134>, EDN: SBDBLV
3. Мосунова Л. А. Эстетические оценки в отзывах читателей о современной литературе // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў. 2022. № 3 (45). С. 85–92. EDN: SOSZRH
4. Беляева Н. Е. Чтение художественной литературы в Интернете: изучение современных читательских практик // Вестник культуры и искусств. 2017. № 2 (50). С. 47–52. EDN: YTNWKB
5. Матвеев М. Ю. Читательская критика в Интернете: проблемы и противоречия // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2023. № 2 (55). С. 161–170. <http://doi.org/10.30725/2619-0303-2023-2-161-170>, EDN: CEWKYX
6. Говорукина Ю. А. Современная литературная критика: «терпимо», «не терпится» и «терпеть не могу» // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог : колл. моногр. / науч. ред. Т. Л. Рыбальченко. Томск : Томский государственный университет, 2021. С. 203–228. EDN: QFYHUA
7. Савельева Т. В. Читательский отзыв как способ самовыражения личности в медиaprостранстве // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 1 (43). С. 44–52. <http://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10105>, EDN: JABZSG
8. Гусейнов Г. Ч. Неполная коммуникация в блогосфере: эрративы и литуративы. URL: <https://www.speakrus.ru/gg/litulative.htm> (дата обращения: 09.04.2025).
9. Занежина Н. Н. Я этого не говорил: о литуративах, зачеркиваниях или мнимых текстах // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы ежегодной междунар. конф. «Диалог 2009». Вып. 8 (15). М. : РГГУ, 2009. С. 112–115. EDN: PWYEWB

10. Савицкая Л. С. О приеме зачеркивания как средстве метакатегориальной организации модусной перспективы высказывания (на материале интернет-дневников) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 6 (2). С. 346–349.
11. Щербина Ю. В. Поиски скакуна (об экспертизе литературного творчества) // Знамя. 2014. № 12. С. 185–186.
12. Жукова А. Г., Северская О. И. Эксперт, экспертиза, экспертность: реакция языка на вызовы времени // Русский язык за рубежом. 2024. № 4 (305). С. 18–26. <http://doi.org/10.37632/PI.2024.305.4.004>, EDN: DKGDFD

REFERENCES

1. Vlasenko E. Book blogger as an actor: Transformation of social roles in literature. *New Literary Review*, 2022, no. 4 (176), pp. 360–376 (in Russian). http://doi.org/10.53953/08696365_2022_176_4_360, EDN: JZEIPQ
2. Elina E. G., Pavlenko R. I. Genre definitions in modern readers' literary critics. *Speech of Genres*, 2024, vol. 19, no. 2 (42), pp. 125–134 (in Russian). <http://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-125-134>, EDN: SBDBLV
3. Mosunova L. A. Aesthetic assessments in readers' reviews of modern literature. *Bulletin of the Belarusian State University of Culture and Arts*, 2022, no. 3 (45), pp. 85–92 (in Russian). EDN: SOSZRH
4. Beliaeva N. E. Reading fiction on the Internet: A study of contemporary reading practices. *Bulletin of Culture and Arts*, 2017, no. 2 (50), pp. 47–52 (in Russian). EDN: YTNWKB
5. Matveev M. Reader criticism on the Internet: Problems and contradictions. *Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*, 2023, no. 2 (55), pp. 161–170 (in Russian). <http://doi.org/10.30725/2619-0303-2023-2-161-170>, EDN: CEWKYX
6. Govorukhina Iu. A. Contemporary literary critics: “tolerable”, “I can’t wait” and “I can’t stand it”. In: *Russkaia literatura v XX veke: imena, problemy, kul’turnyi dialog: koll. monogr. Nauch. red. T. L. Rybal’chenko* [Rybalchenko T. L., sci. ed. Russian Literature in the 20th Century: Names, Problems, Cultural Dialogue: Collective Monograph]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2021, pp. 203–228 (in Russian). EDN: QFYHUA
7. Savel’eva T. V. Reader Review as a way of personal self-expression in the media space. *Sign: Problematic*

Field of Media Education, 2022, no. 1 (43), pp. 44–52 (in Russian). <http://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10105>, EDN: JABZSG

8. Guseinov G. Ch. Incomplete communication in the blogosphere: Erratives and lituratives. Available at: <http://www.speakrus.ru/gg/litulative.htm> (accessed April 09, 2025).

9. Zanagina N. N. I didn't say this: About lituratives, strikethroughs, or imaginary texts. In: *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: materialy ezhegodnoi mezhdunarod. konf. "Dialog 2009". Vyp. 8 (15)* [Computer Linguistics and Intellectual Technologies: Materials of the annual international. conf. "Dialogue 2009". Iss. 8 (15)]. Moscow, Russian State University for the Hu-

manities Publ., 2009, vol. 8 (15), pp. 112–115 (in Russian). EDN: PWYEWB

10. Savitskaia L. S. On the technique of strikethrough as a means of metacategorical organization of the modal perspective of an utterance (based on online diaries). *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky*, 2009, no. 6 (2), pp. 346–349 (in Russian).

11. Shcherbinina Iu. V. Search for a racehorse (on the examination of literary creativity). *Znamya*, 2014, no. 12, pp. 185–186 (in Russian).

12. Zhukova A. G., Severskaia O. I. Ekspert, ekspertiza, ekspertnost', or expert & expertise: Linguistic rethinking of the time challenges. *Russian Language Abroad*, 2024, no. 4 (305), pp. 18–26 (in Russian). <http://doi.org/10.37632/PL.2024.305.4.004>, EDN: DKGDFD

Поступила в редакцию 30.04.2025; одобрена после рецензирования 25.06.2025; принята к публикации 25.06.2025; опубликована 01.06.2026

The article was submitted 30.04.2025; approved after reviewing 25.06.2025; accepted for publication 25.06.2025; published 01.06.2026

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 2 (50). С. 227–238

Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 2 (50), pp. 227–238

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-227-238>, EDN: YRMMAO

Научная статья

УДК 811.161.1'38'42:004.738.5+929Кирьянова

Речежанровая структура психологических эссе Анны Кирьяновой: аксиология, поучительность, директивность

В. В. Дементьев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории,
истории языка и прикладной лингвистики, dementevvv@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Аннотация. Исследуются психологические эссе психолога, философа, писателя Анны Кирьяновой, размещенные на платформе Дзен за 2018–2025 гг.: речежанровые новации и речежанровый синтез анализируются с точки зрения аксиологии, поучительности, директивности.

В зависимости от степени обязательности выделяются прагматические типы прямых и косвенных директивов: 1) наиболее обязательные и наиболее формализованные «правила», чаще всего с этим словом; 2) обязательные формулировки: *вы должны, необходимо*; 3) высоко формализованные, но менее обязательные советы (чаще всего с этим словом) и инструктивы (со словом «способ»/«способ, как...»), сюда же относятся инфинитивы со словом «как» (в т. ч. с «не»), прежде всего в заголовках; 4) косвенное выражение директивности через оценочные высказывания/оценочные лексемы; 5) выводные косвенные высказывания без прямой оценки; 6) наименее обязательные и наименее директивные (выводные) жизненные истории, исторические и литературные сюжеты.

Рассматриваются языковые средства воздействия, экспрессии, суггестии, используемые А. Кирьяновой для выражения прагматических типов директивов: лексические средства (составлен частотный словарь); грамматические (пов. накл., буд. вр. глаголов); ирония; метафора. Показано, что тематически ирония в ЭК чаще всего связана с материальными ценностями, человеческой жадностью. Этому малому разнообразию иронии соответствуют и метафоры: широко представлены только стоимостные, пищевые и артефактные модели метафоризации, в которых именованья функций потребления переносятся на человеческие отношения.

Отдельное микроисследование посвящено реконструкции ценностного образа автора.

Ключевые слова: А. Кирьянова, речевой жанр, блог, психологическое эссе, аксиология, поучительность, директивность

Для цитирования: Дементьев В. В. Речежанровая структура психологических эссе Анны Кирьяновой: аксиология, поучительность, директивность // *Жанры речи*. 2026. Т. 21, № 2 (50). С. 227–238. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-227-238>, EDN: YRMMAO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The linguistic structure of Anna Kiryanova's psychological essays: Axiology, didacticism, directiveness

V. V. Dementyev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vadim V. Dementyev, dementevvv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Abstract. The research is based on psychological essays of a psychologist, philosopher, and writer Anna Kiryanova, posted on the Zen platform in 2018–2025. Speech genre innovations and speech genre synthesis are analyzed from the point of view of axiology, didacticism, and directiveness.

Depending on the degree of obligatory nature, the author singles out the following pragmatic types of direct and indirect directives: 1) the most obligatory and most formalized “rules”, most often with this word;

2) obligatory statements: you must, you have to; 3) highly formalized, but less obligatory advice (most often with this word) and instructions (with the word “way”/“way to do ...”), also including infinitives with the word “how” (including those with “not”), primarily in headings; 4) indirect expression of directiveness through evaluative statements/evaluative lexemes; 5) deductive indirect statements without direct evaluation; 6) the least obligatory and least directive (deductive) life stories, historical and literary plots.

The research focuses on linguistic means of influence, expression, and suggestion used by A. Kiryanova to express pragmatic types of directives: lexical means (a frequency dictionary has been compiled); grammatical means (imperative mood, future tense of verbs); irony; metaphor. It is shown that thematically, irony in Kiryanova’s essays is most often associated with material values, human greed. Metaphors also correspond to this small variety of irony: only value, food, and artifact models of metaphorization are represented widely, in which the naming of consumption functions is transferred to human relations.

A separate micro-study deals with the reconstruction of the author’s value image.

Keywords: A. Kiryanova, speech genre, blog, psychological essay, axiology, didacticism, directiveness

For citation: Dementyev V. V. The linguistic structure of Anna Kiryanova’s psychological essays: Axiology, didacticism, directiveness. *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 2 (50), pp. 227–238 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-227-238>, EDN: YRMMAO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В последнее время в Интернете складываются многие новые жанры и жанроподобные феномены синтетической природы с весьма своеобразной иллюкативной, текстово-нарративной, художественной и т. д. структурой (см.: [1–9]). Некоторые из них относительно близки к более традиционным жанрам книжной и устной словесности, СМИ, другие – весьма далеки от них. Иногда у истоков подобных феноменов стоит один конкретный автор, чаще – целая группа авторов, более или менее тесно связанных личным общением. Подобным образом около 30 лет назад сложился жанр *блога*, с тех пор ставший одним из наиболее распространенных и влиятельных в интернет-коммуникации (он уже хорошо изучен в интернет-лингвистике и интернет-жанроведении – см., например: [10–18]: показано, с одной стороны, представленное в Интернете большое разнообразие блогов, с другой – значимые генеалогические связи данного жанра с многими интернет- и доинтернет-жанрами – при отсутствии прямых предшественников жанра). Наиболее яркие блог-посты пользуются большой популярностью, набирают за короткое время множество просмотров, «лайков», комментариев, ими делятся, на них ссылаются, их цитируют, им подражают. Все эти факторы, как известно, могут приводить к формированию новых вариантов жанра и даже полноценных речевых жанров [14, 19].

В отечественной и мировой блогосфере заметное место занимают блоги инструктивные, директивные, учебные, обучающие и поучающие. Они тоже очень многообразны как

по содержанию (политика; медицина; педагогика; психология: межличностных отношений, семейная и т. п.; религия; магия и эзотерика; техника, в т. ч. компьютеры, софт, гаджеты, автомобили; домашние животные, растения; коллекционирование и т. д.), так и по форме (нарративные структуры, способы аргументации, использование средств речевого воздействия, суггестии, выразительности и образности речи, включая юмор, иронию, прецедентные тексты и мемы разных типов); представлено и собственно жанровое разнообразие (существуют специальные (официальные) чаты и форумы, созданные производителями IT- и т. п. техники; консультации официальных (находящихся в штате организации) и неофициальных специалистов – программистов, врачей, психологов и т. п.; публикации, содержащие описание, размышления и многочисленные примеры). Среди них выделяются художественные тексты с тщательно продуманной, выстроенной формой, богатым использованием экспрессии, напоминающие притчи, проповеди и т. п., иногда встречаются и эти и подоб. номинации¹).

Поучающий дискурс и его тексты и жанры, особенно советы и инструктивы, активно рассматриваются в лингвистике, в т. ч. интернет-лингвистике, прежде всего, с точки зрения средств языкового воздействия, используемых речевых стратегий и т. п. [20–29].

Настоящая статья посвящена психологическим эссе в авторском блоге философа, психолога, писателя Анны Кирьяновой (далее – ЭК), которые занимают заметное место среди поучающе-директивных блогов.

¹Так, писатель-блогер Эдуард Лимонов (1943–2020) в своем ЖЖ в последние годы жизни регулярно называл свои посты *проповедями*, иногда – *дацзыбао*: <https://limonov-eduard.livejournal.com/>.

ЭК сами по себе являются достаточно интересными для того, чтобы быть полноценным объектом лингвистического исследования (А. Кирьянова активно использует средства суггестии, художественной образности, юмор, иронию, а также многочисленные прецедентные тексты и сюжеты как из собственной жизни, так и из отечественной и мировой истории, мифологии, религии, литературы, кино), но представляют несомненный интерес и с речевжанровой точки зрения: хотя было бы преждевременно говорить, что ЭК – полноценный сложившийся жанр, элементы начальной жанровой стандартизации и стереотипизации несомненно присутствуют; значимы с этой точки зрения и высокие популярность и влияние (практически каждый новый текст А. Кирьяновой буквально за несколько первых часов набирает тысячи «лайков»).

Материал – более 600 (точнее – 661) эссе Анны Кирьяновой за 2018–2025 гг., скачанных с платформы Дзен (https://dzen.ru/anna_kiryanova): ок. 1200 страниц, ок. 300 тыс. (точнее – 293 370) слов, ок. 2 миллионов (точнее – 1 881 170) знаков. Средний объем одного ЭК – ок. страницы; всегда есть заголовок, часто имеющий яркую, образную, привлекающую внимание форму. Все тексты написаны хорошим литературным языком, тщательно отредактированы, полностью соответствуют нормам письменной речи, ошибки отсутствуют (довольно многочисленные разговорные слова и выражения, элементы разговорного синтаксиса явно используются сознательно для лучшего контакта с читателем – «простым человеком»), как и приметы неофициальной интернет-коммуникации – эллипсис, смайлы, капслок и т. п. Блог А. Кирьяновой представлен только блог-постами (собственно ЭК), комментарии отключены².

Задачи и методика

В настоящей статье ЭК рассматриваются, прежде всего, с точки зрения жанровых традиций и новаций, жанрового синтеза, взаимовлияния и пересечения (и «взаимоотторжения») разных жанров.

Для решения данных задач осуществляются следующие микроисследования: на основе сюжетов ЭК реконструируется ценностный образ автора и образ его отношений с читателями (аксиологический анализ); анализируются реализующие данные отношения статусная вертикаль, текстовые категории поучительности и директивности (прагмалингвистический анализ); языковые средства, используемые А. Кирьяновой для выражения данных кате-

горий (лингвистический анализ). Отдельные микроисследования посвящены директивам разных типов (степень стандартизации и стереотипизации, близость к жанровой структуре совета и др. жанров поучающего дискурса, степень облигаторности); используемым средствам суггестии, эмоциональной и художественной выразительности (ирония, метафоры), аксиологии (ценности и способы апелляции к ним).

1. Образ автора

Личность блогера является определяющей для жанра блога, блогосферы и интернет-пространства в целом. Личности наиболее ярких и влиятельных блогеров значимы для формирования новых вариантов и разновидностей жанра. В интернет-лингвистике множатся речевые портреты блогеров [30–36].

Представляется, именно синтетический образ автора ЭК (А. Кирьянова выступает как писатель, философ, психолог, носитель здравого смысла, женской мудрости, богатого жизненного опыта и достаточно высоких моральных устоев (чаще всего несколько ролей сосуществует в одном тексте)) в основном обуславливает жанровые новации, которые нас интересуют.

С точки зрения текстовых структур ЭК значимыми являются следующие особенности языковой личности автора:

- строящий свои отношения и общение с адресатом по вертикали (отсюда и директивность), при этом понятный, «свой» (частотное использование эксплицитных средств контакта, прямых обращений к читателю (*знаете, ...; послушайте...; вот что я вам скажу...; я дам вам простой совет...*));
- знающий, образованный, компетентный, умелый:

...И женщина спросила у всех в сети: как устроить свою жизнь? Как найти счастье и любовь? Ей дали много советов. <...> **Что делать-то? Как найти счастье? Страшно доживать жизнь в одиночестве. Я философ. И поделюсь своим взглядом на ситуацию;**

На философском факультете изучали высшую математику. Я избегала алгебры! Уравнений, чисел, формул... А тут пришлось сутками заниматься, учить наизусть, решать... Все, что не нравилось, стало необходимостью. И это был тяжелый утомительный труд. Кропотливый и мучительный. **Я справилась. Так в жизни и бывает;**

- при этом иногда подчеркнуто «простой человек», противопоставляющий «обычную земную мудрость» абстрактному умствованию:

²А. Кирьянова выкладывает и видеопосты, которые в целом очень похожи на письменные ЭК, но, конечно, обладают рядом особенностей, – этот материал здесь не рассматривается.

Излишняя психологизация вредит, как говорила давным-давно моя преподаватель, профессор психологии. И была совершенно права. Иногда надо смотреть не в себя, погружаясь в глубины психики. А вокруг себя. На реальную жизнь;

- яркий писатель, хороший, увлекательный «рассказчик историй»;
- подчеркнутый реалист, прагматик, «земной человек» (высоко ставит материальное и прямо говорит об этом):

Сколько денег на карте – то и можешь себе позволить. За что можешь заплатить – то и заслуживаешь. Что заслужил – то и ешь. Как потопал, так и полопал, извините за народную грубость. С чего человек взял, что он достоин лучшего? Надо сначала разобраться с этим утверждением. Каковы таланты, усилия, результат труда? *А если достоин, надо заработать на лучшую жизнь. Раздобыть средства. А потом брать то, что вкуснее и лучше. Это дороже стоит, вот и всё;*

- при этом верит (умеренно) в трансцендентальные явления, в эзотерику, чудеса:

Есть иной способ существования. И иная жизнь. Это моё мнение. Мой личный опыт. И опыт людей, которые рассказывали о своих ощущениях и впечатлениях. И мучительно подбирали слова, как на чужом языке. Чтобы описать родной дом души, в котором побывали. *Я в это верю;*

- верующий (?) (прямые отсылки к христианским ценностям и текстам, как и мусульманским, встречаются, но не часто, как и истории о людях, прямо исповедующих эти и др. религии).

В целом система ценностей А. Кирьяновой, насколько можно судить по ее текстам³, близка к христианской морали (выше всего – любовь), но есть отличия, в частности, она высоко ставит деньги; вообще частотно проповедует прагматизм: советы направлены на поиск выгодных решений, уступки рекомендуются только двусторонние: слишком хорошим / добрым / вежливым быть не надо, так как тем самым попадаем в зависимость от других и даже «рабство», этим чаще всего пользуются плохие люди; запас сил и энергии не безграничен, и их не надо растрчивать неразумно, надо высоко ценить себя: свои деньги, работу, время, сочувствие (и не позволять бесплатно использовать = воровать):

Знаете, обслуживание дорого стоит. Но рабам ничего не платят. А эмоциональное обслуживание стоит очень-очень дорого. Недаром психотерапевты берут такие деньги. Но приживалкам за это ничего не платят. Дают харчи и одежду, – и хватит с них.

Или чаю дают и бутерброд с колбасой. Да хоть с чёрной икрой бутерброд, – все равно его не берёшь, а его именно дают. Хозяева из милости дают приживалке. Приживалку финансируют по остаточному принципу; «на тебе, убоже, то, что нам нежже!». Используют для развлечения и эмоциональной подпитки, когда угодно хозяевам.

Антиценности в картине А. Кирьяновой – жизненная пассивность (практически только бытовая) и отказ от борьбы (особенно частотно – за справедливость распределения вознаграждения), а также, как ни странно, уступчивость, бескорыстие и, в общем, недифференцированное делание добра (особенно много места занимают разъяснения, какие люди не стоят бескорыстного оказывания услуг):

...А при жизни этого альтруиста семья тоже страдала. Он свободное время отдавал работе на других. И деньги отдавал чужим. И силы тратил на помощь, без которой люди могли бы обойтись. Они обращались к этому безотказному человеку просто потому, что это был самый легкий способ. Позвонил – и пришел добровольный помощник! Этому человеку нравилось, что его зовут и хвалят. В глубине души он чрезмерно дорожил мнением посторонних людей. Это была своеобразная плата за его добро. Считаться добрым. И малодушие, извините. Человек боялся отказать. Ведь им будут недовольны! А как же его репутация добряка? Хорошее отношение? Своим отказать легко! Вот и отказывал. «Не могу сегодня с тобой пойти гулять, обещал соседу помочь поменять резину на машине!». Легко ведь? А чужим трудно. Они обидятся. Сморщатся. Посмотрят косо... А свои поймут и стерпят. <...> *В альтруизме есть скрытое зло. В чрезмерном альтруизме, безрассудном и безответственном. Если человек отдаёт то, что принадлежит не только ему.*

Конечно, эта картина мало согласуется с православной этикой, да и важная для А. Кирьяновой оппозиция «хорошие люди ~ плохие люди» не самая христианская, как и частое подчеркивание: надо быть хорошим для своих, для чужих – не обязательно:

Не надо отталкивать своих котиков ... А вот чужих иногда можно и мягко оттолкнуть. Чужих недобрых людей и недобрые тревожные мысли. Это маленькое усилие, но необходимое.

Картину эту А. Кирьянова не только обособливает, но и активно транслирует, даже пропагандирует: учит стремиться к справедливости, не уклоняться от борьбы, когда это необходимо, учит конкретным способам борьбы с манипуляторами и вампирами.

³Методологически подобным образом реконструирует системы ценностей В. И. Карасик – ср. его монографию «Языковые камертоны смысла» [37], четыре главы которой посвящены, соответственно, аксиологическим характеристикам концептов, аксиологическим характеристикам сюжетов, аксиологическим характеристикам дискурса, аксиологическим характеристикам номинаций.

2. Прямые и косвенные директивы: прагматические типы

Поучительность и директивность присущи практически всем ЭК, они в значительной степени обуславливают текстовую и языковую структуру ЭК, однако проявляются в них по-разному в зависимости от степени облигаторности директивов. С этой точки зрения достаточно четко выделяются типы:

1) наиболее облигаторный и одновременно наиболее формализованный участок поля поучительности – «правила», чаще всего с этим словом (*простое правило, жизненное правило, грустное правило, спасительное правило*) или синонимами (*законы, закон жизни*). В тексте «правила» могут предшествовать обсуждаемому тезису (дедуктивные правила) или следовать за ним (индуктивные), иногда в виде нумерованного списка:

Хороших людей не так много. На всех не хватит. Это сокровище – хороший человек. Любящий и преданный. Вот его-то и предают. И причины понятны. **И это грустное правило жизни...**;

Чем мельче и ничтожнее личность того, кто втягивает вас в конфликт, тем больше энергии вы потеряете. **Таков закон жизни;**

2) облигаторные формулировки: (*вы*) **должны, необходимо..., надо/не надо, нужно/не нужно, нельзя** (обычно в сочетании с относительными местоименными наречиями *почему, зачем, как* в препозиции):

Мир совсем не безопасное место, жизнь полна испытаний, **но надо мужаться** – проявлять силу духа и сдержанность. **И надо бодриться** – изо всех сил стараться действовать энергично и противостоять обстоятельствам. Или принимать их как данность, терпеть, надеяться на лучшее;

Слабый характером человек **должен** осторожно пускать жильцов в свою жизнь. Пустить легко. А выгнать иногда трудно. Даже невозможно. Так и будешь пожизненно содержать и питать, если не умеешь говорить «Нет»;

Почему уступать **надо** разово и только в виде исключения;

Почему нельзя работать бесплатно против своей воли;

3) тоже высоко формализованные, но менее облигаторные эксплицитные **советы**: чаще всего со словами *я советую/не советую, (вот) мой совет, простой совет, жизненный совет, здравый совет, здравомысленный совет, совет психолога, совет философа* и инструктивы (здесь частотны слова *способ/способ, как...*):

...наилучший **совет**: зарабатывайте и живите на заработанное. Тратьте на жизнь. На образование, здоровье, на близких, на хорошее питание, на свой дом. И превращайте деньги во что-то менее летучее и текучее. Овеществляйте;

Я дам **простой детский совет** с детским разговорным словом. Слово приличное. Совет полезный. Не выделяйся. Это дорого обходится;

Простой способ дать человеку себя показать. <...> **Способ был прост** – хорошее отношение. Хорошие люди постараются быть достойными хорошего отношения. Оправдать кредит доверия. Отплатить за добро. А нехорошие – будут требовать все больше и больше, распускаясь на глазах.

Не дарите плохие подарки. **Искренне вам это советую**. И вы будьте искренними. Плохой подарок – это неискренний подарок. Когда дарят просто чтобы отметить. Или избавиться от ненужного;

Сюда же относятся инфинитивы со словом «как»/«как не...»/«как..., если...»/«как быть, если...»/«что делать, если...», (в смягченном варианте) «почему бы не + инфинитив», а также формулы *если хотите..., то надо.../если не хотите..., то не надо...*:

Как найти счастье, если человек не нашел его до шестидесяти лет;

Как не взять чужие проблемы, если кому-то помогаешь;

«Синдром вахтера». **Как общаться с тем, кто** вымещает на нас свои комплексы;

Что делать, если нет настроения шалить и праздновать.

Встречаются эксплицитно (с примерами) сформулированные способы поведения в сложных ситуациях – например, в токсичном общении:

Я могу посоветовать только моральный способ. Этический, философский. Способ искренности. Да, он прост и даже груб иногда. Но по крайней мере мы останемся в мире с собой. Останемся честными. Не будем лгать и притворяться, – а к этому нас и принуждает тот, кто навязывает неприятное общение и требует невозможного. **«Я не дам тебе деньги в долг, потому что ты мне не отдашь. Ты так уже делал. Нет и все тут!»**. **«Я не могу разговаривать с тобой сейчас. Ты опять начнешь ныть и рассказывать про свои отношения с Дмитрием. Я не могу больше это слушать. Я не психолог на приеме, я обычный живой человек, у меня свои проблемы. И я потом плохо себя чувствую целый день. Пожалуйста, не говори со мной на эту тему, я не хочу и не могу!»**. **«Да, я подозреваю, что ты обманываешь меня. Доказать это я не могу. Но мне тяжело общаться с тобой!»**. **«Я не могу ответить на ваши чувства. Я люблю своего мужа»**. **«Уже поздно. Я хочу отдохнуть. Мне завтра на работу. Пожалуйста, идите домой!»**. **«Я расстроилась после ваших слов о моем платье. Неприятно стало. Больше не хочу с вами разговаривать!»**. О да, я знаю, какой может возникнуть знатный конфликт. Как вас начнут втягивать в диалог и заставлять оправдываться. Как вас будут обвинять, какое лицо сделают, – я знаю. Чаще всего так и происходит. Но вы сохраните себя и свои силы;

4) менее облигаторное косвенное выражение директивности через **оценочные** высказывания/лексемы:

А розовые очки разбились навсегда. **И прекрасно!** В них плохо видно жизнь;

Хуже нет для человека совестливого, воспитанного узнать, что он навязался. Ему не рады. Просто скрепя сердце согласились на его присутствие;

За обедом могли «обнести кушаньем». Слуги специально «забывали» подойти с блюдом к «неважному» человеку. Естественно, выполняя высказанную или невысказанную волю хозяев. Особенно если блюдо лакомое, дорогое; деликатес. Низкий статус гостя или неприязнь к нему вот так подчёркивались. Всем дадут фуа-гра или жареного гуся. А ты ешь суп и радуйся, что супа налили... И до сих пор обносят некоторых людей. Всем дали подарок, а им не дали. Всех позвали на вечеринку, а их не позвали. Всем дали шоколадки, а им – нет. Пронесли мимо. Вроде как не заметили. Сами едят вкусное. Подарки рассматривают. А эти люди тихонько хлеблют остывший суп... Вы на такие званые обеды не ходите. **А если так с вами обошлись, постыдно лепетать: «А мне тоже дайте кусочек!».** Фу, как постыдно. Если вы не нищий, которого из милости кормят, не пятилетний принц и не дряхлый старичок, пойдите и купите себе то, что хотите;

Вот это главная ошибка – когда мы получаем удар, мы думаем на тех, с кем мы в ссоре. А в памяти свежи именно последние события; недавние конфликты. На самом деле, никакого конфликта с тайным завистником может не быть;

5) еще менее облигаторные выводные **косвенные** высказывания без прямой оценки (с имплицитной директивностью): предиктивы, лексемы *признак/признак, что...*; (*жизненное*) *наблюдение*; (*философский*) *вопрос*; частотны формулы с относительными местоименными наречиями *почему, как, как можно...* без облигаторных *надо/не надо* и подоб.::

Шесть признаков того, что вам умышленно вредят...;

Признаки того, что вас назначили родителем. К вам усыновился взрослый человек;

Это простое наблюдение. Можно проотдыхаться в лок; власть в нищету, все потерять. <...> Не знаю ни одного успешно работающего на себя человека, который закрывает магазины на неделю без необходимости. Или рестораны. Или заводы. Или перестает торговать акциями, устраивая перерывы на обед. **Вот такое наблюдение;**

Как можно незаметно стать приживалкой;

6) констатирующие высказывания различного содержания: от трюизмов до субъективных мнений с высокой степенью утвердительности, часто безапелляционности, а тем самым – поучительности и имплицитной, косвенной директивности (частотны слова *всегда* и *никогда*, хотя, в отличие от предыдущих

групп, отсутствуют облигаторные *надо, вы должны*, эксплицитные формулировки типа *это закон, правило*):

Людам **всегда** ведь нужны дома. И верные, надежные друзья очень нужны. Это драгоценные сотрудники не только работы, – всей нашей жизни. Большая редкость;

...твоим **никогда** не станет то, что ты не понимаешь и не можешь понять. Музыка, которую ты не понимаешь, не станет твоей. Стихи, которые ты не способен понять, не станут твоими. И другой человек не станет твоим, если ты его не понимаешь;

Добрых и честных обижают. А потом снова приходят пользоваться их услугами;

Тот, кто воспользовался один раз, воспользуется и второй;

Ни на кого нельзя твердо рассчитывать;

... другим-то особо нет дела до нас;

7) наименее облигаторные и наименее директивные, чисто выводные: жизненные истории (иногда прямо-биографические из жизни А. Кирьяновой, чаще – типа *Одна женщина...*, *Как одна женщина стала...*), в т. ч. исторические и литературные сюжеты, сказки (по сути это *притчи*, хотя чаще всего без этого слова) и/или выводы из них (*«Так есть»*, *«Так бывает в жизни»*, *«В жизни бывает только так (к сожалению)»*), мораль (=выводная директивность) которых подразумевается. Судя по всему, многие такие истории придуманы самой А. Кирьяновой, например (текст этого ЭК приводится целиком):

Личные границы не всегда так уж надо отстаивать. Случай в автобусе Личные границы – это важно. Их надо защищать, отстаивать. Но не всегда. В этом-то и дело; не всегда. Жизнь многогранна. И одна решительная женщина ехала в автобусе. Далеко ехала, в соседний город. Рядом сел очень уставший мужчина. Бледный и с кругами под глазами. Женщина демонстративно отодвинулась, как могла. И стала смотреть в окно. А мужчина уснул. И голову во сне положил женщине на плечо. Едет и спит. Женщина сбрасывала голову! А сосед боромотал что-то во сне и снова клал голову на плечо. И так несколько раз. И женщина вздохнула и смирилась. Ей жалко стало почему-то будить уставшего человека. Так и доехали до станции. Двести километров. Мужчина ужасно извинялся. Он был хирург, очень устал, его вызвали на сложную операцию. А обратно не довезли, что-то с машиной случилось. А он торопился к маме, домой. Мама старенькая. И на автобусе поехал. И вот – уснул. И отяготил незнакомую женщину, нарушил её границы. Они тепло распрощались. И потом этот врач позвонил, пригласил в театр. Ну, или в кино можно! И потом много лет голова женщины лежала у него на плече. Там специальная ямка – точно под размер ее головы. И ни про какие границы женщина больше не думала. Потому что любовь. Семья. Счастье. Дети. Границы нужны. Но иногда нужны объятия. Или милосердие.

Или жалость. Вообще – человеческое тепло. Так в холодной ночи люди жмутся друг к другу, чтобы согреться. И выжить. Иногда только так и можно спастись.

Сюда же относятся тексты А. Кирьяновой, являющиеся художественными: нарративные новации, сентенции, формулировки, претендующие на афористичность:

Как не спугнуть птичку счастья;

Иногда другой человек начинает расширяться и распространяться, как сорняк. А мы превращаемся в чахлый злак, для которого нет больше солнечного света и свежего воздуха, нет питания...;

Жизнь переменчива. Сегодня ты царь горы, завтра – король ямы. Сегодня ты подводишь других, завтра тебя подвезут. И не надо ни сравнивать, ни завидовать, ни хвалиться особо. Можно все потерять. А можно – приобрести. Не всегда от нас зависит то положение, в котором мы оказались. Времена меняются. И меняется наше положение.

В целом стремление к смягчению речевого воздействия, избегание прямого давления на адресата в директивах, категоричности в директивах и оценках, тем более – экстремальной оценочности (когда приводит для подтверждения или иллюстрации своего положения грубое слово, поговорку и т. п., извиняется за это, ср.: *Как потопал, так и полопал, извините за народную грубость*) весьма характерны для текстов А. Кирьяновой (в отличие от других топовых блогеров, тоже склонных к директивности, например Э. Лимонова) и в дальнейшем могут стать предметом самостоятельного исследования.

3. Языковые средства

Подчеркнем: предлагается не полноценное всестороннее лингвистическое описание ЭК, а анализ некоторых, по нашему мнению, наиболее показательных языковых средств, используемых А. Кирьяновой для выражения рассмотренных в предыдущих параграфах моментов жанрового стандарта, новаций, синтеза – ценностного образа автора, его отношений с читателями: реализующих данные отношения статусной вертикали, поучительности, директивности, обличительности.

Прежде всего, нами составлен краткий частотный словарь слов, используемых А. Кирьяновой для выражения ценностных ориентаций, поучительности, директивности (таких как *необходимо, совет, справедливость*), а также значимых для данных категорий форм глагола (повелительное наклонение, будущее время).

Отдельные микроисследования посвящены используемому А. Кирьяновой иронии (с тематической точки зрения) и метафорическим

переносам (метафорическая модель, соответствующая данному тематическому типу иронии).

Лексические средства (в порядке убывания частотности) (повторяем: общее количество слов – 293 370): *любовь* – 517 раз (!), *надо/не надо* – 321/45 раз (!), *можно* – 295, *опасно* – 225, *правило* – 223, *нужно* – 196, *совет* – 188, *стоит (сделать)* – 173, *(за)платить* – 152 (*(о)плата* – 74), *признак (что)* – 123, *справедливый, справедливость* – 92 (*несправедливый* – 42), *должны, должен, должна* – 89, *дарить* – 87, *дружба* – 77, *жизненный (совет)* – 64, *однажды* – 63, *должен* – 61, *ценность* – 59, *необходимо* – 52, *психологический, психолог* – 49, *дорого* – 45, *использовать* – 31, *философский, философ* – 30, *не нужно* – 24, *дешевый (способ)* – 22, *нельзя* – 20, *должны* – 19, *бесполезно* – 17, *бесплатный* – 14, *моральный* – 13, *жадный* – 12, *потребитель, потреблять* – 12, *хороший человек* – 11, *(не)выгодно* – 3 (6), *христианский* – 0 раз (!), *аморальный* – 0, *плохой человек* – 0.

Грамматические средства:

- использование повелительного наклонения глагола (прежде всего – в советах и инструктивах, иногда в виде нумерованных списков):

Прежде чем верить в плохое, **посмотрите на личность того, кто это говорит**;

Если сразу появляется ощущение, что с вас пытаются получить долг – **унесите ноги от этого «кредитора»**. Ему недодали что-то в детстве, так считается. На самом деле, такому человеку давали слишком много. Он привык получать то, что ему хочется, без ограничений...;

Одни наносят раны. Но можно убежать или ответить. Другие внедряются исподволь, незаметно, безболезненно. Если не соблюдать правила психогигиены. Чистоту души и моральный иммунитет;

- **Чаще вспоминайте хорошее.** Успехи, радостные события, прекрасные места, где вы побывали, слова любви, которые вам говорили, свои добрые поступки, от которых тепло на душе, – хорошие воспоминания придают сил;

- **Следите за чистотой мыслей и слов.** Не участвуйте в сплетнях, не злитесь из-за пустяков, поменьше общайтесь с любителями нецензурной брани, не вглядывайтесь в отвратительное, постыдное. Грязь надо убирать, а не рассматривать;

- **Поддерживайте** других и благодарите за поддержку;

- **Старайтесь** больше времени посвящать прекрасным книгам, речам и зрелищам. И общению с развитыми духовно людьми;

- использование формы будущего времени (прежде всего – в предиктивах):

Если дают все меньше, потом **перестанут давать** совсем;

Тот, кто терпеливо сносит обиды, потом **отомстит**;

Тот, кто предал раньше, **сделает это снова**. Это древняя мудрость;

Не надейтесь. Они ничего **не купят**. Но **перемеляют** всю одежду – если вы одежду продаете.

Средства экспрессии:

Ирония – интересно, что тематически ирония в ЭК всегда связана с материальными ценностями, неумением и нежеланием зарабатывать деньги, оплатой и ее отсутствием, а прежде всего – человеческой жадностью (других тематических типов иронии в ЭК нам не встретилось):

Когда вас ценят меньше чем мешок. Знаете, сколько стоит мешок хорошего навоза? Триста пятьдесят рублей стоил год назад. Я специально поинтересовалась. И попробуйте подойти на рынке, например, и взять мешок, не оплатив. Вас остановят. Да вам и в голову это не придет. Это же навоз. Он стоит денег. Но **чужие услуги люди преспокойно стараются потребить бесплатно**. Ну, дали советы, подумаешь. Или позанимались **иностраным языком с ребенком**. Или о болезни доктор поговорил и порекомендовал план лечения, – он же сосед. Или знакомый соседа. Или в сети сидит же человек, пишет о своей работе. Разложил товар, так сказать. Пусть даёт бесплатно. Ерунда какая. Ему не трудно. Проконсультировал юрист, ответив на простыни писем, – это ведь не товар, за который надо платить? В крайнем случае, вам послали смайлик. И «спасибо» написали или сказали. Пусть попробуют так поступить на рынке, взяв мешок с удобрением. И посмотрят, что им ответят. Это, выходит, вашу работу ценят дешевле навоза. Если вы возьмете мешок и скажете «спасибо», вас пристыдят и мешок отберут. Даже если прибавите смайлик и лучик позитива. Потому что мешок навоза стоит 350 рублей. А ваш труд не стоит ничего. И люди вам это доказывают, когда готовы платить за другие товары. А за ваш товар, за труд, которым вы себя обеспечиваете, не платят вам ничего. Ничегошеньки. Они отлично понимают, что навоз дороже, чем ваша работа. Да и вы в целом;

Согласились поработать бесплатно? Так зачем назойливо спрашивать цену услуги? Вы же согласились. Вот вам ещё работенка, **добрый вы наш помощник!** Разрешили мне переночевать? Принимайте гостей! К вам едут мои родственники из деревни, поживут пару недель, **пеките пироги скорее!** Или милая такая на вид репетитор напомнила про деньги одному родителю. Тоже сняла маску. А ведь этот родитель верил ей. Подарил открытку к празднику. Тепло общался. Обсуждал искренне проблемы сына. И свои. **Доверился такой змее... Моментально репетитор разонравилась родителю**. Но зависть проявляется так: смотрят в чужую тарелку. И кажется людям, что там слишком много еды. Поэтому им достается мало! Надо на всех поделить. **Ишь**, заграбастал себе! **Давайте вообще его выгоним**. Гулливер слишком много ест

и объедает лилипутов. Пусть тоже довольствуется лилипутской порцией. Это соотносится с концепцией «ограниченного блага» Фостера. Если у кого-то больше, это он заграбастал из общего блага! А его и так мало! У Чехова гувернантку обвинили в краже хозяйской брошки. Обыскали. А потом брошка нашлась. А бедная гувернантка собрала свои пожитки и покинула дом. **Хотя ей же ясно сказали: брошь нашлась**. Ее вины нет. Можно дальше работать;

Этому малому тематическому разнообразию иронии соответствует и небольшое разнообразие **метафор** (что может показаться странным у писателя): фактически широко представлены только стоимостные, потребления (пищевые) модели метафоризации, а также артефактные, когда именование платежных операций и подоб. переносятся на человеческие отношения:

По доброте душевной можно не заметить, что нет ни любви, ни дружбы, ни простого уважения. Что есть просто **использование**. А потом нас оставят **платить по счетам**, а сами поедут кататься на горных лыжах, посвежевшие, румяные, бодрые... А нас не позовут. Потому что с каждым **использованием** мы теряем свою **ценность**, часть своей личности. И это чувствуют другие **потребители**; они тоже норовят нас **использовать**, как будто видят разрешающую надпись: «этим можно вытирать руки». Если не что-то похуже;

Если молчать и терпеть то, что не является нашим долгом, если обслуживать другим и бояться напомнить о своих потребностях, так и будешь **всех возить на себе**, пока не рухнешь. А люди найдут другой способ доехать до дома или на дачу. Хотя удобно было, что ни говори. Вот и подумайте, **чем вы платите** за ложное терпение. За страх быть отвергнутым. За боязнь вызвать недовольство;

...И второй случай – когда **тянутся к пище**. Волк бежит за зайцем не от любви и симпатии. Осьминог тянет щупальца к рыбке не из дружеского расположения. И тот, кто прямо жаждет общения от человека, которому это общение неприятно, просто хочет **подкрепиться. Отнять энергию. Съесть**. «Вы мне так нравитесь! Давайте дружить и общаться!» или «Давайте встречаться, я влюблен в вас!», – означает в таком случае: «Вы такой вкусный! Я хочу вами питаться!». Вы просто Пудинг из «Алисы в Стране Чудес». И от вас хотят отрезать ломти. Никакой истинной симпатией здесь и не пахнет. И вы можете убедиться в этом, отказав в общении. Вежливый отказ вызовет негодование и злость. И ножи перестанут прятать в кармане... Интуиция вас и предупреждает: **вас хотят съесть! Использовать**. А если пойдете против инстинкта и заведете отношения, всё кончится плохо.

Некоторую механистичность картины, образуемой этими двумя доминантами, Кирьянова, судя по всему, чувствует и пытается сгладить педализированием «жизненности», своего жизненного опыта.

А. Кирьянова активно использует **прецедентные тексты** из отечественной и мировой

истории, литературы, кино, а также сюжеты о деятелях отечественной и мировой истории, культуры, литературных и фольклорных персонажах, «обычных людях» (такие, как используемые на психологических тренингах в качестве иллюстративного материала), библейские сюжеты, мифы, анекдоты и т. п. Из-за их большого количества и разнообразия не приводим примеры; систематическое рассмотрение прецедентных текстов относится к перспективам исследования.

Заключение

Представляется, что исследование имеет ценность для понимания научно-популярного жанра психологического эссе в целом и той его модификации, которая присуща блогу Анны Кирьяновой (поучительность, прямая и косвенная директивность разной степени облигаторности); некоторые выявленные содержательные и структурные трансформации жанра, вероятно, имеют более общий характер и могут быть актуальны при осмыслении других интернет-жанров (блог-постов писателей и др. профессионалов: психологов, философов и т. д.).

В отличие от многих исследований, посвященных или жанру/жанрам, представленным в коммуникации блогеров, или речевому порт-

ретированию блогеров (см. обзор выше), в настоящем исследовании эти во многом противоположные направления выступают как взаимодополняющие: именно через особенности языковой личности Анны Кирьяновой объясняются многие черты ее психологического эссе (синтетический образ автора: психолог, писатель, материалист, идеалист и т. д.).

Является значимой также аксиологическая составляющая ЭК, которая выражается также разнообразно: иногда прямо, иногда – опосредованно через описываемые факты, аргументы, аллюзии и аллегории (интересно, что некоторым из привлекаемых А. Кирьяновой типов дискурса и жанров в данном процессе синтеза данная система ценностей вполне соответствует, некоторым – не вполне или вовсе не соответствует, например традиционному христианскому/православному дискурсу и его жанрам).

Показательно отсутствие среди аспектов образа автора политической составляющей – притом, что присущие А. Кирьяновой мастерство аргументации, воздействия, убеждения чрезвычайно востребованы именно у политических блогеров, особенно писателей (таких как, например, З. Прилепин, Э. Лимонов), поэтому несомненно интересно было бы соответствующее сравнение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Викторова Е. Ю. Дискурсивно-прагматическая специфика жанра лекции TED talk (сквозь призму функционирования в ней дискурсивов) // *Жанры речи*. 2019. № 4 (24). С. 254–266. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-254-266>, EDN: YQLSQI
2. Галичкина Е. Н., Акимов О. В. Игровой стрим как интернет-жанр // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 4 (48). С. 456–465. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-456-465>, EDN: YUNLBL
3. Дементьев В. В. Переживательные истории о котиках в Рунете в парадигме жанров волонтерского дискурса // *Жанры речи*. 2021. № 4 (32). С. 305–326. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-305-326>, EDN: QKJMI
4. Дементьев В. В. Научно-популярные статьи о животных: речевые характеристики и их динамика (на материале советской печати XX в. и публикаций в Рунете XXI в.) // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 43–57. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-43-57>, EDN: QKKNUM
5. Дементьев В. В. Научно-популярные статьи о космосе: опыт интегрального описания речевого жанра (на материале советской печати XX в. и публикаций в Рунете XXI в.) // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 139–151. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-139-151>, EDN: JWNEAY
6. Карасик В. И. Жанры сетевого дискурса // *Жанры речи*. 2019. №1 (21). С. 49–55. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>, EDN: YZSZFZ

7. Калинина К. В. Видеореакция, трэш-обзор, ностальгический обзор: к вопросу о новых оценочных жанрах интернет-коммуникации // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 4 (48). С. 447–455. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-447-455>, EDN: YNGACZ

8. Концевая Н. А. Жанр лонгрида: социолингвистический аспект // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 4 (44). С. 385–393. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-4-44-385-393>, EDN: YGPXPC

9. Пром Н. А., Евтушенко О. А., Шестакова О. А. Речевые жанры электронной коммуникации между преподавателем и студентом // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, №1 (45). С. 95–103. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-95-103>, EDN: XQBTBY

10. Макаров М. Л. Жанры в электронной коммуникации: Quo vadis? // *Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ИЦ «Наука», 2005. Вып. 4. С. 336–352. EDN: VLMNHA*

11. Волохонский В. Л. Психологические механизмы и основания классификации блогов // *Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet / под ред. В. Л. Волохонского, Ю. Е. Зайцевой, М. М. Соколова. СПб.: СПбГУ, 2007. С. 117–131. EDN: IAYOGH*

12. Курчакова Н. Формы самопрезентации в блоге // *Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet / под ред. В. Л. Волохонского, Ю. Е. Зайцевой, М. М. Соколова. СПб.: СПбГУ, 2007. С. 132–163.*

13. Баженова Е. А., Иванова И. А. Блог как интернет-жанр // *Российская и зарубежная филология. Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 4 (20). С. 125–131. EDN: PJENSZ*

14. Горошко Е. И., Полякова Т. Л. К построению типологии жанров социальных медий // *Жанры речи*. 2015. №2 (12). С. 119–127. EDN: VLFUMZ
15. Колокольцева Т. Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // *Жанры речи*. 2016. №2 (14). С. 96–105. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-97-105>, EDN: XUVJID
16. Шляховой Д. А. Жанровые характеристики блогов как электронных средств массовой коммуникации // *Вестник РУДН. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2017. Т. 8, № 4. С. 939–948. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-4-939-948>, EDN: YQZHL5
17. Ковтуненко И. В. Модели связного порождения текстов в русской блогосфере: прагматический и лингвокультурный аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2022. 40 с. EDN: VVSDJV
18. Кислицына Н. Н., Норец М. В. Жанр «блог» в аспекте лингвокогнитивного консонанса и диссонанса участников коммуникации // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2024. № 2 (119). С. 70–85. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-2-119-5>, EDN: ENHRYN
19. Горошко Е. И., Землякова Е. А., Полякова Т. Л. Жанры 2.0: проблема типологии и категоризации (на примере коммуникативного сервиса «Твиттер») // *Жанры речи : сб. науч. ст. М. ; Саратов : Лабиринт*. 2012. Вып. 8. Жанр и творчество. С. 344–356. EDN: MGXWYN
20. Алференко Н. А., Суслова М. А. Речевой акт совета в немецком языке // *Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков*. 2012. № 9. С. 5–16. EDN: TQOPWX
21. Архипенкова А. Ю. Выражение совета в английской и русской коммуникативной культуре : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 17 с. EDN: NKBQAT
22. Емельянова М. В., Филоненко В. А. Особенности выражения речевого акта совета в разнотипных языках // *Вестник Чувашияского университета*. 2015. № 4. С. 233–238. EDN: VKEWJN
23. Корнева В. В. Косвенные речевые акты совета в испанском и русском языках // *Германские, романские и русский языки в сопоставительном аспекте : сб. науч. тр. Воронеж : ВГУ ; Петров. сквер*, 1998. С. 102–110. EDN: TGCZCZ
24. Орлова Н. В. Культурная обусловленность динамики жанра (на материале советов в журнальных публикациях разных эпох) // *Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура*. С. 262–272. EDN: YPHXZJ
25. Рогоженикова И. Н. Прагматическое пространство директивного речевого акта «совет» в свете коммуникативной категории вежливости // *Актуальные вопросы современной науки*. 2008. № 4–2. С. 72–78. EDN: RCITIP
26. Соловьева А. А. Речевой жанр «совет» в разных типах дискурса (на материале современного английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2007. 175 с. EDN: NOUBRJ
27. Цурикова Л. В., Бочарова М. В. Прагматическая интерференция в речевом акте совета: результаты лингвистического эксперимента // *Германские, романские и русский языки в сопоставительном аспекте : сб. науч. тр. Воронеж : ВГУ ; Петров. сквер*, 1998. С. 250–257. EDN: TGCZFH
28. Шеловских Т. И. Речевой акт совета: функционально-прагматический анализ (на материале французского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1995. 180 с. EDN: ZJRFPPN
29. Шутова О. А. Совет как суггестивный речевой жанр поучающего дискурса // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2019. № 5 (138). С. 129–134. EDN: UDFSCM
30. Попова Т. И., Вознесенская И. М., Колесова Д. В., Савотина В. М. Интернет-пространство: речевой портрет пользователя / под ред. Т. И. Поповой. СПб. : Эйдос, 2012. 224 с. EDN: TUYZYR
31. Сайдашева А. В. Речевой портрет писателя-блогера (на примере творчества Ольги Громько) // *Вестник МГУП имени Ивана Федорова*. 2011. № 6. С. 168–171. EDN: WNDKNX
32. Шляховой Д. А. Моделирование обобщенного речевого портрета блогера (на материале немецкой блогосферы) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2019. Т. 10, № 4. С. 879–892. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-879-892>, EDN: WWOIRW
33. Кожееко А. В., Мамедова З. Э. Речевой портрет блогера-рассказчика «True crime story» (лингвистический аспект) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023. Т. 16, № 8. С. 2643–2647. <https://doi.org/10.30853/phil20230415>, EDN: TANCLL
34. Глушко В. В., Убушаева И. В. Коммуникативные особенности передачи речевого портрета американского и русского политического блогера // *Казанская наука*. 2024. № 3. С. 350–352. EDN: CDPNOI
35. Немыка А. А., Павловская О. Е., Сахно О. С. Характеристика речевого портрета блогера в современном интернет-дискурсе // *Наука. Образование. Современность*. 2024. №2. С. 55–62. <https://doi.org/10.24412/2658-7335-2024-2-25>, EDN: SRWRHQ
36. Хабибуллина О. А. Анализ лингвистического аспекта речевого портрета современного англоязычного блогера // *Филология: научные исследования*. 2023. № 2. С. 17–32. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2023.2.38894>, EDN: GCWSTW
37. Карасик В. И. Языковые камертоны смысла. М. : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2024. 416 с. EDN: EZOQLU

REFERENCES

1. Viktorova E.Yu. Pragmatic aspects of ted talks as a specific speech genre (through the lens of discourse markers' use). *Speech Genres*, 2019, no. 4 (24), pp. 254–266 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-254-266>, EDN: YQLSQI
2. Galichkina E. N., Akimova O. V. Video game stream as an Internet speech genre. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 4 (48), pp. 456–465 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-456-465>, EDN: YUNLBL
3. Dementyev V. V. Heart-moving stories about kitties in Runet in the paradigm of the genres of volunteer discourse. *Speech Genres*, 2021, no. 4 (32), pp. 305–326 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-305-326>, EDN: QKJMIB
4. Dementyev V. V. Popular science articles about animals: Speech genre characteristics and their dynamics (on the material of the Soviet press of the 20th century

and publications in Runet of the 21st century). *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 43–57 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-43-57>, EDN: QKKNUM

5. Dementyev V. V. Popular science articles about outer space: An experience of integral description of a speech genre (based on the material of the Soviet press of the 20th century and publications in the Runet of the 21st century). *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 139–151 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-139-151>, EDN: JWNEAY

6. Karasik V. I. Genres of online discourse. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 49–55 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>, EDN: YZSZFZ

7. Kalinina K. V. Video reaction, trash review, nostalgic review as new evaluative speech genres of the Internet communication. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 4 (48), pp. 447–455 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-447-455>, EDN: YNGACZ

8. Kontsevaya N. A. The genre of the longread: A sociolinguistic aspect. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 4 (44), pp. 385–393 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-4-44-385-393>, EDN: YGPXPC

9. Prom N. A., Evtushenko O. A., Shestakova O. A. Speech genres of electronic communication between lecturer and student. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 95–103 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-95-103>, EDN: XQBTBY

10. Makarov M. L. E-communication genres: Quo vadis? *Zhany rech: sb. nauch. tr. Vyp. 4* [Speech Genres: Coll. of sci. arts. Iss. 4]. Saratov, ITs “Nauka”, 2005, pp. 336–352. EDN: VLMNHA

11. Volokhonsky V. L. Psychological mechanisms and foundations for blog classification. In: *Lichnost' i mezhlchnostnoye vzaimodeystviye v seti Internet. Pod red. V. L. Volokhonskogo, Yu. Ye. Zaytsevoy, M. M. Sokolova* [Volokhonsky V. L., Zaitseva Yu. E., Sokolov M. M., eds. Personality and Interpersonal Interaction on the Internet]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2007, pp. 117–131 (in Russian). EDN: IAYOGH

12. Kurchakova N. Forms of self presentation on a blog. *Lichnost' i mezhlchnostnoye vzaimodeystviye v seti Internet. Pod red. V. L. Volokhonskogo, Yu. Ye. Zaytsevoy, M. M. Sokolova* [Volokhonsky V. L., Zaitseva Yu. E., Sokolov M. M., eds. Personality and Interpersonal Interaction on the Internet]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2007, pp. 132–163 (in Russian).

13. Bazhenova E. A., Ivanova I. A. “Blog as an Internet Genre”. *Russian and Foreign Philology. Bulletin of Perm University*, 2012, iss. 4 (20), pp. 125–131 (in Russian). EDN: PJENSZ

14. Goroshko Ye. I., Polyakova T. L. To the construction of a typology of social media genres. *Speech Genres*, 2015, no. 2 (12), pp. 119–127. EDN: VLFUMZ

15. Kolokoltseva T. N. Dialogism in the genres of internet communication (chat, forum, blog). *Speech Genres*, 2016, no. 2, pp. 97–105 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-97-105>, EDN: XUVJID

16. Shlyakhovoj D. A. Genre characteristics of blogs as electronic mass media. *Bulletin of RUDN University. Series : Language Theory. Semiotics. Semantics*, 2017, vol. 8, no. 4, pp. 939–948 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-4-939-948>, EDN: YQZHLS

17. Kovtunen I. V. *Models of coherent text generation in the Russian blogosphere: Pragmatic and*

linguocultural aspects. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Moscow, 2022. 40 p. EDN: VVSDJV

18. Kislytsyna N. N., Norets M. V. The blog genre in the aspect of lingvocognitive consonance and dissonance of communication participants. *Bulletin of Cherepovets State University*, 2024, no. 2 (119), pp. 70–85 (in Russian). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-2-119-5>, EDN: ENHRYH

19. Goroshko E. I., Zemljakova E. A., Poljakova T. L. Genres 2.0: The problem of typology and categorization based on Twitter as a communicative service. *Zhany rech: sb. nauch. tr. Vyp. 8. Zhanr i tvorchestvo* [Speech Genres: Coll. of sci. arts. Iss. 8. Genre and Creation]. Moscow, Saratov, Labirint, 2012, pp. 344–356 (in Russian). EDN: MGXWYH

20. Alferenko N. A., Suslova M. A. The speech act of advice in the German language. *Problems of Romance-Germanic Philology, Pedagogy and Methods of Teaching Foreign Languages*, 2012, no. 9, pp. 5–16 (in Russian). EDN: TQOPWX

21. Arkhipenkova A. Yu. *Expression of Advice in English and Russian Communicative Cultures*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2006. 17 p. (in Russian). EDN: NKBQAT

22. Emelyanova M. V., Filonenko V. A. Features of expressing the speech act of advice in languages with different structures. *Bulletin of the Chuvash University*, 2015, no. 4, pp. 233–238 (in Russian). EDN: VKEWJN

23. Korneva V. V. Indirect speech acts of advice in Spanish and Russian. In: *Germanskiye, romanskiye i russkiy yazyki v sopostavitel'nom aspekte: sb. nauch. tr.* [Germanic, Romance and Russian languages in a comparative aspect: Coll. of sci. papers]. Voronezh, Voronezh State University, Petrov. skver, 1998, pp. 102–110 (in Russian). EDN: TGCZCZ

24. Orlova N. V. Cultural conditioning of the dynamics of the genre (based on the advice in journal publications in various eras). *Zhany rech: sb. nauch. st. Vyp. 5. Zhanr i kul'tura* [Speech Genres: Coll. of sci. arts. Vol. 5. Genre and culture]. Saratov, ITs “Nauka”, 2007, pp. 262–272 (in Russian). EDN: YPHXZJ

25. Rogozhnikova I. N. Pragmatic space of the directive speech act “advice” in light of the communicative category of politeness. *Actual Issues of Contemporary Science*, 2008, no. 4–2, pp. 72–78 (in Russian). EDN: RCITIP

26. Solovieva A. A. *The Speech Genre “Advice” in Different Types of Discourse (Based on Modern English)*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Astrakhan, 2007. 175 p. (in Russian). EDN: NOUBRJ

27. Tsurikova L. V., Bocharova M. V. Pragmatic interference in the speech act of advice: Results of a linguistic experiment. *Germanskiye, romanskiye i russkiy yazyki v sopostavitel'nom aspekte: sb. nauch. tr.* [Germanic, Romance, and Russian Languages in a Comparative Aspect: Coll. of sci. papers]. Voronezh, Voronezh State University, Petrov. skver, 1998, pp. 250–257 (in Russian). EDN: TGCZFH

28. Shelovskikh T. I. *The Speech Act of Advice: A Functional-Pragmatic Analysis (Based on French and Russian)*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Voronezh, 1995. 180 p. (in Russian). EDN: ZJRFNP

29. Shutova O. A. Advice as a suggestive speech genre of instructive discourse. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*. 2019, no. 5 (138), pp. 129–134 (in Russian). EDN: UDFSCM

30. Popova T. I., Voznesenskaya I. M., Kolesova D. V., Savotina V. M. *Internet-prostranstvo: rechevoy portret*

pol'zovatelia. Pod red. T. I. Popovoy [Popova T. I., ed. Internet Space: User Speech Portrait]. St. Petersburg, Eidos, 2012. 224 p. (in Russian). EDN: TUYZYR

31. Saidasheva A. V. Speech portrait of a writer-blogger (based on Olga Gromyko's Work). *Bulletin of the Ivan Fedorov Moscow State University of Printing*, 2011, no. 6, pp. 168–171 (in Russian). EDN: WNDKNX

32. Shlyakhovoj D. A. Modeling a generalized speech portrait of a blogger (based on the German military blogosphere). *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series : Language Theory. Semiotics. Semantics*, 2019, vol. 10, no. 4, pp. 879–892 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-879-892>, EDN: WWOIRW

33. Kozheko A. V., Mamedova Z. E. Speech portrait of the blogger-narrator "True crime story" (linguostylistic aspect). *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, 2023, vol. 16, no. 8, pp. 2643–2647 (in Russian). <https://doi.org/10.30853/phil20230415>, EDN: TANCLL

34. Glushko V. V., Ubushaeva I. V. Communicative Features of Conveying the Speech Portrait of an American and Russian Political Blogger. *Kazan Science*, 2024, no. 3, pp. 350–352 (in Russian). EDN: CDPNOI

35. Nemyka A. A., Pavlovskaya O. E., Sakhno O. S. Characteristics of a blogger's speech portrait in contemporary Internet discourse. *Science. Education. Modernity*, 2024, no. 2, pp. 55–62 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2658-7335-2024-2-25>, EDN: SRWRHQ

36. Khabibullina O. A. Analysis of the linguistic aspect of the speech portrait of a modern English-speaking blogger. *Philology: Scientific Research*, 2023, no. 2, pp. 17–32 (in Russian). <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2023.2.38894>, EDN: GCWSTW

37. Karasik V. I. *Yazykovyye kamertony smysla* [Language tuning forks of meaning]. Moscow, A. S. Pushkin State Institute of the Russian Language Publ., 2024. 416 p. EDN: EZOQLU

Поступила в редакцию 31.05.2025; одобрена после рецензирования 26.06.2025; принята к публикации 26.06.2025; опубликована 01.06.2026

The article was submitted 31.05.2025; approved after reviewing 26.06.2025; accepted for publication 26.06.2025; published 01.06.2026

ЖАНРЫ В ФИЛО- И ОНТОГЕНЕЗЕ

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 2 (50). С. 239–244

Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 2 (50), pp. 239–244

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-239-244>, EDN: ZASBVZ

Научная статья

УДК 398-053.4/.5=351.32+811.351.32'27'38'42

Особенности детских считалок как речевого жанра в фольклоре лезгин

А. Р. Гашарова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Россия, Республика Дагестан, 367000, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, д. 45

Гашарова Аида Руслановна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора, aida.2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1651-1740>

Аннотация. В статье рассматриваются считалки в детском фольклоре лезгин. Цель нашей работы – отметить значимость и важность считалок в детском социальном развитии и игровом дискурсе, выделить их как основной компонент игрового действия, выявить специфические особенности считалок как речевого жанра. Отмечается, что считалки являются жанровой разновидностью игровой поэзии детского фольклора лезгин. Общеизвестная функция детской считалки – это распределение ролей между детьми в процессе игры, что приводит к упрочению контактов и регулированию общения между основными участниками. Считалки являются вступительной частью к любому игровому действию. Они в основном служат способом в выборе водящего. В этом и заключается практическая применимость данного жанра. В результате этого игрового действия считалка одновременно способствует физическому воспитанию ребенка. Установлено, что считалки – это художественно организованные вербальные высказывания, которые можно условно разделить на две группы: смысловые считалки, которые характеризуются определенным семантическим полем или обыденным счетом, и замысловатые (заумные). Относительная устойчивость и стабильная конструкция считалки содействует быстрому запоминанию, восприятию, заучиванию текста. Кроме этого, детская считалка в лезгинском фольклоре выполняет познавательную, этическую и эстетическую функции. За счет лаконичного, но вместе с тем содержательного материала считалки расширяют детский кругозор. Таким образом, доказано, что народные считалки носят полифункциональный характер.

Ключевые слова: детский фольклор, устно-поэтическое творчество лезгин, речевой жанр, игровая поэзия, считалки

Для цитирования: Гашарова А. Р. Особенности детских считалок как речевого жанра в фольклоре лезгин // *Жанры речи*. 2026. Т. 21, № 2 (50). С. 239–244. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-239-244>, EDN: ZASBVZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Features of children's counting rhymes as a speech genre in Lezghin folklore

A. R. Gasharova

The G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Federal Research Center of Russian Academy of Sciences, 45 M. Gadzhiev St., Makhachkala 367000, Republic of Dagestan, Russia

Aida R. Gasharova, aida.2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1651-1740>

Abstract. The article studies counting rhymes in Lezghin children's folklore. The purpose of the paper is to establish the significance and importance of counting rhymes in children's social development and game discourse, to highlight them as the main component of the game action, to identify specific features of counting rhymes as a speech genre. It is noted that counting rhymes are a genre variety of game poetry of Lezghin

children's folklore. The generally recognized function of a children's counting rhyme is the distribution of roles between children during the game, which leads to strengthening of contacts and regulation of communication between the main participants. Counting rhymes are an introductory part to any game action. They mainly serve as a way to select "an odd man out". As a result of this game action, the counting rhyme simultaneously contributes to the physical education of the child. It has been established that counting rhymes are artistically organized verbal statements that can be conditionally divided into two groups: semantic counting rhymes, which are characterized by a certain semantic field or ordinary counting, and intricate (abstruse) ones. The relative stability and stable design of the counting rhyme facilitates quick memorization of the text. In addition, the children's counting rhyme in Lezghin folklore performs cognitive, ethical and aesthetic functions. Thus, the article proves that folk counting rhymes are multifunctional.

Keywords: children's folklore, oral poetry of Lezghins, speech genre, play poetry, counting rhymes

For citation: Gasharova A. R. Features of children's counting rhymes as a speech genre in Lezghin folklore. *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 2 (50), pp. 239–244 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-239-244>, EDN: ZASBVZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Жанровой разновидностью игровой поэзии, как составной части детского фольклора лезгин, наравне с пестушками, потешками, прибаутками, насмешками и дразнилками, являются считалки. Типологическая самобытность лезгинских считалок выражается в содержании, звуко-ритмической организации и системе художественных средств. Они занимают в жизни детей существенное место и носят полифункциональный характер.

Некоторые исследователи связывают происхождение считалок с древними магическими формами гаданий, которые носили ритуальное значение. По мнению Г. С. Виноградова, считалка – это «гадание в одной из его разновидностей» [1: 153]. Считалка, по мнению М. В. Строганова – это «гадание о том, кто будет водящим» [2: 15]. Считалки могли применяться и во время обрядовых действий, когда методом отсчета можно было выбрать жертву, «случайное выпадение жребия кому-либо считалось волей providения, судьбы и не могло обижать или восприниматься как несправедливость» [3: 112]. Со временем гадания превратились в развлечение, в игру, в счет. Предположения ученых об архаичности считалок применимы и к этногенезу этого жанра в лезгинском фольклоре. В результате многовекового бытования считалки утратили свое исходное значение и роль.

Функция детской считалки в современном бытовании – дифференциация роли ребенка в игре, что в конечном счете приводит к упрочению контактов и регулированию общения между основными участниками игры.

Материал, методы, обзор

До сих пор не были предприняты попытки исследования текстов детских считалок лезгин. Некоторые образцы текстов лезгинских

детских считалок, рассматриваемых в нашей работе, впервые были приведены в работе Ф. З. Абакаровой [4]. Наиболее распространенные и художественно значимые произведения детского фольклора народов Дагестана, в том числе и лезгин, включены в «Свод памятников фольклора народов Дагестана. Т. 7. Детский фольклор» [5]. Материалом для нашего исследования послужили также тексты из Рукописного фонда Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (ИЯЛИ ДФИЦ РАН) и личного архива автора, которые ранее не вводились в научный оборот.

Результаты и их обсуждение

Вступительной частью, зачином к любому игровому действию в лезгинском фольклоре являются считалки – «гъисабунар» (сущ. «гъисаб» – «счет», «подсчет», «вычисление», «счисление»; гл. «гъисаб авун» – «считать», «вычислять»), «эбел-белияр» (выражение, не имеющее лексического значения, за основу взята первая строка общеизвестной в народе лезгинской считалки). Они представляют собой специфическую область коллективного творчества, которая функционирует в детской среде (6–11 лет). Особенности считалок как речевого жанра являются:

- распределение ролей между игроками в процессе игры (практическая применимость), в результате чего проявляется коммуникативная цель жанра;
- акциональный компонент (движение руки, указание пальцем), иногда и предметный (к примеру, палка);
- ритуальность считалочного контекста;
- четкий ритм как основной формальный признак считалки;
- тенденция к выразительности и мерности стиха.

Еще в 1925 г. в статье «Детские игровые прелюдии» Г. С. Виноградов отметил, что считалки принципиально отличаются от других «групп» детского фольклора (потешного, сатирического, бытового и календарного), так как «не живут вполне самостоятельной жизнью», а входят «составною частью в более сложное образование – в игру» [1: 153]. Эти слова можно отнести и к лезгинским считалкам, которые имеют широкое бытование.

Считалки – это короткие ритмичные тексты, основная функция которых состоит в том, чтобы выбрать кого-то, кто будет играть ведущую роль в определенной игре, например во время игры в прятки или догонялки. «Это не просто словесное произведение, но синкретичное: текст живет только в присутствии нескольких лиц (не менее двух), образующих круг и намеренных играть сообща в игру. Знаток считалки, стоящий наравне со всеми в общем круге, говорит ее речитативом и при произнесении каждого словесного отрезка (отдельного слова или слога) последовательно дотрагивается указательным пальцем правой руки (у левши – левой) до каждого участника игрового мероприятия или указывает на его грудь. По завершении текста тот, на которого выпала концовка считалки, выбывает из круга и числится» [6: 85]. Например:

*Акал кадур кин назар,
Кило мадур мин назар,
Далдамрал – демин клашар,
Клишншрал – верци векьер,
Клук хъипиди жен герек,
Зенгел-менгел къветрешар,
ЭкечI-хкечI, хкудур гумбатI.*

...<не переводятся>
...<не переводятся>
На барабанах – свадебные палки,
На кинзе – сладкие травы,
Верхушка жёлтой чтоб была,
Зенгел-менгел травы,
Вступай-вылезай, выбирай воришку [5: 225].

В детском фольклоре лезгин бытуют считалки, при воспроизведении которых может быть задействован весь коллектив. Так, для того чтобы выявить лидера в игре, один ребенок передает другому длинную палку (произносит первую строку считалки). Затем эти двое, не отпуская, передают ее третьему. Это продолжается до тех пор, пока на палке не останется места для кулачка очередного игрока (тот и оказывается главным). Затем главный в игре проводит линию и отходит на 15 шагов. Далее начинается игра.

Считалки – это художественно организованные вербальные высказывания. Лезгинские считалки можно условно подразделить на две группы:

- 1) смысловые;
- 2) замысловатые, или заумные.

1. Смысловые считалки характеризуются – а) определенным семантическим содержанием или б) заурядным («голым») счетом. Например:

а) *Рагъ атана,
Нур атана,
Къыдгына туртур атана,
Алихан чамар атана,
Ччилик квей ламар атана,
Клаш-паш-таш.*

Солнце появилось,
Свет появился,
Рассыпались лучи,
Подпрыгивая перепёлка пришла,
Алихана свадебный поезд пришёл,
Мокрица, что под землёй пришла,
Каш-паш-таш¹;

б) простейшая форма лезгинской считалки выглядит так:

*И ругуд, а ругуд,
Къанни цIуругуд,
ЦIерид, цIемуъжуд,
ЦIекIуд, къад.*

Эти шесть, те шесть,
Тридцать шесть,
Семнадцать, восемнадцать,
Девятнадцать, двадцать [4: 76].

2. Замысловатые, или заумные, считалки представляют собой «рифмованный стишок, состоящий по большей части из придуманных слов и созвучий с подчеркнuto строгим соблюдением ритма» [3: 112]. Эти тексты почти не поддаются переводу, в них в застывшей форме сохранились загадочные архаизмы. Заумные считалки являются «набором рифмованных десемантизированных основ, внутри которых могут встречаться... слова с лексическими значениями» [7: 416]. Тем не менее они имеют определенные законы построения. Текст заумной считалки составляет единое целое и композиционно отличается от смысловых считалок тем, что в них не выделяется зачин из так называемых парных слов (эбел бели, акал кади, исти били, атин татин и т. д.). Их применение придает тексту сложенную рифмованность, превращая прозаический текст в стихотворный:

¹Из материалов, собранных автором данной работы. Записано в марте 2014 г. от С.-А. М. Гаджиева, 1938 г. р., уроженца сел. Усухчай Докузпаринского района РД, проживав в г. Махачкала.

Акал кади,
Кулар мади,
Мад масклади,
Сад класади.
Рикіни туьтуьх,
Тіанбулни хев,
Хевни хемис,
Хьурхьни яб.

<не переводятся>,
<не переводятся>,
Еще <не переводятся>,
Один <не переводятся>.
Сердце и горло,
Щелчок и шея,
Шея и четверг,
Кусок овчины и ухо².

С числом у народов Дагестана связаны древние понятия и представления. К примеру, числа три или семь как мифологические числа несут в себе важное значение, отличающееся в разных религиях, верованиях, а также в фольклоре (в сказках, пословицах, считалках, в обрядовых песнях).

В среду (3-й день недели) выходили на охоту (надеясь на благоприятный исход), начинали какое-нибудь задуманное дело (кладка фундамента для строительства дома), отправлялись в дальние странствия. Однако в этот день нежелательно было стричь волосы, ногти и посещать больных. «С развитием человеческого сознания люди перестают придавать столь большое значение счастливым и несчастным числам. Потребность в подставных словах исчерпывается, и считалка с заумными иносказаниями становится достоянием детской аудитории» [4: 70]. Как известно, замысловатая считалка была далеко не детским занятием. Со временем она стала выполнять функцию игры и развиваться своим собственным путем. Значимость табу счета утрачивается, на их смену приходят традиционные формы текстов считалок, отмеченные наличием в них числительных. Например:

АсатI – сад,
Самат – кьвед,
Зун – пуд,
Вун – кьуд.

Асад – один,
Самад [с Асадом] – два,
Я [с ними] – три,
Ты [с нами] – четыре [5: 221].

Или приведем другой пример:

И ругуд, а ругуд,
Къанни ціуругуд,
Ціерид, ціемуьжуйд,
Ціеклуйд, къад.

Эти шесть, те шесть,
Тридцать шесть,
Семнадцать, восемнадцать,
Девятнадцать, двадцать [4: 76].

Вместе с тем «структура этих текстов и их назначение предполагают возможность для вариаций, импровизаций, преобразований в зависимости от времени и условий» [5: 33]. Лексическая основа таких считалок довольно однородна.

Детские считалки лезгин имеют недвусмысленную и детализированную поэтику. Определяющим в них является ритмико-интонационное построение (к примеру, слова и сочетания, дифференцированные на звуковые паузы). Игра слов достигается соразмерным использованием, частым повторением рифмообразующих звуков (слова не несут никакой смысловой нагрузки), аллитерации или ассонанса. И даже те слова и выражения, которые не поддаются переводу, включаются в этот поэтический процесс. В большинстве считалок звуковой образ, т. е. ритм и рифма, играют важную роль, нежели смысл, поэтому они могут иметь множество текстовых вариантов, в том числе содержащие иноязычные выражения или непередаваемые (бессмысленные) выражения. Такого рода считалки М. В. Строганов относит к «озаумленным» числительным и эквивалентам числительных [2: 27]. К примеру:

Эбел беле, дуьгме беле,
Самур-самур, саки югьун.
Уьгьуйн-уьгьуйн пал палажан,
Хьутур-хьутур хуз агьажан³.

Приведем вариант этой считалки:

Эбел били, исти били,
Самур сагъ, севрен агъ.
Ангылар, мангылар, гыларын кац-пац,
Тым атлей тым бачI⁴.

Изменения и вариации текстов чаще всего происходят с сохранением рифмы и без нарушения ритмичности, которая достигается искусным сочетанием квазислов и рифмообразующих звуков:

²Рукописный фонд ИЯЛИ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 394.

³Там же.

⁴Из материалов, собранных автором данной работы. Записано в 2015 г. от Ш. Асварова, 1936 г. р., в сел. Советское Магарамкентского района РД.

*Атин татин тинал хва,
Тинал Али цингил хва.
Иласарин балхъарар,
Балхъарарин хъурхъу хъуц⁵.*

Или:

*Са тлур, кьве тлур, плумл гьеретлур,
Шизал тлизан тлугъ тлугъуьжан,
Муьгъуьр хъанна хъуьлле ибид,
Дыр хъанна плустли планкь.*

Одна ложка, две ложки, <не переводятся>,
<не переводятся>,
<не переводятся>,
<не переводятся>⁶.

Считалки сохранили относительную устойчивость структуры текста. Устная передача считалок позволила довольно свободно изменять текст при воспроизведении. Большое распространение в детском фольклоре лезгин получили считалки, состоящие из 4–6 строк и построенные на одинаковом окончании:

*И члем, а члем
Рушан кьечлем,
Зи чулав мег
Мехъерин бег,
Къапара аш
Рекъикъ куь каш.
Вун акат, вун хкат⁷.*

Это масло, то масло
Девичий пробор,
Мой черный чуб
На свадьбе жених,
В посудах плов
Заморите свой голод.
Ты вступай (в игру), ты выбывай (из игры).

*Камал, Джамал, Рафутл, Селим,
Бари-бицри, гъвечли-члехи.
Раб – гъал,
Экечл – хкечл*

Камал, Джамал, Рафут, Селим,
Бари-бицри, маленький-большой.
Иголка – нитка,
Вступай (в игру) – выходи (из игры).

Этот текст используется и с исключением последних двух строк. Такого рода преобразование текста может привести к выбору другого человека во время жребия:

*Камал, Джамал, Рафутл, Селим,
Бари-бицри, гъвечли-члехи.*

Камал, Джамал, Рафут, Селим,
Бари-бицри, маленький-большой [5: 210].

Чаще всего лезгинские считалки завершаются следующими традиционными фразами: «экечл – хкечл» – «вступай (в игру) – выходи (из игры)», «вун акат, вун хкат» – «ты вступай (в игру), ты выбывай (из игры)», «зид таб, вид яб» – «моя небылица (вымысел, ложь), твое ухо» с указанием на игрока.

Если «считалка не имеет концовки, то последние стихи текста иногда отличаются особенной эмоциональной окраской: обычно в них или безобидная шутка, или издевка без характерных черт сатирической лирики» [8: 137]. Так, в лезгинских считалках мы находим элементы поддразниваний:

*Агъмед фена базардиз,
Цлуд кепекни газардиз,
Цан, цан, цан,
Ам гъвечли пацан.*

Ахмед сходил на базар,
Десять копеек заплатил за морковь,
<Не переводится>,
Он маленький пацан [9: 381].

Устойчивая структура считалок, имеющая стабильную конструкцию, в основном выполняет функцию ассоциативного запоминания слов. Мнемонический прием способствует быстрому восприятию и заучиванию, поскольку дети, особенно дошкольного возраста, рассчитывают на неизменность текста.

Анализ лезгинских считалок показал, что буквальное запоминание текста нельзя получить исключительно путем заучивания. Усвоению считалки способствует структура, характерная данному жанру. Речь идет о запоминании на основе схемы, которая включает в себя ритмическую целостность и поэтический смысл.

Заключение

На основе проведенного анализа мы можем отметить, что детская считалка выполняет познавательную, мнемоническую, нравственную (этическую) и художественную (эстетическую) функции, а одновременно с различными видами игр, в которых она выступает в роли зачина.

Анализ детских считалок показал, что дети, несмотря на относительное постоянство жанра, меняют устоявшиеся тексты путем добавления повторов, новых слов и замедления

⁵Из материалов, собранных автором данной работы. Записано в 2015 г. от Ш. Асварова, 1936 г. р., в сел. Советское Магарамкентского района РД.

⁶Рукописный фонд ИЯЛИ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 394.

⁷Мейланова Ж. Ш. Литературное чтение. 1 класс : учебное пособие для общеобразовательных организаций. СПб. : Просвещение, 2019. С. 10.

произношения, чтобы выбирать того человека, которого они хотят. Определенному типу игры в лезгинском фольклоре соответствуют действия, когда детские забавы и игровые занятия сопровождаются поэтическим текстом. Поэтому поэтический текст и игровые действия искусно взаимосвязаны друг с другом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов Г. С. Детские игровые прелюдии // Виноградов Г. С. Страна детей: избр. тр. по этнографии детства. СПб. : Историческое наследие, 1998. 547 с.
2. Стрганов М. В. Русская считалка. Жанр, типология, указатель сюжетов: исследование и тексты. М. : Лит. ин-т им. А. М. Горького, 2022. 536 с. EDN: CXTLIP
3. Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор : пособие для учителя. М. : Учпедгиз, 1957. 240 с.
4. Абакарова Ф. З. Дагестанский фольклор о трудовом воспитании детей. Махачкала : Дагучпедгиз, 1989. 108 с.
5. Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20 т. / под ред. проф. А. Т. Акамова. Т. 7 : Детский фольклор / сост. : Ф. З. Абакарова, Ф. Х. Мухамедова ; отв. ред. А. М. Аджиев. М. : Наука, 2019. 552 с.
6. Самоделова Е. А. Образ ребенка и матери в рязанском фольклоре и этнографии : в 2 т. Т. 2. Рязань : Рязанский областной научно-методический центр народного творчества, 2019. 345 с.
7. Халилов М. Ш. Язык, фольклор и этнография безжитцев. М. : Институт перевода Библии, 2017. 604 с.
8. Мельников М. Н. Русский детский фольклор. М. : Просвещение, 1987. 239 с. EDN: STLQEV
9. Гаширова А. Р. Жанровое и художественное своеобразие детской сатиры в лезгинском фольклоре // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 4 (107). С. 380–382. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-4107-380-382>, EDN: ZMKXFU

REFERENCES

1. Vinogradov G. S. Children's play preludes. In: Vinogradov G. S. *Strana detey: izbr. tr. po etnografii detstva* [Country of children: Selected works on the ethnography of childhood]. Saint Petersburg, Istoricheskoye nasledie, 1998. 547 p. (in Russian).

Считалки в современном бытовании начинают утрачивать традиционную игровую функцию. Они преобразуются в своеобразную ритмизованную формулу со стандартным воспроизведением для создания легкомысленных незатейливых ребяческих стишков.

2. Stroganov M. V. *Russkaya schitalka. Zhanr, tipologiya, ukazatel' syuzhetov: Issledovaniye i teksty* [Russian counting rhyme. Genre, typology, index of plots: Research and texts]. Moscow, Maxim Gorky Literaturny Institut Publ., 2022. 536 p. (in Russian). EDN: CXTLIP
3. Anikin V. P. *Russkiye narodnyye posloviцы, pogovorki, zagadki i detskiy fol'klor: posobiye dlya uchitelya* [Russian folk proverbs, sayings, riddles and children's folklore: A teacher's manual]. Moscow, Uchpedgiz, 1957. 240 p. (in Russian).
4. Abakarova F. Z. *Dagestanskiy fol'klor o trudovom vospitanii detey* [Dagestan folklore about labor education of children]. Makhachkala, Daguchpedgiz, 1989. 108 p. (in Russian).
5. *Svod pamyatnikov fol'klora narodov Dagestana: v 20 t. Pod red. prof. A. T. Akamova. T. 7: Detskiy fol'klor. Sost. F. Z. Abakarova, F. Kh. Mukhamedova. Otv. red. A. M. Adzhiev* [Akamov A. T., ed. Collection of folklore monuments of the peoples of Dagestan: In 20 vols. Abakarova F. Z., Mukhamedova F. Kh. comp., Adzhiev A. M., ed. Vol. 7. Children's folklore]. Moscow, Nauka, 2019. 552 p. (in Russian).
6. Samodelova E. A. *Obraz rebenka i materi v ryzanskom fol'klоре i etnografii: v 2 t. [The image of a child and mother in Ryazan folklore and ethnography: In 2 vols]. Vol. 2. Ryazan, Ryazan Regional Scientific and Methodological Center of Folk Art Publ., 2019. 345 p. (in Russian).*
7. Khalilov M. Sh. *Yazyk, fol'klor i etnografiya bezhtintsev* [Language, folklore and ethnography of the Bezhtin people]. Moscow, Institut perevoda Biblii, 2017. 604 p. (in Russian).
8. Melnikov M. N. *Russkiy detskiy fol'klor* [Russian children's folklore]. Moscow, Prosveshcheniye, 1987. 239 p. (in Russian). EDN: STLQEV
9. Gasharova A. R. Genre and artistic originality of children's satire in Lezgin folklore. *The World of Science, Culture, Education*, 2024, no. 4 (107), pp. 380–382. (in Russian). <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-4107-380-382>, EDN: ZMKXFU

Поступила в редакцию 28.11.2024; одобрена после рецензирования 13.01.2025; принята к публикации 13.01.2025; опубликована 01.06.2026

The article was submitted 28.11.2024; approved after reviewing 13.01.2025; accepted for publication 13.01.2025; published 01.06.2026

Редактор *Е. А. Митенёва*
Корректор *Е. А. Митенёва*
Технический редактор *С. С. Дударева*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского».
410012, Саратовская область, Саратов, ул. Астраханская, 83

Подписано в печать 22.05.2026. Подписано в свет 01.06.2026. Выход в свет 01.06.2026
Формат 60 × 84 1/8. Усл. печ. л. 14,23 (15,25). Тираж 100. Заказ 41-Т

Издательство (редакция) Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.